

В.В. Бушуев

ПОЛИТИКА и ЛЮДИ

«Я» и «МЫ»

Съезд народных депутатов СССР.

1989 – 1991 гг.

(розмыслы)

МОСКВА

2008

Прошло 20 лет со дня начала работы 1-го съезда народных депутатов СССР — первого в истории нашей страны демократически избранного (по крайней мере, половины состава) высшего органа народовластия. Хотя он и просуществовал всего два года (1989 — 1991 гг.), тем не менее, стал яркой и поучительной страницей биографии страны.

Автор, пройдя горнило избирательной компании в рядах Союза научных и инженерных обществ СССР, рассказывает не столько о себе — «Я», — но и о своих коллегах — «МЫ» — по депутатскому корпусу (поэтому и книга размыслов носит такое название). Причем этот рассказ полностью относится к впечатлениям того периода; написан по горячим следам и не подвергался впоследствии никакой правке. Пролежав два десятка лет в столе, он не потерял своей актуальности и сегодня, ибо не только свидетельствует изнутри о горячих событиях на рубеже 90-х годов XX века, но и подчеркивает то ценное, что было свойственно людям и обществу того периода. Сегодня этот демократический романтизм во многом утерян под тяжестью меркантилизма, но ... он был и, надеюсь, послужит своеобразным примером нашим последователям.

Эта книга размыслов автора — не просто дань воспоминаний о нашей горячей юности, но и своеобразное напутствие новым «избранникам народа» и всему обществу.

ISBN 978-5-98420-036-3

© Бушуев В.В., 2008

© ООО ИАЦ «Энергия», 2008

О чем, зачем и для чего?

Строгий грамматик назовет понятия «Я» и «МЫ» всего лишь различными местоимениями, философ — ортогональными координатами единого биосоциального поля, политик — соотношением индивидуализма с его частной собственностью и коллективной формы бытия.

И каждый прав. Но Человек — существо более многогранное, чем его профессиональная личина. Каждый из нас — немного и литератор, и ученый, и общественный деятель. И жизнь постоянно вынуждает нас интегрировать эти и многие другие качества, отвечая на главный вопрос — зачем Я живу?

Но жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.

А общество — это «МЫ». Поэтому повсеместно и постоянно мы сталкиваемся и разрешаем для себя и каждый раз по-иному известное диалектическое единство и противостояние «Я» и «МЫ».

Жизнь сложилась так, что мне всегда было тесно в одной личине, и я попеременно, а зачастую и одновременно был научным работником и политиком, не чураясь и владения пером.

Последние, самые свежие и, пожалуй, самые значительные перипетии моей жизни были непосредственно связаны с перерождением нашего общества из бедного, но самодовольного состояния в нищее, злое, но одухотворенное качество. И мне довелось быть в эпицентре этих событий, длившихся всего два с небольшим года. Это было время от первых неожиданно демократичных выборов на депутатский форум в начале 1989 года до ликвидации нашей среды обитания, адрес которой — «не дом и не улица», а «нерушимый» Советский Союз на последнем V-ом внеочередном Съезде народных депутатов и на Беловежском собрании лидеров России, Украины и Белоруссии.

Как я стал народным депутатом СССР, как свежим взглядом увидел людей, олицетворяющих «высшее руководство страны», и как замкнулась моя судьба после возвращения «на круги своя» — та канва, на которую нанизаны мои размышления (розмыслы) о жизни, о встреченных людях, о проблемах, над которыми путались мысли и седела голова.

Их прочтут близкие и потомки. Может быть, они будут полезны историкам, изучающим наше время надежд и разочарований, время становления общества как системы, где интересы отдельного человека не подавляются, а учитываются при управлении государством.

Я лично понял, что государство — это «мы», но не набор механических винтиков или «агрессивно-послушного большинства», а система со своими глобальными интересами, не противоречащими основным интересам большинства его граждан.

Розмыслы — не летопись событий, свидетелем и участником которых мне довелось быть, это — мозаика нашей жизни, увиденная, оцененная и сотворенная мною. Пусть кто-то узрит в этом мозаичном панно всего лишь жалкий слепок с природы, мне хотелось иного — вместе с читателем осознать роль «я» в общем действии «мы». Ибо, осознав, становишься не рабом событий, а лоцманом в бурном житейском море. Пусть это высокопарно, но воспарить над суетой бытия — в этом и предназначение Homo sapiens.

Перестройка

Драма социализма, один из крайних вариантов которого был реализован в СССР, заключалась в гипертрофированном перекосе соотношения между личностью и государством, между индивидуальным «Я» и коллективным «МЫ» в пользу обобществления всего и вся: и экономики и духовных начал.

«Всякое Я, в существе своем, обособленно, ограничено. Всякое МЫ сильно и безгранично», — писал Н. Рерих в книге «О вечном». Даже такие духовники человечества, веруя во всеильность нравственных начал жизни, отдавали приоритет социуму. Тем более этот приоритет общинности над индивидуализмом был свойственен всей российской истории. И роль Личности в истории чаще всего определялась не индивидуальными качествами великих реформаторов, а тем, насколько они свои устремления соотносили с устремлениями общества, формирующимися под влиянием национального исторического опыта и общемировых тенденций.

Перестройка и ее нынешний финал связаны с именем М.С. Горбачева.

Мы стремительно отдаляемся от своего совсем недавнего прошлого. Но чтобы осознать вектор нашего движения, надо попытаться не оценить, а понять не только статику событий, а и их динамику.

Всеобщая история есть агрегат, функционирующий лишь при согласованных действиях всех своих составных механизмов — личностей и народных масс, которые функционируют как под влиянием внешних, так а внутренних сил. Российская история не есть отдельная страница мирового процесса — она связана с этим процессом тысячами причинно-следственных связей. И все же, пуповиной своей российские исторические детали связаны а российским социумом — общественно-психологическим настроением масс, их готовностью к перелому в новой жизни, пониманием необходимости и целей перестройки. Для наших людей особенно важно, чтобы «идея овладела массами, тогда она становится мощной движущей силой», направляемой Личностью. Реформы Петра I не были предварены осознанием у народной массы потребности рубить окно в Европу. Поэтому и шли эти реформы силовыми методами, не встречая осознанной поддержки у тех, кому брили бороды, на кого пялили аглицкие камзолы и голландские парики. И сгорал Петр как первопроходец, не понятый народом своим.

Гораздо большего на поприще приобщения русского народа к западной цивилизации добилась матушка Екатерина II. Она нутром поняла, что над этим народом нельзя сильничать, и подвигнуть его можно лишь действуя на внутренние исконные пружины. Сказка о «доброй царице» — это от русского национального характера. И даже любовные оргии во дворце были вполне в русском духе, отличающимся крайностями во всем — в монашеском воздержании и мирском прелюбодеянии. Декабристы действительно были «страшно далеки от народа», их чтили за былые военные подвиги, но не за республиканские воззвания.

И остались они в памяти народной благодаря ореолу великомучеников, а отнюдь не как носители светлых ожидаемых народом идей.

Наиболее близко подошли к пониманию русской народной психологии социал-демократы, эсеры и большевики. Не Столыпин, как реформатор западного толка, которого сегодня многие превозносят до небес. У него была заимствованная из чужих условий идея — сделать каждого обособленным собственником. На Руси же общинность была в крови, а это объяснялось многовековой воинской, климатически-природной религиозной а, следовательно, и общественно-психологической традицией.

Пониманием того, что главной общественно-политической силой является общественный труженик в деревне и на фабрике — главный товаропроизводитель, но оторванный от права распоряжаться результатами своего труда, социал-демократы нашли общий язык с народными массами. Большевики сумели лучше организовать эти массы в общие колонны, ибо имели партию более активного действия, которая не только разглагольствовала, а действовала. А роль Ленина при всей неоднозначности его сегодняшнего восприятия была огромна и как теоретика нового движения и как практика, осуществляющего, разумеется, не одними призывами, конкретные действия в направлении, соединяющем русский идеализм с русской же бесшабашностью.

Полувосточная страна, каковой была Россия, всегда лучше воспринимала диктатуру, чем демократию, действие чем краснобайские разговоры, артельную уравнительную справедливость, чем экономические стимулы. И народ пошел за комиссарами. И нельзя за это винить ни сам народ, ни его краснобайских выдвиненцев. Они ведь не прилетели с другой планеты, они вышли из народа, который отдал им власть, подчинился чекисту в кожаной куртке и с маузером в безжалостной руке. За 3-4 года большевики навели порядок в бескрайних просторах от Бреста до Тихого океана. Да, они не нашли никаких других стимулов организации общественной жизни кроме как поддержания железной рукой железного порядка. И то, что железный Феликс из ОГПУ перевешал ВСЕХ для наведения порядка в экономике теми же чекистскими методами, было закономерным. Силовые методы как главные, а по сути, единственные методы организации жизни общества, были вполне приемлемы для массового люмпена, который, к тому же, потерял свои прежние цепи, а приобрел всю полноту власти. Ленин понял, одним из первых, что главная движущая сила в переходный период революции — пролетариат, свою историческую миссию выполнил. А далее нужны организационно-экономические методы управления обществом, нужны новые профессионалы. Но было уже поздно, идеи уравнительности, под которыми к власти пришла «голытьба», уже стали общественной доктриной. И НЭП, идущий вразрез с догматическими установками революционеров, знавших лишь митинговые и наганные методы управления массами, был похоронен заживо. Возобладал «новый порядок», дававший определенные позитивные результаты и в экономике, и в просвещении народа. Как это ни прискорбно, но действительно, красный порядок в России и коричневый — в

Германии были близки, хотя попытки отождествления их несостоятельны. У нас железная дисциплина обосновывалась стремлением создать государство всеобщей, в том числе интернациональной уравнительности в пользу нерассуждающего человека труда. При этом мы полностью отказались от частной собственности и экономических товарно-денежных отношений. В Германии же, цель «нового порядка» состояла сугубо в национализме, расширении жизненного пространства исключительно для немцев. Немецкий капиталист был для «новой власти» в Германии свой, а чешско-австрийский, а тем более славянский пролетарий — не более чем рабочей скотиной. Одними а теми же принудительными мерами преследовались совершенно различные общественные цели. И забывать об этом, игнорировать это — значит, за деревьями не видеть леса. При всей порочности и даже преступности действий Сталина и его окружения ставить его на одну ступень с Гитлером и его сподвижниками — значит ставить применяемые средства выше мотивов и целевых установок, обусловивших использование этих средств.

Созданная Сталиным и непоколебленная по сути ни Хрущевым, ни Брежневым административно-командная система была полностью тождественна тем общественным целям, которые провозглашались — создать промышленно развитую великую державу, на равных противостоять в мире тем силам, которые могли бы покуситься на первое в мире государство рабочих и крестьян. Внешняя опасность, действительная и мнимая, честолюбивые планы сохранить доминирующее влияние в мире и после Второй мировой войны — диктовали именно этот стиль управления страной. Народ наш, свободолюбивый и гордый, не мог считать себя после победы народом второсортным. И он, затянув пояса из кожи вон лез, чтобы восстановить порушенный дом свой, поднять страну из руин и пепла к высотам космоса, он готов был на все, «лишь бы не было войны».

И это чувство недобросовестно эксплуатировали те, кто под предлогом неустанной заботы о мире стимулировал гонку вооружений, истощая и без того неразвитые наши производительные силы. Принцип же мирного сосуществования, декларировавшийся всеми нашими руководителями, на деле не был принципом действия, ибо означал переход от государственного противостояния к экономическому соревнованию, которое для нас было делом невыигрышным. Ибо вся наша идеология и инфраструктура жизни была построена на эксплуатации природного для россиян чувства единения перед лицом внешней опасности, чувства всеобщей уравнительности, которое не создает стимулов для развития материального производства сверх минимально необходимого для физического жизнеобеспечения объема. Мы так и не отошли от утопического «Города солнца» Томазо Кампанеллы, который, именно благодаря всеобщей уравнительности, стал городом не тружеников, а бездельников и доносчиков. Жестко, зло, но справедливо показал В. Тендряков в своем романе «Покушение на миражи» естественную гибель такого города и его родоначальника. Есть и общий закон природы — в системе со всеми равноправными состояниями энтропия, характеризующая равнозначность отдельных элементов, максимальна, хаос — максимален, а это есть смерть системы. Максимизация энтропии повышает ее устойчивость, но делает систему неспособной к развитию.

Административно-командная система есть система без обратных связей. Действуя по жестко заданной программе, она неспособна раскачаться, не подвержена кризисам за исключением единственного кризиса сверхстойчивого состояния смерти.

Когда наше общество было закрытым и все соревнование с остальным миром шло только в военно-космическом плане, мы планомерно развивались по директивам Госплана. План — главный закон жизни. Это была наша идеология. Деньги — этот всеобщий эквивалент труда — у нас никакой роли по сути не играли, т.е. экономических рычагов и стимулов к производству просто не существовало. Попытки использовать социальное соревнование или, опять-таки директивно установленную, оплату по труду эффекта дать не могли, ибо породили класс управляющих, действующих от имени государства, но по своему усмотрению. Идеалистов среди них было мало. Человек становился элементом государства. Всеобщее — значит ничье. Противоречие между индивидуальным характером труда и так называемым общественным потреблением этих результатов, регулируемым госаппаратом, привело к апатии человека труда. Все-таки следует признать, что представление, будто трудясь не на конкретного хозяина, а на все общество, человек будет творить чудеса — несостоятельно. Слишком велико расстояние между усилиями индивидуума и получаемыми им для всех радостей жизни результатами — теряется прямая связь, а следовательно и заинтересованность. В то же время нельзя сбросить со счета и психологическое стремление человека к уравнительности. Если сосед живет лучше, чем я — для большинства это ощущение не только дискомфортно, но и унижительно. Тем более, что большинство действительно не понимает, почему такое возможно.

Весь мир балансирует между стремлением к росту материальных благ (достижимом при развитии индивидуальных стимулов к труду, труду непосредственно на себя, а не на все большое сообщество), и стремлением к уравнительности. Эта балансировка и движет общественным развитием, склоняясь то в пользу частного предпринимательства, стимулирующего производительность труда, то в пользу социально справедливого распределения произведенного продукта между владельцами вложенного капитала и труда и всеми гражданами непроизводственной аферы. Капитализм в производстве, социализм в распределении — такова оценка шведского опыта.

Жить в условиях чисто административно-командной системы, приведшей страну к максимуму энтропии, дальше было нельзя, ибо люди, едущие за границу, а таких становилось все больше и больше, видели нашу безнадежную отсталость от «загнивающего» капитализма.

Военные стимулы к развитию экономики действовать переставали, а новые продекларированные социальные цели были оторваны от реалий, ибо не включали в действие самого человека, оставляя его потребителем, просителем, зависящим от сильных мира сего. Всеобщая апатия, сопровождаемая нежеланием и неспособностью укрепившихся «на островке коммунизма» что-либо менять порождала энтропийную смерть общества.

Понимание необходимости каких-то перемен в жизни привело на Олимп традиционной кремлевской власти новую плеяду руководителей во главе с Горбачевым. «Мы ждем перемен», — пел популярный рок-ансамбль «Кино», отражая чаяния молодежи и общества. За перемены выступило и верховное руководство. Но... какие? Лидеры партии и государства начали пробовать. Попытки просто поменять цели в пользу научно-технического прогресса, ничего не меняя в системе, успеха, естественно, не дали.

Экспромты в сторону аренды, кооперации и усиления заинтересованности трудовых коллективов в управлении производством были шагами в нужном направлении, но шагами непродуманными, непоследовательными, хаотичными. Результат оказался близок к нулю, а старая управляемость обществом стала рассыпаться, не заменяясь никакой новой системой управления. По сути дела, прав был Ю. Бондарев, когда на партийном форуме образно сказал, что наш самолет взлетел, но на какой аэродром посадки держит путь — неизвестно.

Все-таки, когда Ленин вел страну к революции, у него были какие-то целевые установки и определенная программа действий... Как бы Горбачев ни пытался цитировать прежних классиков, что «надо сперва ввязаться в драку», что готовые схемы действий мертвы, главной его ошибкой, а ошибка часто больше преступления, было отсутствие какой-либо программы как стратегических, так и тактических действий. А ведь в ЦК КПСС, в Академии наук, в обществе, начавшем думать вслух, были люди, способные такую программу если и не афишировать, не зная как общество воспримет новации, то по крайней мере дать в руки Генеральному секретарю. Политической программы не было, а конкретные действия вызывали у многих недоумение. Поддержку, потому что в отличие от прошлых лет, действия были, и все же невосприятие, ибо в отличие от НЭПа, политика Горбачева на либерализацию экономики явно начиналась не с того конца.

Просто удивительно, что в нашем обществе дух предпринимательства оказался еще не убит многолетними запретами. Тезис «разрешено все, что не запрещено законом» в отсутствие какой-либо нормативной базы означал стихию. Вместо того, чтобы дать свободу предпринимательству в сфере производства товаров народного потребления для создания дополнительных фондов, новоявленные бизнесмены бросились туда, где было проще, ничего не создавая вновь, перекачать безликие бумажные деньги в реальные купюры, требующие отоваривания. Торгово-посредническая деятельность, с которой худо или бедно, справлялась прежняя госторговля и потребкооперация, стала легализовать процесс обычной спекуляции все тем же ограниченным товарным ресурсом. Пожалуй, лишь цветочные кооперативы подорвали монополию государства и насытили рынок, И шашлычники и многочисленные кооперативы при заводах и институтах создавали лишь хаос в потоках материальных ресурсов, регулируя их взятками, благо наличные средства у кооператоров, в отличие от госпредприятий, почти не контролировались. Здравомыслящие экономисты Запада, в том числе Василий Леонтьев, в первых же своих интервью откровенно недоумевали, как можно так безумно открыть все

клапаны для роста инфляции, не заботясь о реальном наполнении рынка товарами. Но и его голос не был услышан.

Эйфория всеобщих выборов руководителей госпредприятий сыграла злую шутку со всеми: и с трудовыми коллективами и с директорами, не сплотив их в едином стремлении к наращиванию производства, а либо противопоставив друг другу, либо усилив групповой потребительский эгоизм. Оказалась забытой давняя заповедь; чтобы было что распределять, надо сначала произвести этот продукт. Как в 1917, так и в 1988-1989 гг., все бросились делить, а не приумножать. И все под предлогом самых благородных устремлений к повышению роли труженика. На самом же деле, в угоду сиюминутным интересам работников, которые в неизменных условиях своего наемничества ничем не рисковали, требуя отдать всю прибыль в фонд потребления, государство же теряло последние стимулы к развитию производства.

Да, бесспорно, групповой интерес, как нечто среднее между частным и сверхобщественным, мог бы стать действенным стимулом не к проеданию, а к процветанию, если бы группа была хозяином своего дела, заинтересованным и в его завтрашнем дне. Работники же госпредприятий, оставаясь наемниками, получали расширенные права распределителя, а не умножителя народного (группового) достояния. Голодный не задумывается над тем, чтобы сохранить зерно для посева, он готов все съесть немедленно, привыкнув по весне получить еще кое-что из государственных закромов.

Это было видно и тогда, не сейчас мы стали сверхумными. Но почему-то и экономические советники и сами лидеры наши не ощущали грозящей опасности, играли на популизме.

Другой разменной монетой в отношениях власти с массами стала гласность. Гласность — это не самоцель, это инструмент для воспитания общественного мнения. Абсолютной гласности нет и быть не может. Это — лекарство, которым можно активизировать жизненные силы, а можно и надорвать их. Мы, привыкшие к сверхдефициту информации и к достоверности (пусть выборочной) печатного слова, накинулись как голодные на кашу сенсаций, измышлений, слухов, мнений. Ох, как трудно было выудить, отфильтровать среди всего этого потока грязи нашу действительность, что соответствует действительности, а что является плодом больного воображения авторов.

Казенная пресса без устали создавала Горбачеву и Шеварднадзе имидж миротворцев, ориентируясь на то, как воспринимают наших лидеров за рубежом. М. Тэтчер, первая из западных политиков, сделала ставку на Горбачева, сказав, что с ним можно иметь дело. В отличие от прежних наших идеологов, они действительно были людьми новой формации. Но стремление утвердиться поскорее на мировой арене, в качестве представителей новой волны, зачастую толкало их на поспешные действия. Подыгрывая им, западные режиссеры «нового мышления» сумели внушить нашим лидерам мессианскую роль, а по сути уверенно вели их к сегодняшнему финалу — исчезновению с геополитического пространства Советского Союза и самих его бывших лидеров. Мавр сделал свое дело — мавр должен уйти. Историю не

перепишешь, но ее надо осознать. Нам память дается не для воспоминаний, а для того, чтобы легче было стартовать в будущее.

История — это события, переиначивающие жизнь больших человеческих масс. Но почувствовать историю надо на самом себе, пропустив события через индивидуальное Я.

О себе — от первого лица

Честолюбие — не самое большое зло, а порою даже благо, ибо, подпрыгивая, больше шансов подняться. А чем выше — тем дальше видит око и воспринимает взор. Чем выше — тем ближе друг к другу «я» и «мы», желание и возможности личности понять и приблизиться к общественному началу жизни. Был ли я честолюбив? Скорее «да», чем «нет». И это свойство натуры часто выдавливало меня из массы людей, живущей по принципу «не высовываться», на поверхность общественного бытия, и в школе и в институте мне нравилось заниматься так называемой общественной деятельностью, ибо жизнь моя при этом становилась богаче и осмысленней, а я сам — виднее не только со стороны, но и в своих собственных глазах, и комсомол, и партия, в которую я вступил 23 лет от роду, не были для меня трамплином к жизни, они были самой жизнью. Да, я верил и во многом верую и сейчас в изначальные постулаты социалистической идеи «свобода, равенство, братство». Эти идеи всегда будут мечтой человечества, к которой оно будет бесконечно асимптотически приближаться, никогда в полной мере не ставя последнюю точку: все, приехали. Но всегда будут и иные движущие силы жизни — стремление к личному материальному благополучию, к сохранению индивидуальности и возвеличению собственного «я». И только включение в действие всех этих стимулов и рычагов делает жизнь разностороннее и полноценнее.

Наверное, это еще плохо осознанное, скорее природно-естественное сочетание деловитости и одухотворенности делало меня «везунчиком», мне чаще всего доводилось быть в своей среде на первых ролях: и в учебе, и на работе, и в различных общественных организациях. Ко всему я относился без «сачкования», во всем старался играть не последнюю скрипку. Помню, как на одном из первых в моей жизни научных семинаров, я — «без году неделя» молодой специалист (хотя, конечно же, никаким специалистом я тогда еще не был) вылез с вопросами и собственными суждениями, хотя и маститые специалисты сидели и помалкивали. Это не было стремление показать себя, это было естественное желание участвовать в деле. Мне неинтересно молчать и думать про себя, я нахожу удовлетворение лишь тогда, когда общее дело становится и моим. Наверное, поэтому я мало когда был «вторым» — заместителем. Это были лишь эпизоды. Чаще всего в своей епархии я становился архиереем, а не служкой. Мне интересно было быть секретарем комитета комсомола своего института, чем заместителем комсомольского секретаря всего Сибирского отделения АН СССР. Общественная деятельность не только не мешала моей научной работе, а наоборот, учила не закапываться в мелочи, а видеть проблему шире. Недаром, американские социологи установили, что наиболее продуктивны в научном плане те ученые, которые заняты своей тематикой лишь 70 процентов времени, а остальное — тратят на иную деятельность, расширяющую их кругозор. Мне гораздо больше нравилось, а следовательно, и лучше получалось, как мне кажется, быть председателем районного общества «Знание», чем заместителем председателя областного правления. Я гораздо больше преуспел на посту председателя областного правления НТО энергетиков, чем в роли заместителя председателя Всесоюзного общества.

В возрасте Христа волею судеб я, непостижимо для многих, но отнюдь не для себя, стал директором периферийного отраслевого НИИ, о котором было что-то известно лишь узкому кругу узких специалистов в области дальних электропередач благодаря идее настроенных линий электропередач, вынашиваемой моим выдающимся предшественником на этом посту — профессором Василием Кузьмичом Щербаковым. Его, лично, знали больше, чем возглавляемый им институт. По сути дела, он явился основателем сибирской школы энергетиков, будучи заведующим кафедрой в Томском политехническом, а затем Новосибирском электротехническом институтах. Очень многие, и я в том числе, гордятся, что были его учениками. Важно даже не то, чему он нас научил. Важнее, что он не подавлял своей личностью, а как бы освещал место вокруг себя, не подымая, а давая возможность подняться до своего уровня. Моя административная карьера началась с того, что вскоре после защиты кандидатской диссертации, а было мне всего 27 лет, он предложил мне стать ученым секретарем института, а через три года — его заместителем по научной работе. При этом, по сути дела, уже тогда он передал мне все бразды правления. В другом месте я бы с огромным удовольствием, а не только по объективной обязанности, восторженно воспел бы все достоинства Василия Кузьмича, как и другого моего наставника и старшего товарища — Эдуарда Степановича Лукашова, но ... время торопит вернуться к основной канве своего повествования, зачем и как я стал политиком (хотя и на время).

16 лет я возглавлял Сибирский НИИ энергетики. И смею надеяться, что отчасти и «по моей вине» институт стал одной из ведущих научных организаций отрасли. Когда на выборах директора (была такая кампания в начале нашей хаотичной перестройки) меня спросили, в чем я вижу главный результат своей предшествующей (почти пятнадцатилетней) директорской деятельности, я экспромтом (а это, как правило, бывает наиболее объективным суждением) ответил: в коллективе никогда не было самоуспокоенности. Действительно, его состав вырос более чем в три раза, экспериментальная база стала соответствовать во многом мировому (а то и более высокому) уровню. Растущий организм гораздо легче борется со всевозможными недугами, поэтому коллектив людей, самых разных по сути, счастливо избежал, очень частых в других местах, коллизий или кадровых нарывов, которые нужно было бы вскрывать хирургическим путем. Моя задача была — не мешать людям самим заниматься делом, в первую очередь наукой. Хотя, конечно, кое-кто ждал от меня общего научного «поводка», считая, что институт должен жить единой научной идеей, а директор должен быть ее генератором. Но у нас расцветали различные цветы, и эта многоцветная палитра делала институт более заметным явлением в сравнительно однообразной отраслевой сфере. Помимо исследований надежности перспективных схем формирования восточного крыла Единой электроэнергетической системы страны, теоретических и экспериментальных работ по линиям электропередач сверх- и ультравысокого напряжения (1150 киловольт и выше) для сооружения энергомоста Сибирь-Казахстан-Урал, расцветали и плодоносили коллективы, занятые разработкой электротехнических конструкций из созданного нашими сотрудниками проводящего и изоляционного электробетона, полимерных изоляторов, взрывной технологии монтажа проводов на линиях

электропередач. И все это — на уровне полужаводского производства, что, конечно же, давало нам неоспоримые преимущества перед заказчиками по сравнению с институтами, специализирующимися на монокультуре.

А в последние годы мы занялись и применением сверхпроводимости, разработкой принципиально новых индуктивных и емкостных импульсных накопителей, не имеющих аналогов в мире. Говорят (не удалось проверить), что американцы только за идеи подобных установок готовы были бы выложить несколько миллионов долларов, а у нас они были не только нарисованы на бумаге, но и материализованы в виде экспериментальных установок. Разумеется, это были не мои идеи, я лишь способствовал тому, чтобы были почва — люди и условия — средства для их появления. Но это чувство личной сопричастности с большим делом давало мне полное удовлетворение, ибо все это было не только их детищем, но и моим тоже. Так соединялось «я» и «мы», где «я» было не на последнем месте.

Не знаю, кому как покажется, но я убежден, что и мои усилия в деле трансформации устоявшейся и заскорузлой формы организации научных коллективов, лабораторий в самостоятельные временные тематические группы, сектора и отделы, действующие в виде матричной системы (вертикаль — специализация, горизонталь — объединение над общим заказом), были не административным зудом реорганизации, а попыткой придать динамический характер структуре института. Это дало свои плоды, когда наука перешла на хозрасчет, а мы стали одними из первых в министерстве подопытными кроликами. Не дирекция и не высококлассные специалисты, оставшиеся научными лидерами коллективов, а гораздо более динамичные и практичные руководители временных коллективов, работая с заказчиками и предлагая им не одни идеи, а «железную» продукцию, принесли столько договоров, что уже в 1988 году, по сравнению с предшествующим, объем работ вырос в 2,5 раза. А по итогам года отдельные сотрудники получили выплат по 8-10, а то и по 20 тыс. рублей. Что тут началось? Гораздо легче, оказалось, пережить расслоение внутри института, ибо некоторые так и остались — на одном окладе. Но в общем в коллективе все-таки было видно, кто чего стоит, и принцип уравниловки не стал таким уж непреложным. Хотя «ни за что ни про что» обслуживающий персонал тоже вкусил от общего пирога.

А во вне института эти заработки вызвали прямо-таки шоковое состояние. В течение 1989 года институт был накрыт ревизорской сетью: и райком партии, и минфиновское КРУ, и министерство, и Госкомитет по науке. Все они были убеждены, что тут дело нечисто, но инкриминировать нам оказалось нечего.

В какой-то мере институт был защищен и моим статусом народного депутата СССР, на который многие ревизоры лязгали зубами, но покуситься не посмели. Это один из примеров, роли личности в деле защиты прав коллектива.

С позиции моего сегодняшнего восприятия событий, не могу ответить однозначно, случайно или нет я стал государственным человеком — народным депутатом Союза. При всем моем честолюбии и уважении к маршальскому жезлу в

солдатском ранце, к моменту начала избирательной кампании по выборам высшего органа власти страны, я и не помышлял об участии в этой кампании. До этого я ни разу не был избран ни в один из советских органов — даже в районный, хотя руководителей предприятий среди депутатов этого уровня было немало. Более 10 лет я был членом райкома партии, будучи рекомендован туда не как директор, а как председатель районной организации общества «Знание», находившейся под непосредственной опекой райкома. Сегодня это кажется неестественным, а тогда ... все выборные места заполнялись строго по ранжиру в соответствии с должностным или общественным положением.

Я знал свой шесток и на многое не претендовал. Конечно, мне иногда бывало обидно, что более чем делегатом на городскую партийную конференцию меня не брали, хотя я и был председателем энергетической секции Совета содействия научно-техническому прогрессу при Обкоме КПСС, часто общался с работниками партийного аппарата и даже руководителями города и области. Но субординация соблюдалась четко. Это был порядок, где главным было — занимаемое тобой кресло, а личность значила гораздо меньше. Более демократичным было формирование выборных органов общественных организаций, хотя и там жестко выдерживались различные квоты, нормы представительства, соблюдался пиетет перед званиями и должностями. Два с лишним срока я был членом ревизионной комиссии российского общества «Знание», хотя и не могу похвастаться сколь-нибудь плодотворной деятельностью в этом качестве. Я там представлял, достаточно регулярно, хотя основная моя деятельность в этой общественной организации была сосредоточена в районе, там, где я был не пешкой, а главной фигурой. Не берусь давать себе самооценку, но это не было формальным отбытием номера. Поэтому меня достаточно искренне поддерживали и низовые работники общества, и руководящие «сферы». Главное, я сам чувствовал известное удовлетворение от своей деятельности, определяя главные направления лекционной пропаганды и помогая создавать лекторам необходимые условия для работы. Нам удалось благодаря моим помощникам — штатным организаторам, создать и неформальное общение лекторов, что, в наше время взаимного отчуждения, удовлетворяло естественную потребность людей в живом общении друг с другом. По крайней мере, даже моя супруга, в общем-то далекая от лекционных дел, с удовольствием принимала участие в наших встречах.

Разумеется, за десять лет работы в этой должности потерялось чувство новизны, каждодневного открытия, всего того, что делает занятие привлекательным. Ровная проторенная дорога утомляет своей однообразностью гораздо больше, чем путь по нехоженным местам. Да и привык я к тому, что мое предназначение — ставить проблемы, выдвигать идеи, а их реализация — удел моих помощников. А когда ушла на повышение — зав. отделом, а затем и секретарем райкома партии Александра Ивановна Орлова, с которой мы понимали друг друга с полуслова, стал потихоньку и я менять амплуа.

Сосватали меня на более профессиональную деятельность — председателем областного правления НТО энергетиков после трагической гибели в автомобильной

катастрофе Э.С. Лукашова, перенявшего этот жезл в свое время у В.К. Щербакова. Закрепилась эта должность за институтом, и пришлось мне поддержать традицию. Благо бессменный штатный зам. — Юрий Дмитриевич Каратаев был по-прежнему энергичен и восприимчив к новациям. В областной организации кое-что делалось. Возможности у нас, благодаря сосредоточению в Новосибирске целого куста проектных институтов и других энергетических организаций, а также Сибирского отделения АН СССР, были, в том числе и для деятельности общественного университета энергетики, душой и сердцем которого был профессор Михаил Львович Лавинштейн. Уникальная личность. Один из «последних могижан», отличавшихся высочайшим профессионализмом в своей конкретной научной области, необыкновенной широтой взглядов и колоссальной добросовестностью и работоспособностью. Под его началом университет стал местом средоточия своего рода энергетической культуры, не столько просвещения, сколько воспитания у энергетиков потребности в новых знаниях, потребности в интеграции различных знаний, дающей возможность по-новому решать старые задачи, а главное — замахнуться на новые многосвязные проблемы. Раньше в электроэнергетике мы занимались устойчивостью «в малом», либо устойчивостью «в большом», а теперь мы решаем проблему устойчивости «в целом».

Совет содействия НТП был идеологическим центром, а отраслевые НТО — его рабочими органами, для формирования и реализации политики ускорения научно-технического прогресса. Александр Павлович Филатов, тогдашний первый секретарь Обкома партии, понимал, что наличие в нашем городе Сибирского отделения Академии наук, мощного комплекса оборонных наукоемких предприятий, не может не дать сплава, обладающего новыми свойствами. И заседания Совета часто были не казенным мероприятием, а штабным учением, мозговым штурмом той или иной проблемы. Способствовал такой творческой обстановке и академик Шемякин, будучи заместителем председателя Сибирского отделения АН и к тому же председателем областного правления Союза научных и инженерных обществ СССР. Мне доводилось и до и после встречать немало различных председателей общественных организаций. Были среди них и академики Иван Филиппович Образцов, Юрий Иванович Бородин, возглавлявшие российское общество «Знание» и его Новосибирское правление, академик Ишлинский Александр Юльевич — бессменный председатель ВСНТО, а затем СНИО СССР. Два член-корреспондента АН СССР, два Николая Ивановича — вначале Ковалев, а затем Тиходеев, с которыми мне довелось работать в Центральном правлении Всесоюзного НТО энергетиков и электротехников им. Г.М. Кржижановского, где они были председателями, а я заместителем по зауральской зоне. В правлении мы познакомились и сошлись с Валентином Ивановичем Брызгаловым — директором Саяно-Шушенской ГЭС и председателем Красноярского правления НТО энергетиков. Эти люди выполняли свои общественные функции не по обязанности, а так, как будто это — главный смысл и главное дело жизни.

К сожалению, ныне таких председателей становится все меньше и меньше. И хотя штатные работники нередко служат неплохим мотором в работе разных правлений, все же роль личности — лидера в общественных организациях

чрезвычайно велика. Без них эти общества становятся кораблями, плывущими без компаса, куда-нибудь, лишь бы плыть. А в наше время, когда все общества занялись коммерцией, не для зарабатывания средств к существованию ради обеспечения условий для своей уставной деятельности, а как самоцелью, отсутствие таких авторитетнейших лидеров грозит самораспадом этих организаций.

Я многим обязан сотрудничеством с теми людьми, которые командовали «флотом» наших общественных организаций. Командовали не по принципу присутствия на мостике во время парадов, а будучи стратегами и лоцманами одновременно. Главное — эти люди не демонстрировали, а жили делами обществ. У них было органичное слияние индивидуального «я» и коллективного «мы».

Новосибирск становился полигоном для отработки новых форм сотрудничества науки с производством. Хотя многое и не удалось, поскольку экономическая система чаще всего отторгала эти новорожденные структуры — совместные лаборатории, центры, научно-консультационные пункты, — я вижу, что эта работа не пропала даром. Сегодняшние научно-технические центры, малые предприятия, инновационные фонды выросли на той почве, которая была взрыхлена и подготовлена общественными организациями. На этой почве вырос и я.

Первый Учредительный Съезд Союза научных и инженерных обществ СССР проходил в феврале 1988 года в Большом Кремлевском дворце. В этом же месте проводились и Съезды общества «Знание», о чем напоминают великолепные фотографии из ослепительного Георгиевского зала. К каждой делегации пристраивали для украшения пару космонавтов. Все это было зрелищно, но каждый из нас выполнял роль статиста. На Съезде СНИО, ставшем преемником ВСНТО (до сих пор не улавливаю смысла переименования, хотя новое название всегда таит надежды на обновление по существу), мне довелось выступить. И я попробовал сопоставить интересы функционеров нового Союза с интересами первичных организаций НТО, чьим именем мы апеллировали. Контраст интересов — налицо. Не знаю как уж восприняли мое выступление лидеры Союза (наверное, просто не заметили), но некоторые делегаты подходили, говоря: так их. Дело не в них, а в нас. Главное, что мы уже становились не молчаливыми послушниками, а думающими деятелями. Так или иначе, но на Съезде меня избрали членом Центрального Правления, где я одновременно представлял Новосибирское областное правление СНИО и отраслевое общество энергетиков. Конечно, в таких органах его члены — это только представители, и никакого реального влияния на события они не имеют. Но участие в этих форумах дает достаточно много для саморазвития и самовозвышения.

Через тернии — к депутатскому мандату

В 1988 году было принято небывалое в мировой практике решение — избирать народных депутатов СССР не только по территориальным и национально-территориальным округам, но и от общественных организаций. С позиций чисто юридических это — нонсенс. Да, для развитых демократических обществ это — абсурд, ибо теряется основной постулат распространенной выборной системы: один гражданин — один голос. А для нас? Готовы ли мы сразу от прежних безальтернативных выборов — назначений перейти к мировой практике? Многопартийности у нас не было, да и сейчас нет. Поэтому выдвижение кандидатов по партийным спискам было исключено. И в этот переходный период от монопартийной культуры к «расцвету всех цветов» решение о выборах депутатов от союзных общественных структур было не только оправданным, но и весьма прозорливым. Все равно, выбирая по территориальным и национально-территориальным округам, мы уже отступали от единогласия каждого избирателя. Так что добавление некоторым из них, объединившимся в общественные формирования, права еще одного голоса не было криминалом. Там более, что эти общественные структуры охватывали, хотя бы формально, многомиллионные слои населения и трудящихся: КПСС и профсоюзы, женские и научные общества, комсомол и ветеранов. По сути дела, эти общественные организации были имитацией тех партий, которые выдвигают своих функционеров и представителей в общепринятой мировой практике проведения избирательных кампаний. Разумеется, такое сравнение очень нетрудно признать некорректным, поскольку выборы по партийным спискам осуществляет все же население, а не отдельные наиболее активные граждане. Все это, безусловно, так, но до этой системы нам еще предстоит дозреть. А вкусив зеленые ягоды демократии — можно потом маяться расстройством желудка. В чем мы имели и имеем возможность неоднократно убедиться. Кто и за счет чего добивался успеха в предвыборной кампании? Либо это ставленник старых властных структур, той самой партийной номенклатуры — там, где власть имела авторитет или просто молчаливое непротивление населения. Либо «оратор», разящий эти структуры налево и направо, что не могло не нравиться избирателям, жаждущим перемен и искренне надеявшимся, что новоиспеченный кандидат «придет, увидит, победит». Либо — третий, пусть и неяркая личность, но получавший поддержку избирателей как альтернатива представителям «старой гвардии». В этих трех категориях кандидатов ой как мало было людей, способных своим интеллектом, своей конструктивностью, своим новаторством созидать, преобразовывать общественную жизнь, не руша подряд все и вся. Да, эти люди, которые потом и стали здоровым ядром нового депутатского корпуса, просто не пошли бы на предвыборные митинги, не стали бы ввязываться в драку, ибо их главное достоинство — не сотрясать воздух, а делать дело. В условиях альтернативных выборов (понимаю, что это — «масло масляное») такие люди неизбежно оказались бы за бортом, ибо «кто громче — тому больше», в том числе, и голосов избирателей.

В общественных организациях «избиратели» лучше представляли себе возможности кандидатов не только по их предвыборным заявлениям, но и по уже

известному им опыту деятельности претендентов. Конечно, и среди «депутатов-общественников» оказалось немало номенклатурных деятелей и «назначенцев». Дискредитировала идею выборов от общественных организаций и сформированная на безальтернативной основе «партийная сотня». Но все же сколько подлинных реформаторов, со знанием дела взявшихся за перестройку общества, пришло в депутатский корпус именно из общественных организаций. Да и те, кто не стал «оператором перестройки», был ее нравственной опорой в депутатском корпусе. Мы видим тех, — кто на поверхности, а ценим тех, — кто в глубине. По крайней мере, хотелось бы этого. Мир меняется не от количества произнесенных слов, а от того, как и куда происходят подвижки его глубинного слоя. Как бы сочно не клеймил Юрий Николаевич Афанасьев «агрессивно-послушное большинство» на 1-ом Съезде народных депутатов СССР, не рыскание авангардистов, а маневр здорового большинства ведет общество в нужном направлении. И лидерами этого движения большинства стали депутаты от общественных организаций. Да и среди самих авангардистов немало представителей этой части депутатского корпуса. Их имена говорят сами за себя. Михаил Сергеевич Горбачев, Андрей Дмитриевич Сахаров, Дмитрий Сергеевич Лихачев и Александр Николаевич Яковлев, Гавриил Харитонович Попов и митрополиты Пителир и Алексей II, Сергей Сергеевич Алексеев и Павел Георгиевич Бунич. Есть и менее звучные, но достойные имена тех, с кем мне впоследствии довелось работать и общаться. Валентин Иванович Татарчук от КПСС — председатель редакционной комиссии на последнем V Съезде народных депутатов СССР, поддержавший решение Б.Н. Ельцина о роспуске КПСС. Александр Павлович Владиславлев от Союза НТО СССР, ставший председателем Совета по поддержке предпринимательства при Президенте СССР и первым заместителем Министра внешних сношений СССР (а министром был Э.А. Шеварнадзе). Элла Александровна Памфилова — от профсоюзов, Виктор Иванович Кикоин — от общества «Знание», ставшие впоследствии министрами России.

Горжусь, что и я был не последним в депутатском корпусе, среди тех, кто не ораторствовал, не «раскачивал лодку», а греб веслами для того, чтобы наш большой корабль двигался навстречу мировой цивилизации, чтобы права личности и предприятия как первичного хозяйственного субъекта не противопоставлялись правам общества и государства, а составляли с ними единую интегрированную систему.

«Я» и «МЫ»

Многие из вышеназванных лиц, в том числе и я, просто никогда бы не стали депутатами, если бы действовали сами по себе, а не стали выдвигенцами общественных организаций, хотя и в нашей среде подъем по лестнице — от выдвигенцев — в кандидаты, а затем и в депутаты не был плавным и безобидным. По крайней мере, так было в Союзе научных и инженерных обществ СССР, вобравшем в себя 24 Всесоюзных отраслевых общества, а также многочисленные ассоциации и другие объединения технической интеллигенции.

Я рассказываю об этой эпопее не только потому, что ее финал стал для меня началом новой деятельности на политическом поприще, но и для опровержения того расхожего мнения, будто выборы от общественных организаций стали обходным маневром для старой партийно-государственной номенклатуры. Любую идею, в зависимости от способа ее реализации, можно дискредитировать, но не следует «вместе с водой выплескивать и ребенка». Важно отличать мысль и слово, недостоверно ее отразившее. Неумение различать содержание и форму, попытки судить о чем-либо или о ком-либо лишь по внешним феноменам-проявлениям были и есть следствие нашего поверхностного неглубинного восприятия жизни. Так, детишки-несмышленишки зарятся на ярко раскрашенные побрякушки, а став чуточку постарше, силятся разломать их, чтобы узнать — что внутри. К сожалению, общество взрослеет гораздо медленнее. Может быть, основная беда и вина «Краткого курса ВКП(б)» и заключалась в том, что он был прост и понятен даже для несмышленишек, приучая их довольствоваться примитивным изложением сложнейших социальных идей, а не проникать в их суть, адаптируя их к реальной жизни. В то же время художественная классика не дает готовых рецептов к действию, а заставляет читателя думать, изменять себя, а уже затем — своим обновленным «я» совершать поступки. Дейл Карнеги в своих знаменитых наставлениях гораздо ближе к «Краткому курсу...», чем наша социально-философская литература, пытавшаяся (в своих лучших работах) сформировать у читателя представления о ядре системы, а не о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Но истина всегда посередине. До уровня читателя надо опускаться не для того, чтобы вместе с ним оставаться в этом опущенном состоянии, а для того, чтобы не отрываясь от его сегодняшнего мировосприятия, вести его вверх, откуда дальше видно. Жирафа ругают за верхоглядство, но и хвалят за дальновидность.

Надеюсь, что экскурс в мою преддепутатскую эпопею позволит отказаться от одностороннего поверхностного взгляда на прошедшие события и научит читателя сомневаться в категоричности любых суждений (в том числе и моих собственных). Ибо главное отличительное качество интеллигента — это способность сомневаться. Только эта способность и дает надежду на то, что мы не останемся на уровне догм Ветхого завета и Краткого курса.

Конечно, я как приятную шутку (и не более) воспринял, сказанные шепотом Ю.Д. Каратаевым слова о том, что Центральное правление (его руководство и

аппарат) Всесоюзного НТО энергетиков и электротехников рассматривает и мою кандидатуру для выдвижения в народные депутаты СССР. Сказано это было в ноябре 1988г. и я отнес эту информацию к обычному для Юрия Дмитриевича стремлению выдать желаемое за действительное, тем более, накануне моего дня рождения. Но уже в начале декабря на места во все областные правления ВНТОЭ, членам ЦП поступили предложения высказать свои суждения по поводу двух десятков кандидатур, кем-либо когда-либо названных в качестве возможных претендентов на выдвижение от общества. Эта информация дала толчок для выдвижения кандидатур на местах. Скорее всего по инициативе того же Юрия Дмитриевича, Кемеровское областное и Красноярское краевое правления ВНТОЭ отказались от выдвижения собственных претендентов, а предложили или поддержали мою кандидатуру. Формальное выдвижение было проведено от имени первичной организации нашего института, хотя фактически импульс этому делу дало областное правление. Старейшина — Анатолий Соломонович Плистик, бывший главный инженер РЭУ Новосибирскэнерго, может быть, по чьему-то наущению, но явно искренне, внес это предложение, и машина завертелась. Опуская мало известные мне промежуточные стадии обсуждения, окажу лишь, что по результатам заочного опроса актива ЦП ВНТОЭ, от его имени в Союз НПО СССР был направлен список из двух кандидатур: председателя ЦП члена-корреспондента АН СССР Николая Николаевича Тиходеева и моей, как председателя Новосибирского областного правления ВНТОЭ.

Из последовательно сокращавшихся списков в 22, затем в 10, потом в 7 и в 3 кандидатуры выпали такие уважаемые и активные члены ВНТОЭ как генеральный директор Ленэнерго Семен Арминакович Казаров, зам. главного инженера института «Энергосетьпроект» Владимир Васильевич Ершевич, председатель Московского областного правления ВНТОЭ главный конструктор завода им. Владимира Ильича Владимир Исаакович Радин, директор Института энергетических исследований член-корреспондент АН СССР Алексей Александрович Макаров и другие.

Я перечисляю фамилии этих людей, с которыми имел и сохранил самые лучшие отношения, не для того, чтобы подчеркнуть значимость своей «победы», а лишь затем, чтобы было ясно, что выбор — был. И волею судеб этот этап избирательной кампании оказался благоприятным для меня. Хотя на этой стадии состязались не сами кандидаты, а их имена и решающим было общественное мнение актива НТОЭ, участвующего в заочном опросе. Всего же от всех обществ в список кандидатов, сформированный Союзом НИО СССР, вошло 73 фамилии. А количество депутатских мандатов, выделенных Союзом НИО, было всего 10.

Одновременно с выдвижением по линии отраслевых НТО Союз НИО организовал выдвижение и от имени республиканских правлений и от центрального правления, поскольку в России общества и Союза — не было. На пленуме Новосибирского областного правления СНИО был обнародован список предложений на выдвижение, поступивший из Москвы. Там уже значилось 6 или 7 фамилий, в том числе председателей Украинского, Белорусского, Эстонского, Туркменского республиканских правлений СНИО и по традиции — председателя ЦП СНИО СССР

академика Ишлинского А.Ю. и его заместителя — академика Игоря Алексеевича Глебова. Так как новосибирцы никого из них, за исключением Ишлинского, не знали, то они возмутились таким навязыванием кандидатур сверху, проголосовали против всех предложенных фамилий и решили назвать своих выдвиженцев. Называли многих, но по большинству голосов прошли: бывший председатель Новосибирского областного правления СНИО академик Шемякин Евгений Иванович, незадолго до этого уехавший в Москву председателем ВАК; нынешний председатель академик Накоряков Владимир Елиферьевич, в то время заместитель председателя Сибирского отделения АН СССР и директор академического института теплофизики. И я. Значит, что-то было в этом повторении моего имени в двух списках. И хотя «моя рука» в этом не замешана, никаких телодвижений с моей стороны и со стороны моих будущих доверенных лиц не происходило, результат обнадеживал. Видимо, моя деятельность в общественной организации, мое отношение к общественной работе не как к дополнительной нагрузке, а как к средству, способному полнее выразить себя, свои идеи, реализовать новации, набухающие в обществе, засветили меня в глазах актива.

И тут я должен высказать свое отношение к аппарату общественных организаций. Я хочу сказать им похвальное слово не потому, что они выбрали меня, а потому что в большинстве своем — это подвижники своего дела, искренне верящие в особую роль общественного движения в нашей сверхзаорганизованной системе. У них не было и нет никаких привилегий, низкая зарплата, в отличие от профсоюзных и партийных функционеров никаких дополнительных социальных благ типа закрытых распределителей, льготных путевок и прочего. Есть среди них разные люди. Но нет среди них тех, кто на этом месте «отбывает номер». В таких маленьких коллективах каждый на виду и фактически является тем менеджером, деятельность которого определяет успех или неуспех всего правления, всех организаций. Они — на самостоятельной работе. Неосвобожденные руководители вроде меня могут лишь выдвигать идеи, быть инициаторами каких-либо новаций, а вся работа по их реализации — на плечах аппарата. Недаром многие работники аппарата общественных организаций впоследствии стали успешно осуществлять хозрасчетную деятельность в НТО, помогали начинающим предпринимателям в сфере научно-технической деятельности затем и сами стали предпринимателями.

Показателен в этом отношении и Михаил Георгиевич Севергин, директор Новосибирского дома техники, и Юрий Дмитриевич Каратаев, который за десятилетия своей работы штатным зампредом Новосибирского областного правления ВНТОЭ не погряз в рутине, а неизменно был организатором и душой многих начинаний. По крайней мере, мне не нужно было ему разжевывать суть моих до конца не продуманных идей. Старый подводник, с возрастом утерявший здоровье, но не силу духа, он пользовался и пользуется у многих своих коллег не только товарищеской человеческой симпатией, но и неподдельным искренним уважением. Когда он после тяжелой операции не смог приехать на один из пленумов ЦП ВНТОЭ, мне не было прохода от расспросов: где Юрий Дмитриевич, что с ним? Просили передать не только приветы, но и дружеские сувениры, например, запомнился мне тульский пряник.

Таковыми же «моторными» деятелями ВНТОЭ были и штатные зампреды в Москве и на Украине Александр Васильевич Яковлев и Александр Сергеевич Дупак, ставшие впоследствии моими доверенными лицами в двух ре/ионах. Я горжусь тем, что именно в этой среде, у этих замечательных людей получил поддержку как кандидат в народные депутаты СССР.

Конечно, избирательная кампания шла не по спокойному течению. На определенном этапе пришлось и мне заявить о себе. Как я уже говорил, в окончательный описок претендентов на выдвижение от Союза НИО СССР (а выдвижение происходило на пленуме Союза 13 января 1989г.), только от отраслевых обществ, было внесено более 70 кандидатур. Да еще более 100 — от областных и региональных правлений СНИО. Конечно, как-то должен был быть проведен отбор претендентов, или гласно, или закулисно — чисто аппаратными (в худшем смысле этого слова) методами. Механизма гласного отбора у нас не было и нет, поэтому было принято (неясно, кем) волевое решение — от каждого общества включить в список для голосования не более чем по одной кандидатуре. Плюс — от республиканских СНИО несколько фамилий, получивших на местах определенную поддержку. В отличие от новосибирцев, многие местные правления не устояли и поддержали названные центральным аппаратом фамилии. Об этом мне стало известно только накануне пленума, когда наш штатный зампред ВНТОЭ Михаил Николаевич Новиченков зашел ко мне в номер и честно предупредил меня, что они (руководящие члены правления) от нашего Общества оставили на такой случай только одну кандидатуру — председателя Н.Н. Тиходеева. Разумеется, никакой обиды тут быть не могло, по крайней мере, ни по отношению к Тиходееву Н.Н., ни по отношению к Новиченкову М.Н. Они играли по тем правилам, которые им диктовали сверху. А эти правила были ой как живучи. Разумеется, это были не выборы, не открытая конкуренция, а подготовка вопроса на пленум. Так было всегда. Но во мне разыгралось не просто чувство уязвленного самолюбия. Я-то уже проникся верой в то, что пришли новые времена, времена гласности, времена выборов. А меня второй раз задвинули. В первый раз поздней осенью 1983 года на выборах в Областной комитет КПСС. И память об этом была еще свежа. Но тогда я не решился на открытый демарш, и все произошло так, как было всегда. Люди предлагают, а кто-то располагает. Наша первичная парторганизация, рекомендуя своих кандидатов в выборные органы, избрала меня на районную партконференцию, что стало уже традиционным, поскольку я более 10 лет был членом РК КПСС. Но в этот раз в адрес райкома была высказана рекомендация по моей кандидатуре в состав Обкома КПСС. Поэтому я не был удивлен, что на этом основании меня в тот раз не избрали в члены райкома. Но когда на пленуме обсуждали (зачитали и поставили на голосование) предложения райкома по кандидатурам в верхние органы партийного руководства, моей фамилии в этом описке не значилось. Наш институтский парторг Вячеслав Михайлович Макаров оказался настырным и выразил свое удивление «пропаже». Без каких-либо возражений, голосованием список был дополнен, хотя квота на представителей района и так была раза в два перебрана. Одним больше, одним меньше — никто спорить не стал. Однако, на самой областной партконференции, из предложений районных организаций в списки для тайного голосования было внесено лишь 90

кандидатур, ровно столько, сколько и было намечено для избрания, а по остальным 47 ничего даже не было сказано.

Я не удержался и от микрофона задал вопрос председателю комиссии, который был избран в тот же день утром для подготовки предложений по персональному составу Обкома, а по каким мотивам произошел отсев части кандидатур. На что мне было уверенно заявлено, что по согласованию с райкомами. Но так как я знал, что пленумы райкомов по этому поводу не собирались, стало ясно, что это — аппаратная подготовка вопроса, оставлявшая за делегатами лишь право на «одобрямс». Высказав свое общее несогласие с такой процедурой, я нарвался на язвительную реплику ведущего — председателя облисполкома Владимира Анатольевича Бокова, что «не надо мутить воду» и тратить время на обсуждение других кандидатур, раз все согласовано. Потом выяснилось, что список «чиркал» первый — в Обкоме, а смотрели его — первые в райкомах. Зал, привыкший к безропотному послушанию, возмущенно загудел, когда я попросил хотя бы назвать все предложенные кандидатуры. И я сел, не солоно хлебавши. Потом все тот же неутомный Макаров от имени партбюро потребовал от орготдела Обкома объяснений по этому поводу, но... поезд уже ушел. Так попытка нашей партиячейки повлиять на ход выборов провалилась. Конечно, эта ситуация не забылась.

И вот, во второй раз, на выборах, теперь уже на пленуме ОНИО, меня оставляли «за бортом». Опять смириться? Вопрос был вовсе не во мне лично. Я искренне верил, что начинается эра гласности, эра открытого состязательства на выборах, эра демократии. А получалось, что это — игра для простачков. Выдвигайте, сколько хотите, а решение будут принимать, как всегда, за кулисами. Первый щелчок по носу я уже получил, пропуская второй удар — можно с незащищенной верой оказаться и в нокауте. И я... решился. Когда по итогам закулисного отбора претендентов было предложено внести в список лишь 26 фамилий, и там по недосмотру организаторов не оказалось никого от многочисленных областей России, представители с мест зароптали. Воспользовавшись этим, я успел первым подойти к микрофону и предложить свою кандидатуру. Я мотивировал это тем, что меня выдвигали и новосибирцы, и отраслевое ВНТОЭ. Поэтому промолчать, подорвав веру своих «избирателей» в демократизм выборов, считал себя — не вправе. Попросив три минуты, я сформулировал три момента из своей так называемой предвыборной платформы: законодательное закрепление роли общественных организаций в жизни страны; поддержка экономической самостоятельности предприятий, позволяющая реализовать квалификацию инженеров с соответствующим материальным вознаграждением, и наконец, необходимость отказа от колониальной политики в отношении Сибири.

Моя короткая и потому не очень сумбурная речь возымела определенное действие на присутствующих, а личные данные — звание профессора, возраст в отличие от других претендентов не превышавший тогда и 50, но главное — то, что моей кандидатурой затыкалась брешь в представительстве российской глубинки,

привело к тому, что президиум сразу поставил вопрос на голосование, а зал — поддержал.

После меня с самовыдвижением выступили еще несколько человек, но это быстро пресекли. Так я стал 27-м претендентом, включенным в список для тайного голосования.

После первого тура в качестве кандидатов было утверждено всего 3 человека, набравших более половины списочного состава пленума СНИО. А после второго тура, когда стали считать от числа присутствующих, кандидатами было избрано 15 человек (на 10 мандатов). Не прошли и председатель ЦП СНИО Ишлинский А.Ю., и его зам — акад. Глебов А.А., и председатель нашего ЦП ВНТОЭ — член-корр. Н.Н. Тиходеев. Я понимал, какую подставил ему ножку, но... выбор был сделан. Надо отдать должное Николаю Николаевичу: он был огорчен, но никогда потом не язвил по поводу моего депутатства и по-прежнему во всем поддерживал меня.

Так в стенах Измайловского дворца культуры мои телодвижения в защиту демократических порядков и своей кандидатуры на выборах привели к положительному результату. На меня сразу же набросились журналисты — для них мое самовыдвижение было маленькой сенсацией. Но я лишь с их слов понял, что я совершил что-то экстраординарное, выходящее за рамки привычного. Мне тогда казалось все это более будничным, даже естественным. Ведь защищая свое «Я», одновременно, так мне казалось, я защищал и права тех, с кем отождествлял себя в общем понятие «Мы», не только выражать свое мнение, но и добиваться чего-то, перестав быть молчаливыми безропотными винтиками заорганизованной машины.

Но до выборов было еще более двух месяцев. А за это время каждому из нас предстояло провести немало общих и индивидуальных встреч с активистами СНИО и трудовыми коллективами в различных регионах. Мне нельзя было почивать на лаврах, поэтому, в отличие от других кандидатов, я с головой окунулся в предвыборную кампанию. В то время как многие претенденты ограничились 7-10 встречами, я провел 22 — перебора не было. Помимо новосибирских предприятий, пришлось летать в Минск и Киев, Ленинград и Москву, Иркутск и Красноярск, Алматы и Ташкент. Поэтому тот, кто говорит, будто депутатские мандаты от общественных организаций были преподнесены нам на блюдечке с голубой каемочкой, мягко говоря, не в курсе дела. Может быть, я излагаю события с ненужными подробностями, имеющими значение лишь для меня самого, но мне хочется зафиксировать ту динамику общественной жизни, участником которой мне довелось быть.

Горько, но отчасти прозорливо высказался один рабочий на Минском автообъединении «БЕЛАЗ»: гляжу я на вас и ничего не жду нового от того, что вы придете к руководству обществом. В Киеве в институте электродинамики АН СССР, меня спросили о том, как я отношусь к многопартийности.

— Нормально, как к естественному процессу, если только создание новых партий не будет самоцелью отдельных личностей.

— Да разве это допустимо, ведь Михаил Сергеевич высказался против.

Пожав плечами, я ответил: Вы же спрашиваете меня, а я — не Горбачев.

В Красноярск и Алма-Ату я напросился вместе с Владиславлевым — тогдашним первым секретарем Союза НИО. Если сибиряки были приветливы к обоим, то в Казахстане местные устроители встреч, видя в лице Александра Павловича свое начальство и кружась около него, явно тяготились моим присутствием. За меня, может быть и чересчур воинственно, заступились представители республиканского правления НТО энергетиков — зампред Апрелев Александр Васильевич и директор Казэнергоремналадки Кежек Бершенович Искаков. Как петухи, они на встрече с республиканским активом СНИО нападали на Владиславлева и славословили в мой адрес. Мне даже пришлось их урезонивать. Хотя Саша (я могу его так называть из-за разницы в возрасте) потом жаловался мне, что местные деятели СНИО «нарисовали на наго зуб».

Мне было обидно за Евгения Ивановича Шемякина, которому в Москве на встрече в Союзе НИО устроили обструкцию некоторые из случайно прорвавшихся в зал научных работников, «имеющих зуб» на ВАК. «Шемякин суд — неправый» — был одним из самых безобидных лозунгов среди многочисленных плакатов, вскинутых в момент его выступления. Ему, по сути, так и не дали говорить, Там более, что он тоже не совсем корректно отзывался о присутствующих, в том числе и представителях прессы, отказавшись видеть в них своих избирателей.

Серьезной была встреча в Московском энергетическом институте, где были высказаны жесткие наказания не только лоббировать своей отрасли, а энергетика уже тогда нуждалась в государственной поддержке, но и законодательно стимулировать престиж инженера. Везде, во всех встречах я четко дифференцировал наказания: где речь шла о местничестве или узко отраслевом подходе, а где — об общих правовых основах нашего бытия.

На встрече с новосибирской комсомолой кто-то из ребят задал мне вопрос: буду ли я защищать интересы молодых или ветеранов. И тут же другой бросил реплику:

— Надо защищать интересы здравого смысла.

Я попросил разрешения взять этот ответ для собственного руководства к действию и считаю, что был и остаюсь приверженцем именно такого подхода.

К сожалению, выступления перед трудовыми коллективами носили безадресный характер. Мы агитировали тех, кто не принимал потом участия в голосовании на пленуме СНИО. Скорее, это была отработка своей позиции, своей аргументации тех новаций, которые мы обещали осуществить, выяснения тех

проблем, которые будоражат низовые звенья общества, подготовка общественного мнения. Ни у кого из нас не было опыта предвыборной борьбы, умения выступать в унисон с настроением аудитории, образно отвечать на вопросы.

Несколько особняком в нашей делегации держался Г.Х. Попов. Вопросов к нему — единственному среди нас экономисту было больше всего. Мне запомнился один, поскольку впоследствии Гавриил Харитонович поступал совсем не так, как обещал избирателям. Его спросили, а что будет он делать, если станет не только народным депутатом СССР, но и получит мандат или должностной пост для реализации своих экономических воззрений. Попов ответил без рисовки, что это — ему не грозит, ибо по натуре и по складу характера — он оппозиционер, и больше пользы принес бы в этом качестве. Я действительно до сих пор считаю, что он тогда был прав. Но как бы то ни было, Гавриил Харитонович уже тогда заявил себя как личность. И, чувствовалось, он не тяготился этой избирательной кампанией. Уже тогда он был выдвинут и по территориальному округу — в Воронеже, в пику тамошнему секретарю Обкома, и вообще, с позиций сегодняшнего дня я уверен, что он в то время уже не был кандидатом-индивидуалистом. Его кампания, в отличие от наших, проходила по сценарию, написанному опытной профессиональной рукой. Попов впоследствии стал не только великолепным исполнителем, но и главным режиссером команды будущей межрегиональной депутатской группы.

Но для меня, выступавшего в основном от своего «я», эти два месяца стали такой школой, какую я бы не прошел и за десятилетия своего прежнего сибирского подвижничества.

Заключительный этап — сами выборы проходили 21 марта 1989 г. на расширенном пленуме СНИО в конференцзале московской гостиницы «Орленок».

По-видимому, я перегорел, ибо не нашел каких-то новых доходчивых слов для ответов на пару заданных мне вопросов. Зато преуспели те, кто ратовал за экологию. И все же сказалась моя роль как единственного представителя всех областей и краев России. Основная группа кандидатов представляла Москву и Ленинград. Я предусмотрительно разослал во все мастные правления свой агитлисток, а также небольшими партиями выкладывал листок на столик, где лежали пачки материалов в поддержку других кандидатов. Моя стопка была самой маленькой, поэтому из нее брали охотнее, а мои помощники вовремя подкладывали агитки.

И в результате я занял при голосовании третье место — вслед за академиками Виктором Ивановичем Трефиловым (вице-президентом Украинской Академии наук) и Анатолием Васильевичем Степаненко (вице-президентом АН Белоруссии»). За мной были и Владимир Михайлович Вологжин (генеральный директор НПО «Конвейер» из Львова), Александр Павлович Владиславлев, академик Гуляев Юрий Васильевич (директор института радиотехники и электроники АН СССР), Гавриил Харитонович Попов (главный редактор журнала «Вопросы экономики»), Энн Харальдович Тыугу (академик из Эстонии), два ленинградца — Анатолий Иванович

Русанов (президент Химического общества) и академик-кораблестроитель Игорь Васильевич Горынин.

Пять не менее достойных: кандидатов — проиграли. Но это — выборы, где кто-то проходит, а кто-то — нет.

Такое соцветие имен не только украсило депутатский корпус, но и сделало его более интеллектуальным, более потенциальным.

Как суждено было распорядиться этим потенциалом — это уже другой вопрос, адресуемый всем и каждому.

Наша депутация

Это было недавно. Это было давно. Много, что было, в канун Съезда и на нем самом, в новинку и диковинку, сегодня не только приелось, но и вызывает раздражение. И все же к Истории надо относиться с уважением и почтением, даже если не все в ней соответствует твоим нынешним воззрениям. А первый Съезд народных депутатов СССР — это уже История. «Большое видится на расстоянии», но взгляд изнутри позволяет это «большое» эпохальное событие очеловечить личностным восприятием его участника. Так нас впечатляет издали наблюдаемое мозаичное панно, но только вблизи мы осознаем, какой труд был затрачен его автором, чтобы подобрать и подогнать друг к другу отдельные смальтовые кубики и пластинки. От этого впечатление «большого» не только не пропадает, но наоборот, приумножается, ибо полнее ценишь не только феномен, но и мастерство творца.

Таким творцом исторического события стал каждый из нас, вольно или невольно поместившись в общее мозаичное панно. Каждый «я» стал элементом большого «мы». Конечно, читателю-потомку это «мы» понятнее, ближе своей завершенностью, цельностью, но если он захочет стать частицей своей истории, то, надеюсь, ему небезразлично, каковыми были те элементы, волею Судьбы и своих собственных судеб, формировавшие общее панно.

Из событий, непосредственно предшествовавших Съезду, мне запомнились два эпизода, имевшие место быть в Новосибирске, когда собирались новосибирская депутация и депутация краев и областей Сибири. И первое, и второе собрания вел В.А. Боков, в одном случае как местный предисполкома, в другом — как член Президиума Верховного Совета России.

Нас — новосибирцев было 15 человек. Первый секретарь Обкома КПСС — Владимир Васильевич Казарезов, с большой трудом (55%) победивший в одном из властепослушных сельских районов. Но в отличие от многих других «партократов» человек динамичный, думающий, интеллектуально возвышающийся над многими своими коллегами. Не могло не произвести впечатление, как в телеинтервью он читал стихи. При нем и в области началась какая-то подвижка общественной жизни. Выступая на 1-ом Съезде, он, в отличие от расхожего тогда мнения, одним из первых призвал пересмотреть роль Столыпина в переустройстве Сибири и крестьянской жизни на Руси, за что потом, по его словам, ловил на себе косые взгляды партдеятелей: как посмел! Жаль, что вскоре «по состоянию здоровья» Владимир Васильевич сам подал в отставку, переехал в Москву и отошел от активной общественной деятельности, где-то читая лекции и занявшись написанием статей все о том же П.И. Столыпине. И это — когда ему только-только исполнилось 50, да и болезнь не так уж сильно отразилась на нем. По крайней мере, впоследствии, встречаясь с ним в Москве, я никогда не слышал от него никаких жалоб на свое состояние, да и по внешнему он ничем не походил на болезненного человека. Но на той, самой первой встрече у Бокова В.А., Владимира Васильевича не было, что и дало возможность ведущему заочно ссылаться на его мнение. Был зам. командира

авиаотряда Николай Александрович Немаков, победивший на выборах по национально-территориальному округу, включающему Новосибирскую и Томскую области, самого Коптюга В.А. Это был наглядный пример проигрыша «интеллектуала», главный образом, не по его личным отрицательным качествам, а по тому, что он олицетворял в глазах избирателей прежнюю номенклатуру. Пусть не обидится на меня Николай Андреевич, с которым я по-человечески сблизился за время совместного пребывания в числе союзных депутатов, тем более, что на Съездах мы сидели с ним рядом и обменивались впечатлениями, обсуждая и свои голоса. Но он и Коптюг В.А. — это разные весовые категории. И не думаю, что своим молчанием на съездах и сессиях, а насколько я помню, Н.А. Демаков так ни разу за два года и не выходил к микрофону, он принес пользы больше, чем мог бы Валентин Афанасьевич, который не был ортодоксальным консерватором, а менял ситуацию и менялся вместе с ней, отстаивая науку не как надстройку над экономическим базисом, а как средство преобразования общества. Потенциальное преимущество Демакова — его молодость и приверженность демократическим преобразованиям в Обществе, к сожалению, в полной мере так и не реализовалось. Близок к нему был и машинист электровоза Алексей Козлов — крепыш, на загляденье молодым женщинам, более подвижный, но и более безапелляционный в своих суждениях. По-моему, он очень хороший парень, но... если бы этого было достаточно для депутатства. Меня всегда поражало их бездействие в самом Верховном Совете, членами которого они с Демаковым и Деминым стали после первой же ротации, и блестящие обличительные речи по новосибирскому телевидению. По крайней мере, они впоследствии стали своими людьми среди новосибирских «демороссов», с которыми их объединяло не только политическое единство, а и общая возрастная категория, и устремление к общим, но, по-моему, не очень понятным для них самих демократическим преобразованиям.

Капитан Демин А.З. был близок к ним по возрасту, это объединяло их, но как-то за все эти годы он не запомнился мне чем-либо неординарным. Это — не упрек, а признание того, что, может быть, именно такие люди и составляли то новое большинство, которое повернуло корабль нашей истории на 180°. Это — представители другого «агрессивно-послушного большинства», чье время пришло чуть позже. Но, не принимая старую систему, они становились все тем же пластилином в руках новых лидеров.

Нина Михайловна Пирязева — единственная в то время среди нас беспартийная «электромонтажница». Я беру ее профессию в кавычки, поскольку она, уже до этого будучи депутатом Верховного Совета РСФСР, стала «деятелем» в хорошем смысле этого слова. Если ее сопоставить со всеми нами, то Пирязева принесла для новосибирцев пользы больше всех, без какого-либо стеснения обходя все кабинеты, своей напористостью поражая даже издавших всякое министров и выше. И Лукьянов, и Рыжков Н.Л., и его заместители Маслюков, Белоусов хорошо ощутили на себе ее умение «давить» и добиваться. Но я, как и многие другие из нас, шли в депутаты не для того, чтобы пробивать конкретные блага для новосибирцев-избирателей, а для того, чтобы менять общий курс нашего общественного корабля. Мы работали с Ниной Михайловной в одном Комитете — по промышленности и

энергетике. Она не была пассивной и там. Она была повсюду, со своим уверенным тоном, подавляющим собеседника, со своей настырностью... Но, все эти идеальные качества лоббиста не могли скрыть отсутствия у нее чего-то главного. И этот диссонанс между внешним активным проявлением ее «я» и гораздо более скромной сутью этого «я» был разителен, и отнюдь не способствовал росту ее авторитета у тех, кто с ней достаточно часто общался. Это — не вина Нины Михайловны. Это — скорее ее неосознанная беда, когда человека в свое время вознесли не по его внутренним достоинствам, а по внешней активности. И чтобы оправдать это доверие, она стала усердствовать еще больше. Настырность и усердие в отстаивании потребностей стоящего за ней коллектива стало ее натурой. Я думаю, что Пирязева так и не понимает свою трагедийность, когда яркий и активный феномен конкретной человеческой деятельности превалирует над внутренним содержанием Личности. А люди-то видят глубже и не находят в ней этой самой Личности. Я тоже долго не мог найти естественную линию поведения в отношениях с Ниной Михайловной, восхищался и завидовал ее нумерной активности, безкомплексности и умения добиваться своего, не ощущая за всем этим аморфность и рыхлость существа. Так, зажаренная корка при быстрой выпечке кекса часто оставляет внутри сырое тесто. Трагедией для Пирязевой стала попытка ротации из членов Верховного Совета. Она искренне не могла понять — за что. И со свойственной ей активностью все сделала, чтобы остаться. Но это было потом. А вначале, когда мы впервые собрались и присматривались друг к другу...

На встрече присутствовали два агрария — арендатор Иван Иванович Самоличенко — от КПСС, и Юрий Яковлевич Шмаль — директор Маслянинского совхоза. Если Иван Иванович был просто номенклатурным ставленником, т.е. был выдвинут по разнарядке сверху, и никогда ни на что не претендовал, четко понимая случайность Судьбы, вознесшей его к Олимпу. О том, как на выборах победил своих соперников Шмаль — судить трудно. Наверное, подобно тем же молодым ребятам, хотя он по возрасту был гораздо старше их (ему было тогда около 50). Шмаль в разговорах на эту тему, в основном, отмалчивался. Пытались, правда, сделать его закоперщиком новосибирских ходоков к Ельцину по поводу трудностей на селе, но лидером он себя не чувствовал. Хозяйственником Шмаль, по-видимому, был неплохим. И, кое-что, с помощью депутатства, ему удалось сделать для своего совхоза.

Галина Тимофеевна Баранова — бердский врач — от женских организаций. Мне казалось, что таких — много, и почему выбор пал на нее — неясно. Но со свойственной многим женской непосредственностью она не кичилась какой-то своей особой позицией, а голосовала так, как это делал ее сосед и коллега — Юрий Иванович Бородин, ставший народным депутатом СССР, а затем и членом Президиума Верховного Совета СССР, как представитель еще одной общественной организации — Академии медицинских наук. Высоко порядочный интеллектуал, профессионал (Бородин был Председателем Сибирского отделения АМН СССР), он был все же человеком своего времени. Ему исполнилось уже 50, и биологический возраст отнюдь не способствовал его стремлению к скорым новациям. Нет, он не был консерватором, и этот ярлык зря привешивали ему молодые и неутомимые,

шустрые, а от того не очень справедливые «демократы». Он был демократом настоящим, по-человечески мудрым, понимал, что поспешность нужна при поиске излишне допекавших человека насекомых. В силу своего благопристойного положения его не так донимали некоторые несуразности нашего тогдашнего бытия, и потому спешить он не был намерен. Он четко придерживался заповеди врача: не навреди, хотя, чтобы исцелить пациента, частенько надобно и рискнуть.

И все же Бородин, как и Казарезов и командующий Сибирским военным округом Б.Е. Пьянков были типичными представителями «старой гвардии», не цепляющейся за прежние структуры, но и не торопящиеся их разрушать.

Для военного, генерал-полковник Пьянков мало походил на послушного солдата: в нем чувствовался не только ум, но и внешняя интеллигентность, и человечность. В гостинице «Москва» мы как-то отмечали его день рождения. Он был прост и даже обаятелен, по сравнению с суровым О.С. Шениным — тогда еще секретарем Красноярского крайкома КПСС, демократизм Бориса Евгеньевича был естественным. Хотя Пьянков с определенной предвзятостью относился к сторонникам радикальной военной реформы, (в частности, к капитану Лопатину, ставшему впоследствии чуть ли не правой рукой Ельцина) считая их мало что понимающими выскочками, но это было естественно, прямо и порядочно.

Импонировал мне своей порядочностью, честностью, а главное, нашим почти полным совпадением взглядов на происходящие события, Станислав Иосифович Новотный — генеральный директор объединения «Адрон». По-моему, за эту человечность он и получил поддержку своих избирателей, хотя и конкурировал на выборах с предисполкома И.И. Индинком. Новотного, на первой же встрече, мы избрали старостой нашей депутатской группы, хотя в этом качестве он не проявил себя организатором. Все было пущено на самотек.

Более сложной и неоднозначной личностью был Аркадий Петрович Яненко — ректор Новосибирского инженерно-строительного института. Мой ровесник, моего склада характера, как мне поначалу казалось, — спокойно-взрывной он импонировал мне и своей позицией умеренного радикала, и умением заявить о себе и проявить себя. Но что-то было в нем не до конца разгаданное, однако эта таинственность не привлекала, а настораживала. Лишь впоследствии я на себе ощутил его эгоистичность, лицемерие и безжалостность к другим. Именно Яненко быстрее других «раскусил» Пирязеву и резко выступил за ее отзыв из Верховного Совета СССР. А когда я просил его поддержки при выборах на это место, то именно Аркадий Петрович, вначале молча благословил меня на выдвижение, а затем на собрании группы резко выступил против, считая, что тем самым я перекрою путь к ротации в состав ВС другим депутатам, в том числе и ему. А таких намерений на будущее Яненко не скрывал. И у меня и у многих других вызвали неприятие его методы толкаться у стола президиума и секретариата, что давало ему определенные дивиденды — и слово для выступления на съездах, и выдвижение руководителем секретариата на IV-ом Съезде. И хотя Яненко с этой работой успешно оправился, но очень уж прозрачно в его поведении просматривалось желание самоутвердиться.

Впоследствии я узнал, что он был не столь уж и бескорыстен в этом стремлении — благодаря установившимся контактам, Аркадий Петрович добился через Финхозуправление Верховного Совета СССР выделения возглавляемому им институту пусть не новой, но все же престижной «Волги» — ГАЗ-31. Не могу отделаться от мысли, что и во мне часто говорит элементарная зависть, когда у других — получилось, а ты — не смог (хотя, на самом деле, даже и не пытался). Но, все же, мне больше импонируют люди открытые, чье поведение предсказуемо, с кем сталкиваешься лбами, но не ждешь удара сбоку.

Полное неприятие я испытывал по отношению к двум своим землякам — новосибирским депутатам: директору сельскохозяйственного учебно-показательного хозяйства Константину Георгиевичу Першилину, выбранному от профсоюзов, и академику-кардиологу Евгению Николаевичу Мешалкину, в порядке самовыдвижения избранному народным депутатом СССР от Всесоюзного общества борьбы за мир (он был председателем Новосибирского правления этого общества).

Першилин был откровенным консерватором, его возмущали любые потуги депутатов добиться чего-нибудь нового, к Сахарову он относился резко враждебно. Его устраивали бы прежние двух- трехдневные сессии, когда все кем-то заранее подготовлено, а депутатам остается только голосовать. Его зычный клич «голосова-ать», по-моему, был слышен и в Президиуме Съезда. Он не принимал и на дух всю эту съездовскую говорильню. По крайней мере, он первым улетал домой, где надо было «работать»: пахать, сеять, что-то добывать, крутиться. Общественные изменения шли мимо него. Ему они были ни к чему.

Более воинственную позицию занимал Мешалкин. Грузная фигура академика не могла усидеть на «Камчатке», где размещалась наша депутация. Он неизменно уходил на свободные места в первых рядах Кремлевского Дворца Съездов, или уходил вообще со съезда — отлежаться в гостинице. Возраст не позволял ему досиживать заседания до конца.

На 1-ом Съезде Мешалкин запомнился многим своими категоричными выступлениями в пользу немедленного избрания Председателя Верховного Совета СССР без обсуждения какой-либо программы кандидата. Его красноречие и мало вяжущаяся с академическим и возрастным положением активность в поддержку Горбачева М.С. произвела впечатление и на самого, Михаила Сергеевича. По крайней мере, как рассказывал сам Евгений Николаевич, вскоре его пригласили к Горбачеву, где он пытался чем-либо отблагодарить академика. Мешалкин якобы высказал два просьбы: унять журналистов, копающихся у него в институте (незадолго до этого в «Известиях» была резко критическая статья о положении дел в Новосибирском институте клинической и экспериментальной медицины, где, вопреки мнению коллектива, Мешалкин «тащил» на свое место директора свою супругу), и выделить средства для закупки импортного оборудования.

По поводу журналистов Михаил Сергеевич развел руками: гласность — мол, а валюту пообещал выделить из гонорара за свою книгу, вышедшую на Западе. Не

знаю уж, выделил или нет, но расстались оба вполне довольные друг другом. Ничто человеческое никому из нас не чуждо.

К «демократам» Мешалкин относился просто свысока, не утруждая себя каким-либо более или менее серьезным обсуждением их позиции. Меня этот снобизм даже раздражал.

Итак, рассевшись в кабинете предисполкома за длинным столом заседаний и будучи лишь формально познакомлены друг с другом, мы сразу же подверглась предложению Бокова В.А. выдвинуть кандидатами в Верховный Совет СССР Е.Н. Мешалкина, И.И. Самоличанко и Н.М. Пирязаву. Яненко, Козлов и я высказались против такой скоропалительности. В итоге Е.Н. Мешалкина заменили Бородиным Ю.И., Самоличенко И.И. тоже аграрием — Шмалем Ю.Я, а Пирязева Н.М. как опытный зарекомендовавший себя боец на депутатском фронте, а больше как «рядовая работница», получала общий «одобрямс». Меня назвали запасным. Так в этом качестве я и пробыл весь депутатский срок. Потом на Съезде Юрий Иванович Бородин сделал попытку отказаться баллотироваться в состав Верховного Совета, но Горбачев его самоотвод не принял в свете того, что Бородин был намечен председателем Комитета по охране здоровья.

Все эти характеристики моих коллег сложились заметно позднее, а тогда... все шло по наезженной колее. Руководство предлагает — мы безропотно (почти) соглашаемся.

Первый серьезный прорыв заорганизованности произошел на встрече депутатов-сибиряков, инициативу проявили омичи. По-видимому, они были лучше связаны друг с другом. Когда Боков З.А. и Табаев Ф.А. — тогдашний зампред Совмина России изложили подготовленный наверху сценарий будущего Съезда, омич Минжуренко выступил против и предложил самим продумать и повестку дня, и процедуру, и кадровые вопросы. Кемеровчанин Голик Ю.Н. — известный впоследствии президентский координатор деятельности правоохранительных органов назидательно-поучительно призвал Минжуренко «знать свой шесток». Тут же в бой бросился А. Казанник и своим грассирующе-гортанным голосом заставил Голика извиняться. Голик фыркал, и с большим трудом инцидент, доходящий чуть ли не до рукопашной, был замят. Но больше сибиряки так и не собрались вместе, хотя такая ступень объединения депутатов позволила бы каждому проявиться гораздо полнее. Получилось же, что каждый действовал либо в одиночку как я, либо присоединился к одной из депутатских групп, среди которых наибольшую динамичность и организованность проявила будущая МДГ — межрегиональная депутатская группа.

Конечно, и я, понимая, что в одиночку могу быть только статистом, пытался примкнуть к тем, кто мне импонировал. Вначале это были ребята из МДГ. В канун Съезда они провели рабочую встречу в Московском доме ученых. Уже там проявились Станкевич и Мурашов, Крайко и Левыкин.

Я принес им свои предложения о порядке будущей ротации, при которой каждый из депутатов, пройдя «кандидатский стаж», участвовал бы в работе Верховного Совета. Кому-то мои записки были переданы, но... без каких-либо последствий. Чувствовалось, хотя я и понял это не сразу, что молодые депутаты — это стрелки, а «заряжающими» были их более опытные и умудренные наставники — Афанасьев и Попов. Ельцин и Сахаров были «вывеской», придававшей определенный имидж всему собранию. Буквально накануне Съезда на стадионе в Лужниках состоялся один из первых массовых митингов, организованных «демократами». Партдеятели промолчали. Не выступил и Яненко, которому накануне в ЦК КПСС предложили быть готовым. Но ... митинг не для дискуссий. Там не слушают доводов, там воспринимают лишь лозунги, находящие отклик у толпы. Я выступал на митинге в Академгородке и понимал, что доверие толпы завоевывается не аргументами, а кличем.

— Мы хотим перемен. — Так начал я, используя припев известной в то время песни Свердловской рок-группы «Наутилус Помпилиус». Толпа приветливо загудела. Но как только я перешел на повествовательный тон, сразу ощутил холодок слушателей. Призыв покончить с колониальной политикой по отношению к Сибири снова вызвал поддержку студентов. По-видимому, то, что я самостоятельно осваивал на встрече в НГУ, в Москве готовили профессионалы. И вообще, впоследствии я понял, что в отношениях между персоной и массой велика роль не самой Личности, а режиссера. Иногда сам выступающий с трибуны умеет подать себя. По-моему, блестяще это делал Ю.Н. Афанасьев, но в большинстве случаев «короля играла свита». Особую роль играла пресса. По-моему, этот феномен «четвертой власти» многими из нас так и не оценен. А вообще заниматься политикой по-любительски, как это делали многие из нас, нельзя. Да, большинству депутатов не откажешь в здравом смысле и позиции, но в одиночку ничего достичь нельзя, а организованность требует профессионализма.

У партии была организованность, доходящая до послушного исполнителя, а вот профессионализма в работе с людьми, умения разговаривать с ними, убеждать, пропагандировать — давно уже, наверное, с военных времен, не было. Это и привело партию к поражению, ибо, когда началась настоящая борьба за избирателей, она была партдеятелями проиграна вчистую.

Гораздо лучше была организована в Москве деятельность кандидатов, а затем депутатов, выступавшими под лозунгами демократии. Это — и московский клуб избирателей, и межрегиональная депутатская группа, и независимый профсоюз горняков, поднявший впоследствии вторую волну забастовок шахтеров. И то, что «демократы» пришли затем к власти — достижение не их самих, это — достижение тех режиссеров, которые создали эту грандиозную буффонаду, в которой народ и основная масса депутатов оказались не просто статистами-исполнителями чужих замыслов, а были не понарошку, а взаправду превращены в перегной, на поверхности которого выросли красивые, но ядовитые грибы.

Как, оказывается, трудно не оказаться в стаде, которое гонят в светлое будущее, сначала одни — в одну сторону, затем другие — в обратную.

Но в дни первого Съезда народных депутатов СССР мы — участники, а вся страна — у телевизоров, действительно пережили эйфорию первых более или менее демократичных дискуссий, когда люди сняли с уст многолетнюю печать единогогласного «одобрямса».

Первый Съезд

Кремлевский Дворец Съездов. Неоднократно виденное по телевизору великолепие его убранства и благолепие участников высоких собраний и в действительности не теряло впечатления торжественности, приподнятости, деловитой праздничности. Ощущение личной сопричастности к происходящему здесь, повышало само значение этих событий до статуса эпохальных, судьбоносных и прочих, громких по звучанию, эпитетов. Что ни лица — то имена. Тополеобразный Махмуд Эсамбаев в неизменной каракулевой папахе. Вальяжный Иосиф Кобзон с черным париком. «Председатель артели» решительный Михаил Ульянов. Интеллигентно застенчивый Кирилл Лавров. Мешковатый, с потугами на значимость, Анатолий Карпов. Маршалы, священники православные и мусульманские — пестрота как на ярмарке. Но не эти лица и не эти имена определяли суть происходящего.

И хотя новосибирская депутация разместилась в 32-м ряду, весь зал (хоть и в уменьшенном виде) был у нас перед глазами.

Не успел ведущий первого заседания Съезда — председатель Центризбиркома Владимир Павлович Орлов объявить об открытии Съезда, как к трибуне прорвался латыш Долбежников и предложил почтить минутой молчания память погибших во время печально знаменитых событий 9 апреля 1989 г. в Тбилиси. Это сейчас, по прошествии почти 3-х лет, мы можем аналитически спокойно относиться и к самим событиям и к попыткам их толкования. А тогда, все это трепетало как окровавленный кусок живого тела, неважно, своего или соседа. Но боль чувствовал каждый. А когда болит, трудно быть объективным. Одни видели в кровавом разгоне мирного населения Тбилиси жандармские устремления Москвы. И все время звучали требования — сообщить, КТО отдал приказ войскам выступить против населения. Кто? В каждом событии нам хочется видеть добро- или злонамеренные действия конкретного лица. Но ведь события — это не реакция на поступки одного человека, это реакция на коллективные действия ряда лиц. И объективно то, что индивидуального ответчика часто не бывает.

Вообще Тбилисский синдром был одним из главных лейтмотивов 1-го Съезда. Забегая вперед, можно выделить три темы, связанные с этими событиями. Одна, усиленно раздуваемая прибалтами и самими грузинами: это была карательная операция как расправа за свободомыслие народа, и это не должно остаться без последствий. Прибалты очень боялись, что подобное может произойти с ними, стремящимися к собственному суверенитету. Вторая — развенчание армии и партаппарата, принявших безответственное решение, за которое никто не понес ответственности. Так генерал-полковник Родионов вскоре был переведен из Тбилиси в Москву на пост начальника управления кадров Минобороны СССР, а 1-й секретарь ЦК КП Грузии Патиашвили ушел в отставку и... концы в воду. Надо сказать, что и комиссия Собчака не выявила всех пружин этих событий — в ее докладе на последующем Съезде было много громких фраз, перечня фамилий допрошенных свидетелей, но содержание оказалось пустым. Фильмы, которые были сняты

грузинскими кинематографистами и спецслужбами КГБ и Минобороны, хотя и демонстрировали одни и те же факты, но голосом диктора трактовались совсем по-разному. Зал тоже не пытался анализировать события, а в большинстве своем раскололся на два лагеря: одни были явно настроены против власти и армии, другие — аплодировали после выступления генерала Родионова, обвинившего местных националистов и газету «Молодежь Грузии» в подстрекательстве, попытке свержения советской власти и захвата власти с их стороны.

И третья тема, которую обозначил в свое оправдание М.С. Горбачев: «Мы боялись повторения Сумгаита, но получили Тбилиси». Это характерное признание того, что власть не знала, как решать национальные проблемы, как реагировать на сепаратизм республик, как сочетать Силу и гласность. Отсутствие решительных действий переросло в недееспособность Горбачева, что и было использовано его окружением во время последующих Форосских событий. Попытки Горбачева решать все сложные вопросы только путем переговоров по большому счету успеха не имели, ибо иногда нужно вовремя и власть употребить. Эта попытка лечить болезнь не хирургическим путем, не горькими пилюлями, а заговорами привела к большой крови и в Нагорном Карабахе. В конце концов, эти благородные, но нереалистические потуги Горбачева, управлять страной так называемыми демократическими методами привели не к организованной власти народа, а к охлократии. И это из политики проросло в экономику, в конце концов, погубив страну. Если бы уже на 1-ом Съезде были предприняты реальные попытки не только создать конституционную комиссию (которая практически так и не приступила к работе), а определиться с новыми взаимоотношениями с республиками, принять новый Союзный договор — можно было избежать столь бесславного конца великой державы — СССР. Если до 1-го Съезда Горбачев, в основном, шел впереди событий, выступая великим реформатором, то, начиная с 1989г. события (Сумгаит, Тбилиси, Фергана, Прибалтика, образование Российской компартии, выдвижение Полозкова, Ельцина) стали опережать его действия, не получая даже адекватной оценки.

Личность на крутых виражах истории может сохранить себя и народ, если все время находится впереди, опережает события, направляет людей вслед за собой. В противном случае — уйди в сторону, дай верховодить тому, кто чувствует в себе силы на роль лидера. Породив гласность и вседозволенность, Горбачев сам стал их жертвой. Но вслед за собой он утянул в пропасть всех. Конечно, легко и просто все взвалить на одного человека. Но, как бы я ни был признателен Горбачеву за его новое мышление, как бы ни проявилось особенно на 1-м Съезде его мастерство компромисса, все же, задним числом, оценивая по большому счету его роль в истории, трудно дать ей однозначно положительную оценку. Ну, о Горбачеве еще будет сказано немало, а пока... Съезд продолжал свою работу, и страна две недели, сидя у телевизоров, проходила начальную школу гласности и демократии.

Схватки у микрофонов начались с самого первого дня, с самой первой минуты Съезда.

После того как, при попустительстве В.П. Орлова, Съезд начало лихорадить тбилисской темой, М.С. Горбачев, нарушая законодательно установленные регламентные процедуры, взял бразды правления на себя. Традиционно, от имени собрания представителей, Назарбаев внес предложения по повестке дня, первым пунктом которой значилось избрание Председателя Верховного Совета, самого Верховного Совета, а уже затем — доклад об основных направлениях развития страны. И началось. Забойщиком выступил Андрей Дмитриевич Сахаров, который с немалым трудом прошел выборы от Академии наук, что еще больше укрепило за ним ореол гонимого правдолюбца, в немалой степени соответствуя его роли в обществе. Правда, его совершеннейшее неумение говорить складно, занозистая увлеченность собственным мнением вызывали у части зала невосприятие и даже отторжение. А содержание, смысл его предложений зачастую опережал и текущую постановку вопроса. И понять, и принять его можно было не в пылу полемики, а много времени спустя, когда, в большинстве случаев Андрей Дмитриевич оказывался прав.

Свое первое выступление на Съезде Сахаров начал с того, что Съезд — не собрание выборщиков, а высший орган власти в стране. Он призвал немедленно принять декрет о власти, а уже затем, после обсуждения программ не одного, а всех возможных кандидатов на пост Председателя Верховного Совета, избирать главу государства и Верховный Совет, реализующих не свою собственную политику, а решения Съезда. В отношении М.С. Горбачева Сахаров высказался тоже непривычно: пока поддерживаю Михаила Сергеевича, но... пока... В качестве альтернативной кандидатуры выдвинулся Оболенский Александр Митрофанович — инженер-конструктор из Апатит. Конечно, это смешно, когда на весы встают люди разных весовых категорий. Но это и знаменательно, что кто-то готов принять унижение проигрыша ради того, чтобы вдохнуть в жизнь в принцип — выборы. К сожалению, большинство депутатов так и не приняли эту новую ситуацию. За включение в список проголосовало 689, а против — 1415 человек. По мотивам голосования депутат из Нальчика цветасто сказал:

— Всегда найдется житель экватора, который посоветует эскимосу как бороться с холодом. Жалко избирателей, которые выбрали демагога.

А мне жалко этого депутата, который пытался вернуть всех к понятию — каждый должен знать свой шесток и не чирикать. Я думаю, что именно Оболенский пробил брешь в заскорузлой позиции — не высываться. Конечно, он не был и не стал выдающимся политиком, но это — честный человек, жертвующий своей репутацией ради идеи.

Возникли предложения и по породе кандидатуры Б.Н. Ельцина. Первым это высказал свердловчанин Серов, а затем поддержал его земляк никому тогда не известный Бурбулис. Москвич Крайко пытался с трибуны уговорить Бориса Николаевича взять самоотвод, считая, что Ельцин должен быть привлечен к общественной деятельности, но в ином качестве. Ельцин не заставил себя ждать и сделал заявление, что подчиняется партийной дисциплине. Имелось в виду решение

XIX-й партконференции и майского пленума ЦК КПСС, где было принято решение о совмещении постов генсека и главы государства и выдвинута кандидатура Горбачева.

После того, как стало ясно, что в списки включена лишь одна кандидатура, Сахаров демонстративно отказался участвовать в голосовании и принародно покинул зал. Он проходил мимо нас, сопровождаемый неоднозначными взглядами: презрительными — как посмел; осуждающими — зачем противопоставлять себя остальным; жалостливыми — ну кому это надо. Потом многие восторгались его поступком — принципиально, смело. Но это было потом. А тогда... по проходу шел маленький согбенный старик, напоминающий хромающего всклокоченного воробья, шел, исполненный сознания своей собственной правоты, не вписывающийся в общую массу и сожалеющий об этом и гордящийся этим. Внешне он несколько не напоминал хрестоматийный образ горьковского Данко, пылающим сердцем осветившего людям путь в темной чащобе. Но по сути своей, это был поступок того же нравственного значения, непонятый в тот момент и осознанный многими, только когда Сахарова не стало.

В отсутствие альтернативы робкие попытки депутатов не отрицать эту кандидатуру, а лишь высказать замечания, успехов не имели. А ведь уже тогда говорилось, что успехи во внешней политике особенно контрастно подчеркивают отсутствие таковых внутри страны, предлагалось отказаться от совмещения партийных и государственных постов, высказывались опасения, что на Горбачева оказывают сильное влияние аппарат и жена. Таксист Сухов из Харькова сравнил Горбачева не с Лениным или со Сталиным, а с Наполеоном, которого сгубила женщина. Более привычно было славословие. Особый панегирик произнес Чингиз Айтматов, охарактеризовав Горбачева «белым айсбергом, выплывшим из пучин застоя». А полковник Мартиросян — уроженец Азербайджана, а депутат от Украины закончил тирадой «Родина-мать зовет Михаила Сергеевича на власть». Конечно, в тот период стать вровень с Горбачевым действительно было некому. В результате он получил полное доверие депутатов. Только 87 человек из 2210 проголосовало против этой кандидатуры.

И на следующий день Горбачев уже не только принимал поздравления, но и уверенно вел лодку с депутатами сквозь рифы и мели повседневных событий, противостоя тем, кто раскачивал суденышко, отвлекая его от главного направления. Михаил Сергеевич показал умение вести корабль галсами, не теряя из виду цели.

Первым отвлечением от намеченной повестки дня стало обсуждение несанкционированного митинга москвичей на Пушкинской площади по поводу безальтернативных выборов Председателя Верховного Совета СССР. Перед Съездом был принят указ о запрещении таких митингов, за отмену или приостановку действия которого депутаты не проголосовали. Сахаров и Станкевич расценили это не как митинг, а как свою встречу с избирателями-москвичами. Подобные «встречи» потом стали главным аргументом в деятельности многих московских депутатов, в организации которых (и неплохой) преуспело так называемое Московское объединение избирателей. Эта проблема митингов-аргументов так и осталась камнем

раздора между «демократами», умело управляющими стихией толпы, и аппаратчиками, разучившимися разговаривать с людьми «на языке улицы». Когда депутат Самсонов — директор Московского часового завода выступил на Съезде против Сахарова, который злоупотребляя доверием председательствующего и зала, выступает по каждому поводу несколько раз, на митинге в Лужниках на следующий день на трибуне бегала девочка лет 12, на спине которой «красовался» плакат с черепом и скрещенными под ним костями с подписью «Самсонов». От этого было зябко на душе. А когда на одном из митингов на Манежной площади кто-то из выступающих, видя перед собой море голов, в самоупоении воскликнул:

— Нас здесь столько, что перед нами не устоят Лубянка и Кремль,
толпа мигом подхватила «Даешь Лубянку».

Многим было трудно в этом скопище «Мы» не потерять своего «Я». По зрелому размышлению трудно понять, почему так гипнотически действовал на толпу бесноватый фюрер, почему у нас всенародно и, в большинстве своем, самозабвенно и искренне клеймили «врагов народа» в 30-е годы и требовали суровой расправы над ними. Именно это же состояние массового гипноза и психоза довелось изведать нам и на рубеже 90-х годов XX-го столетия в столичном граде Москве. О, как скор на безапелляционные суждения и на расправу люд человеческий, объединившийся в толпу. И особенно, если ее пытаются спровоцировать танками, военизированными отрядами спецназа, дубинками не в меру ретивые запретители, знающие одно — «не пущать». Кто бы ни был в этой массе людской — правые или неправые, они становились «толпой», управляемой не рассудком, а эмоциями. Власть толпы — охлократия и стала главным средством разрешения тех проблем, с которыми реально столкнулось общество на переломном моменте истории. Другому способу спора между различными идеями мы так и не научились.

А споры у микрофонов в зале Дворца Съездов были лишь образцом той полемики, когда каждый делил все мнения на две группы — мое и неправое. Теледемонстрация Съезда оказалась не только школой гласности, это было зрелище, где одни пытались солировать, завоевывая себе признание у публики не аргументами, а частотой своего мелькания на трибуна или у микрофонов и резкостью своих обличений всех власть имущих.

Полемика на Съезде развернулась и по вопросу о соотношении Съезд — Верховный Совет в связи с начавшимися выборами этого органа. Представители прибалтийских и некоторых других республик настаивали на том, чтобы Верховный Совет формировался по уполномочию самих делегаций, а не голосованием всех народных депутатов. За это же выступали и представители многих регионов России — «пусть плохонький, зато свой». Как признала мандатная комиссия Съезда по запросу депутата З. Алксниса из Латвии, для того, чтобы провести больше «своих» депутатов на Съезд, руководители республик, нарушая Закон о выборах, требовавший примерного равенства по численности избирательных округов, формировали их так, что в сельских районах, где сильнее были националы, один депутат избирался от 28

тыс., а в городах с русскоязычным населением — от 128 тыс. избирателей. Все это существенно повлияло на состав республиканской делегации. Так местным руководителям было проще воздействовать на своих представителей, подчиняя их не индивидуальному голосу совести, а велению своего синода. На что невоздержанный на язык Святослав Федоров воскликнул:

— Если выбирают не интеллект нации, а представителей регионов, то выбирайте кого хотите: дураков или умных.

Впоследствии это и привело к тому, что члены Верховного Совета не только назначались республиканским руководством, но и стали отзываться им, разваливая работу этого органа.

Другим камнем преткновения стала дилемма: будут ли все члены Верховного Совета работать в этом органе на постоянной основе, или только «как правило», что дает возможность многим местным руководителям и другим владельцам «теплых мест» быть в роли «свадебных генералов». В списки было включено 25 первых секретарей Обкомов КПСС, много генералов КГБ, руководителей предприятий. При голосовании прошел принцип «как правило», что и привело к тому, что как постоянно действующий орган, Верховный Совет все время работал на пределе кворума. С другой стороны, первый состав Верховного Совета при всей его недостаточной квалификации был явно выше всех последующих. Ибо все-таки должность и звание чаще всего свидетельствовали о возможностях человека, его кругозоре, понимании практических последствий тех или иных принимаемых решений. И первые две сессии, пока председательствовал Горбачев, на заседании часто появлялись министры, другие руководители исполнительных органов, съезжались местные лидеры. Это создавало более весомую среду для обсуждения вопросов. Затем после перехода Горбачева в ранг Президента и ротации депутатов многие, кто не порывал связи со своей основной работой, тоже ушли из Верховного Совета, и его состав значительно снизил свой потенциал. Хотя деятельность оставшихся депутатов, перешедших на постоянную работу в комитеты и комиссии и уже приобретших некоторый опыт законотворчества, сделала Верховный Совет все же действующим и достаточно плодотворным.

Но если вернуться к самому Съезду, то кульминационным моментом выборов состава Верховного Совета стали итоги голосования в Совет Национальностей, где в список от России было включено на два человека больше, чем требовалось. В результате нужного числа голосов не набрал Ельцин. Это был скандал. Народный депутат СССР по национально-территориальному округу № I, получивший подавляющую поддержку москвичей, оказался забаллотирован. Это дало основание для громкого выступления Юрия Николаевича Афанасьева, охарактеризовавшего случившееся как «отупляющее голосование», в результате чего «агрессивно-послушное большинство» сформировало «Сталинско-Брежневский» Верховный Совет и завалило все прогрессивные предложения, которые ждет народ. А. Адамович, вторя ему, признал, что «нас оглушил энтузиазм послушания».

К тому же выяснилось, что вместо Чемоданова (из Марийской АССР) в списки как-то попал Вепрев (из Красноярска), а от Нагорного Карабаха выдвигали не депутаты НКАО, а вся Азербайджанская делегация.

Горбачев сумел утихомирить страсти, предложив аннулировать результаты голосования по выборам членов ВС от НКАО. Депутат Чемоданов разрядил обстановку, заявив о том, что до следующей ротации снимает свою кандидатуру. А омич А. Л. Казанник отказался от своего места в Совете Национальностей в пользу Б.Н. Ельцина. Конфликт был исчерпан, и когда вечером депутаты выходили из Кремля, толпы москвичей благодарили (едва ли не единственный раз) депутатов за то, что они «отстояли Бориса Николаевича».

Выборы 1-го заместителя Председателя Верховного Совета СССР свелись, в основном, не к обсуждению кандидатуры Лукьянова А.И., безальтернативно предложенного М.С. Горбачевым, а к дискуссии о взаимоотношениях аппарата и депутатов, о демократии и становлении правового государства, об оппозиции, о процедурных вопросах, за которыми опять обозначились позиции республик и фракций.

Полемику снова начал Сахаров, который был забойной силой в чьих-то умелых руках. Его выпускали, зная, что ведущий не откажет ему в месте на трибуне, благо московская делегация сидела ближе всех. Он обвинил прежний Верховный Совет, действовавший в основном под водительством А.И. Лукьянова, в том, что тот накануне Съезда принял ряд указов и законов, противоречащих Конституции СССР, и правам человека, в частности, знаменитую статью №1 указа от 8 апреля 1989 г. об ограничении демонстраций и митингов. Вцепился в него и Гдлян, обвинивший Лукьянова в попустительстве мафии, беззаконию генерального прокурора в деле о золоте, укрывательстве взяточников в ЦК КПСС. Анатолий Иванович уходил от всех сложных вопросов, выглядел достаточно бледно. И все же — получил достаточную поддержку депутатов, хотя при открытом голосовании и не получил 316 голосов «за».

Амплитуда тем выступающих была очень широкой: от проблем организации советской власти на местах — до статуса народных депутатов; от рыбного хозяйства — до космоса; от роли партии в жизни общества — до нецелесообразности продолжения прямой трансляции Съезда. Многие выступали, не важно по какому поводу, но только для того, чтобы засвидетельствовать перед избирателями свою активность. Одни избиратели с мест присылали в их адрес грозные упреки за пассивность, другие требовали прекратить эти телетрансляции, т.к. они отвлекают людей от работы.

Горбачев однозначно высказался за продолжение трансляции, дабы народ приобщался к плодам перестройки — возможности гласноговорить о чем угодно. Сейчас, задним числом возвращаясь к этому вопросу, я думаю, что «уроки демократии и гласности» сыграли больше отрицательную роль. Работа Съезда и особенно парламента — это обсуждение различных точек зрения и формирование мнения большинства. Это — необходимая черновая работа, — и выносить ее на всесоюзный телеэкран — означает дискредитировать депутатов, тоже еще только

учащихся культуре дискуссий. Мало кому будут интересны репетиции артистов, хотя на это уходит у них львиная доля времени. Английский парламент, обескураженный такой разухабистой гласностью, которую демонстрировал наш Съезд, попытался было выпустить на телеэкран и свои заседания, но очень быстро опомнился и прекратил этот публичный «стриптиз». А наша дискуссия «обо всем помаленьку» затягивалась уже на вторую неделю, что вызвало у пародистов-эстрадников мгновенную реакцию. В прения по докладу Горбачева «О положении страны» записалось 440 человек. Началось, как обычно, с выступлений первых руководителей республик. Резкой, но достаточно конкретной была речь Н. Назарбаева, громившего «банду 4-х» в составе глав Госбанка, Госкомцен, Госплана и Минфина, выпустивших накануне письмо, ограничивающее только-только продекларированную свободу предприятий в возможностях наращивать объем зарплаты при росте объема производства. Его тезис о том, что «не правительство кормит народ, а народ — правительство» был встречен шквалом аплодисментов. А ведь, по сути, с отмены этого ограничения, по требованию Назарбаева и других представителей с мест, и была начата неконтролируемая денежная инфляция. Правительство не нашло в себе мужества противостоять яростному напору хозяйственников и... покатилося.

«Расшнурованная активность» депутатов, как высказался писатель Б. Олейник, требовала децентрализации власти, за передачу ее от министерств и партаппарата к депутатам союзного и местного уровня. Бразаускас — тогда еще лидер литовской делегации требовал «по-новому взглянуть на такие понятия как государство, собственность, Союз», ратовал за экономическую самостоятельность республик и договорные отношения между ними, предостерегал, что страна — на пороге кризиса. Ему вторил и экономист П. Бунин, требовавший не чрезвычайных мер, а радикальной реформы экономических отношений, полной хозяйственной самостоятельности предприятий с отказом от госсобственности в пользу кооперативной. Тогда еще никто не решался говорить о легализации частной собственности, о приватизации — и других «крамольных» вещах, которые всего через 2 года полностью перекроили наше общество. Но уже Бунин подчеркивал, что социализм — не собес, а у нас «кто не работает, тот ест... того, кто работает». Как всегда, четок был Б.Н. Ельцин. Он изложил свою программу перестройки из 14 пунктов, в том числе демонополизацию и децентрализацию власти, радикальное изменение отношений собственности (земля — крестьянам), перевод министерств на хозрасчет. Заодно предостерег от попыток усиления авторитарного режима М.С. Горбачева, потребовал прямых выборов Президента и ежегодного референдума о деятельности главы государства.

От глобальных проблем перескакивали к текущим большим вопросам, которые волновали общество и депутатов не менее. Мыло и политический строй, экология и больное общество.

Как всегда, цветистостью выступлений отличались писатели. «Госплан — это швейная мастерская по ремонту платья голого короля», «Нельзя отмыться от прошлого, если нет мыла» (Е. Евтушенко); «Русская работа» как признак низкого

качества — это порок нынешней политической системы» (Ю. Черниченко); «С пьяным бюджетом не может быть трезвой экономики» (В. Белов); «Гляжу налево (на Лигачева) — там Петр I, гляжу направо (на Горбачева) — там Ленин, а мыла нет» (Д. Кутультидинов).

Среди других депутатов, ставших впоследствии достаточно знаменитыми, следует назвать неоднократно выступавших на Съезде: Г.Х. Попова, и А.А. Собчака, Генриха Игитяна и Роя Медведева, Т.Х. Гдляна и Н.В. Иванова. Но сколько я не силюсь вспомнить что-либо существенное из ярких, логически очень выверенных речей Анатолия Александровича Собчака, ни память, ни изучение стенограммы не дает оснований для этого. Он раскрылся позже, как председатель Комиссии Съезда по Тбилиским событиям, Игитян нагнетал отрасти вокруг Карабаха, на что неизменно тем же отвечали азербайджанские лидеры. Надо сказать, что армянская и азербайджанская делегации сидели с разных краев одинаково недалеко от трибуны, и частенько их представители участвовали в соревновании — кто раньше взойдет на нее. Гдлян и Иванов вели себя шумно, но бестолково многоречиво, а по сути ничего так и не смогли сказать, добившись, правда, того, что и по их делу была создана комиссия Съезда. Р.А. Медведев, первым, пожалуй, из историков признал факт предвоенной оккупации Советским Союзом прибалтийских стран. Это оказало существенную поддержку их депутатам, которые четко гнули одну линию — нужно осудить пакт Молотова-Риббентропа об аннексии Литвы, Латвии и Эстонии и обеспечить суверенитет республик. «Сильные республики — сильный центр». Молдаване, армяне, татары тоже ратовали за свой суверенитет, хотя и не столь явно. Поднимая проблему межнациональных отношений, татарский писатель Миннулин, подчеркивал, что «сегодня не проходит детсадовское понимание дружбы народов».

Никто не думал, что уже через год-полтора, провозгласив свой государственный суверенитет, Россия действительно взорвет Союз изнутри. Прав оказался немецкий генерал-историк Клаузевиц, чьи слова привел один из депутатов:

— Россию завоевать нельзя, ее можно лишь погубить силами внутреннего раздора.

Нерешительность нового руководства в устранении проявлений и, особенно, причин этого раздора внутри страны и привела, так быстро, к ликвидации СССР как геополитической системы. А ведь какими громкими аплодисментами были встречены заключительные слова инвалида-афганца Червонописского: «Держава», «Родина», «Коммунизм». Действительно, только у нас такое непредсказуемое прошлое, отказавшись от которого, мы втянули страну в туманно-болезненное будущее. В то время как мы на Съезде и после, на сессиях, все время противопоставляли одни ярлыки другим: «коммунизм-капитализм», прав был Ч. Айтматов, говоря, что «социализм — не икона» и, пока «мы судим и рядим, что же такое победивший развитой социализм, другие страны (Швеция, Канада, Испания), реально построили социалистическое общество, видя на наших примерах, как не надо действовать».

Тем самым не опровергается марксизм, признававший объективную неизбежность перехода от власти капитала к обществу социалистической ориентации на партнерство всех слоев населения. И неправ, по-моему, латыш Петере, говоря, что социализм — это поэтизм и ничего больше.

Сегодня историческую неизбежность социального выравнивания условия жизни в индустриально развитых странах и странах «третьего мира» подчеркивают и социологи Римского клуба. Побывав впоследствии в ряде стран, я воочию убедился, что они многое взяли от нашей системы общественного распределения социальных благ, сохранив при этом личностные стимулы к производству.

Конвергенция — наиболее реальный путь взаимодействия общественных систем. К сожалению, учиться на чужих ошибках мы так и не научились. Нам самим надобно набить шишки на собственной голове. Только этой недалёковидностью, да еще личной озлобленностью на советскую систему, и могу объяснить резкие выпады против всей нашей истории, против самой социалистической идеи, прозвучавшие столь мрачно в речах трех Юриев — Черниченко, Карякина и Власова уже на 1-м Съезде.

«Международным нахлебником» обозвал страну социализма один; другой назвал наш строй «монархией, ограниченной удавкой»; третий — солидаризировался с Чаадаевым, сказавшим — мы существуем только для того, чтобы преподнести миру какой-нибудь страшный урок.

И дело не в вырванных фразах из выступлений того или иного депутата. Просто эти отрывки наиболее соответствуют духу их выступлений, пронизанных не состраданием к людям, а желчью, не конструктивными предложениями, как жить дальше, а мстительными призывами разрушить до основания всю прежнюю систему. Тем самым они демонстрировали самый разнузданный неольшевизм, который затем стал так характерен для тех, кто в дни Съезда и после слыл самым решительным «демократом».

На одном из первых после Съезда собраний Межрегиональной депутатской группы, проходившей в Доме кино, я отчетливо понял позицию некоторых ее идеологов, признававших, что на Съезде они проиграли, поэтому надо сосредоточиться на выборах народных депутатов РСФСР и местных советов, где они должны взять реванш. Беседуя как-то с представителями Независимого профсоюза горняков, поднявших шахтеров на политическую забастовку, в ответ на вопрос, чего же они добиваются, услышал однозначное — власти.

— Но ведь власть нужна для реализации каких-то программ, где эти программы и кто мешает реализовывать их в нынешних законодательных и исполнительных структурах?

— ... (молчание) ... Нам нужна власть.

Уже на Съезде Г.Х. Попов, у которого была хоть какая-то программа действий, призывал уйти в оппозицию, бойкотировать деятельность нынешнего Верховного Совета, сосредоточив усилия на завоевании власти на местах и ниспровержении центра.

Через год это им удалось, в стране возникло двоевластие, война законов, банков, перешедшая в августе 1991 г. в прямое вооруженное столкновение. А в результате — ни в экономике, ни в политике мы не получили никаких позитивных результатов. Все же было бы намного лучше, если бы радикалы-демократы оставались в оппозиции, подталкивая власть имущих профессионалов в нужную сторону экономических реформ, а не подменяя их своими некомпетентными в хозяйственном и правовом отношении решениями и действиями.

Уже на 1-м Съезде О. Сулейменов — казахский поэт образно предупреждал

— Правое весло больше машет, левое — лучше загребает. Но если налечь только на левое весло, лодка уйдет вправо.

Так оно и случилось впоследствии. Кормчий не удержал руль в руках, и лодка наша замоталась из стороны в сторону.

— Нельзя нагнетать давление, когда столько дырявых труб в стране — опять предупреждал О. Сулейменов. Но в трубы дули с обеих сторон.

Ответом на игнорирование союзных законов, в том числе и о порядке выхода из состава СССР, со стороны прибалтийских республик стали события в Вильнюсе в январе 1991 г. В ответ — июльский Союзный Договор, практически ликвидирующий СССР как федеративное государство.

Неумная попытка танками воспрепятствовать этому в августе 1991 г. окончательно устранила СССР как геополитическую реальность. Какие там правовые нормы — об этом все противоборствующие стороны забыли, действуя по принципу «не сила права, а право силы», громко крича о неконституционных действиях противоположной стороны и так же решительно замалчивая свое собственное беззаконие.

Как пророчески звучали чуть фривольные слова того же Олжаса Сулейменова

— демократия — это юная несовершеннолетняя девочка, и нельзя требовать от нее удовлетворения наших страстных желаний. Дайте ей стать совершеннолетней.

Увы, нетерпение — наша отличительная черта. Радикализм живет у нас в крови как отражение, по-видимому, нашей резко континентальной среды обитания. В результате именно Россия в одном только XX-м столетии стала ареной и жертвой 4-х революций, а может быть, и это еще не все.

В этой борьбе за власть мы забыли о человеке, о народе, ради которого все и скрестили копыя в словесных и огневых баталиях. Съездовская бескомпромиссность

породила силовые столкновения по всей стране. Уже в дни Съезда произошли кровавые стычки в Фергане.

Попытки Горбачева возглавить центристские силы не увенчались успехом. Трезвое выступление Сергея Сергеевича Алексеева с изложением приоритетов законодательной стратегии и экономическая полупрограмма Н.И. Рыжкова мало кого вдохновили.

А ведь, пожалуй, впервые С.С. Алексеев не только назвал самые кричащие проблемы, но и предложил пакет первоочередных законодательных мер (законы о собственности, о предприятии, об аренде, о налогах, о рынке), которые могли бы стать ударом по бюрократической системе, сидящей на общенародной государственной собственности. «Эту систему надо бить экономическими методами», — призвал он, предложив сделать 25 мая — день открытия Съезда праздником демократии и права.

Приверженцем экономических методов управления называл себя и Николай Иванович Рыжков. Однако в его экономической программе не было системности, а реальные действия правительства в направлении к декларированному им регулируемому рынку оставляли впечатление обратно вращающегося колеса как в плохо синхронизированном кино. Но тогда еще Рыжков пользовался доверием, и ему довольно быстро вручили руль главы Правительства: при 59 голосах «против» и 87 — воздержавшихся. Как быстро летит время. В своем заключительном слове Николай Иванович уверенно заявил, что в ближайшие 2—3 года нет необходимости менять розничные цены, достаточно несколько скорректировать лишь оптовые цены на хлеб, мясо, зерновые, хлопок. А уже через год его объявление о повышении цен мгновенно вычистило полки московских и других магазинов, от этой операции мы так и не оправились, пережив и Павловское регулирование и Гайдаровскую либерализацию цен и оставшись ни с чем.

За 1,5 года Рыжков планировал подготовить республики к переходу на хозрасчет, а спустя 2,5 года экономика страны полностью развалилась, перейдя в разряд натурального хозяйства.

Заключительное слово Горбачева на Съезде было дежурным перечислением основных проблем, вокруг которых настоящей дискуссии так и не произошло. Он говорил о перестройке как изменении отношений собственности, о необходимости вдохнуть экономическую струю в новую плоть интересов трудящихся, о постепенном переходе к регулируемому рынку, о финансовом оздоровлении экономики, о социальном обустройстве села, о необходимости решать межнациональные проблемы, о необходимости преобразований в госаппарате и партии, о необходимости..., о необходимости..., о необходимости.

— Мы в сложной обстановке, но не во мраке.

Увы, отсутствие программы действий, призывы и заклинания без формирования механизма их реализации, успеха не принесли ни Горбачеву, ни... самое главное... всем нам.

В этой ответственности лидера страны парад своим народом и проявляется соотношение «Я» и «Мы» применительно к роли Личности в истории. Мы доверились ему, мы пошли за ним, но мы же потом пусть и с сожалением, пусть и с опозданием, но как должное приняли его отставку. Как до этого было далеко (или казалось нам) в последний день Съезда.

И даже инцидент с Сахаровым, который уже после всей финальной процедуры закрытия Съезда вновь вышел на трибуну, не озадачил нас. Конечно, формально выступление Сахарова было уже неуместно, он мог сказать все что хотел и раньше, но как же он оказался прав, успев сказать, что Съезд не выполнил своей главной задачи — не взял власть в свои руки, что постройка нашего государственного дома началась с крыши, что сосредоточение власти у одного человека — это плохо, о необходимости перехода к горизонтальной схеме государства (по-видимому, имелся в виду его проект о создании Евро-Азиатского содружества независимых государств). Но... депутаты все равны, и по требованию зала микрофон был отключен. А Сахаров что-то еще говорил, говорил...

1-й Съезд народных депутатов СССР завершил свою работу.

Чистилище для министров

Мы опять удивили весь мир. Дабы поднять авторитет и значимость вновь испеченных депутатов — вторглись в «святая святых» кадровой политики. Если раньше каждый из них проходил тайное чистилище в аппарате ЦК КПСС, то сейчас для них устроили публичный экзамен — утверждение кандидатур всех членов Правительства не только на самой сессии Верховного Совета, но и более узкий «допрос» на заседаниях комитетов и комиссий. А так как состав Совета Министров насчитывал более 70 человек, то процедура эта затянулась на все лето 1989 года. Люди в Совмин приходили новые, из тех 100 министров, что функционировали в 1984 г., осталось не более десятка. Наполовину обновлялся президиум Совмина, треть министерских «кресел» заполнялась новыми людьми. Конечно, как выяснилось потом, попадали на это место и случайные люди вроде Александры Павловны Бирюковой, на примере которой выяснилось, что не всякая «швея» может управлять государством. Просто она представляла женскую прослойку в ВЦСПС, ЦК КПСС, а теперь — и в Совмине. Но она так и осталась «мыльным» министром, ибо при ней начались мыльно-порошковые страдания женщин во всех регионах страны.

Более половины членов правительства возглавляли отраслевые промышленные министерства, поэтому наша Комиссия — по вопросам развития промышленности, энергетики, техники и технологий стала основным местом, где обсуждали, и достаточно подробно, программу действий каждого кандидата. Для кого-то эта процедура стала почти формальным актом, хотя все претенденты чувствовали себя на этих публичных слушаниях достаточно неуютно. Отвечать приходилось перед «мальчишками», которым, конечно же было трудно подняться до высот профессионального понимания проблем на уровне министров, хотя нередко они лучше кандидатов понимали то, на что в новых условиях должны быть нацелены основные действия капитанов отраслевых кораблей — социальные проблемы работающих, экологическая безопасность производств, роль трудовых коллективов. В индивидуальных вопросах депутатов отражалось коллективное мнение тех, кто работал в этих отраслях, либо для кого эти отрасли должны действовать — мнение общества. Министры же, зачастую, оставались в плену своих узко специализированных взглядов на проблемы, решаемые верхним эшелоном исполнительной власти. Николай Иванович Рыжков, которого утвердили Председателем Совета Министров СССР еще на 1-м Съезде народных депутатов, представлял своих заместителей, а те потом — министров. Через нашу Комиссию прошли Иван Степанович Силаев, курировавший в правительстве машиностроительный комплекс, Владимир Кузьмич Гусев — химико-лесной комплекс и Лев Дмитриевич Рябев — глава топливно-энергетического комплекса.

Поведение Силаева вызывало некоторое удивление. По-моему, и в союзном и в российском правительстве он так я не нашел верного тона в общении с депутатами. Высокая должность, авторитет у тех, кто с ним раньше работал, казалось, должны были дистанцировать его от депутатов, по крайней мере, в понимании проблем. Однако этого не ощущалось. На трибуне он был как на экзамене, и его природная

вежливость была похожа на подобострастие. Он сыпал цифрами, говорил о намерениях и планах так подробно, что слушатели тонули в частности. По крайней мере, у большинства из нас — депутатов так и не сложилось представления о том, почему предыдущая программа правительства по развитию машиностроения так и не была выполнена и что по-крупному предлагается им на новом этапе. С другой стороны, обаятельная улыбка, типично русское лицо, облагороженное ослепительно седыми волосами, как у альбиноса, отсутствие какого-либо пренебрежения к депутатам, пытавшим его по мелочам, неизменная благодарность за вопрос — все это создало ему амплуа своего доброго дядюшки, и серьезных претензий к нему ни у кого не было.

В.К. Гусев не оставил о себе никакого впечатления. По-моему ему было все равно чем руководить — химией или сельским хозяйством, на чем он и вырос в Саратовской области. Из 53 депутатов, участвовавших в обсуждении, поддержали его кандидатуру менее половины. А экологи, «завалили» его на БВК — «грязном» производстве белково-витаминных концентратов на Киришском комбинате под Ленинградом. За это же хорошо потрепали и министра медицинской и биологической промышленности В. А. Быкова — моего самарского земляка. С большим трудом, уже на самой сессии и то не с первого захода их удалось протащить Рыжкову. Депутатам было обещано, что Правительство немедленно примет решение о закрытии Киришского комбината. Решение такое действительно состоялось, однако тут же депутаты стали бегать за членами правительства с вопросами, а куда деваться коллективу, оставшемуся без работы.

Надо сказать, что проблема взаимоотношений депутатов и министров меня нередко приводила в изумление изменением поз партнеров. Когда министры держали ответ, то некоторые депутаты до такой степени пыжились, что было просто неудобно за их самодовольство. Но тут же в зале заседаний Верховного Совета они отлавливали своих недавних ответчиков чтобы выпросить у них что-нибудь для своего округа, своего предприятия. Это плохо вязалось с моими представлениями о депутатстве, которое не должно было использоваться для толкачества, а предназначалось для того, чтобы жизненно важные проблемы социально-общественного плана, до которых раньше у исполнительной власти — министров часто не доходили руки и не болела голова, получали необходимый приоритет и депутатский контроль. Конечно, каждый из нас не мог не лоббировать своей профессии, своему городу, но это должно быть где-то на втором плане.

Некоторые пытались сохранить «свои» министерства, как например, Минлеспром, Минпромстройматериалов и другие.

По отношению ко многим кандидатам в министры депутаты часто выступали лишь с позиции всезнаек. Так, завалили министра путей сообщения Конарева только на основе эмоционального выступления одного из депутатов, с жаром убеждавшего и убедившего всех, что в безобразиях в кассах на вокзалах виноват министр. По большому счету так оно и есть. Депутатам важны не трудности отрасли, а то, как это отражается на населении. Но ведь важно и понять, что это — не прихоть одного

всесильного министра, а следствие какого-то иного развала, нам пока неясного или недоступного нашему пониманию. Всего же на комиссиях завалили 8 кандидатов да и на самой сессии еще двое-трое проходили далеко не с первого раза, в том числе и министр обороны Д.Ф. Язов, которого буквально протащил сам Горбачев М.С.

Он признал, что нужно было начинать не с кандидатур, а с обсуждения и принятия Закона о структуре и функциях министерств, что механическое слияние министерств — это глупость, главное, перейти к новой их роли в управлении отраслями, а сейчас... процесс формирования кабинета недопустимо затянулся, и мы просто обречены принять предлагаемый список кандидатов в министры. Обреченно мы и проголосовали «за» почти по всем кандидатурам.

И все же эта процедура позволила с самого начала познакомить депутатов с руководителями отраслей и дать почувствовать последним, что за ними есть теперь депутатский контроль. Это позволило нам в будущем теснее контактировать со многими министрами и правительством в целом.

В этом плане, мне кажется, у нас сложились хорошие взаимоотношения с моим главным «подопечным» в правительстве — Львом Дмитриевичам Рябевым. В силу своей профессиональной принадлежности и определенных рангов я был избран председателем подкомиссии по энергетике, следовательно, стал законодательным «опекуном» всего топливно-энергетического комплекса.

Когда Рыжков представил нам Рябева, на трибуну вышел высокий с жестким металлическим басом лысоватый мужчина, постоянно поправлявший борта своего костюма. Но эти движения были не стыдливо-оборонительные, а как бы отряхивающимися перед броском вперед. Как никто другой, в течение всего 4-х минут он изложил свою программу — которая должна была повернуть энергетику не к наращиванию нового производства миллиардов киловатт-часов электроэнергии, кубометров газа, миллионов тонн нефти и угля, а к 100 -процентному обеспечению реальных энергопотребностей общества.

Он прямо сказал, что прирост промышленного электропотребления должен быть прекращен, зато увеличение должно пойти на село и в коммунально-бытовой сектор. Добыча нефти расти не может, угля тоже, поэтому основное внимание должно быть уделено рациональному использованию топливно-энергетических ресурсов и энергосбережению. Развитие атомной программы тоже должно взять тайм-аут до появления новых поколений безопасных реакторов.

Все это было так созвучно моим понятиям, но выражено четче, конкретнее. Я приготовился было слушать и слушать, но, Рябев довольно быстро закончил:

— у меня все.

Я буквально ошалел. Как можно было так коротко и ясно сказать о многом. Чувствовалось, что и большинство присутствующих вполне удовлетворены его выступлением. Вопросов почти не было, и положительное решение было

проголосовано единогласно. Надо сказать, что мои неоднократные последующие встречи с Львом Дмитриевичем, включая и нашу последнюю беседу после его отставки, не поколебали меня в убеждении, что он — личность, прекрасно ориентирующаяся в море проблем, умеющая ухватить главное. Конечно, мы и вежливо спорили, и кое в чем потом я был с ним не согласен, но если бы в правительстве было побольше таких Личностей.

Прекрасные отношения сложились у меня и с Николаем Павловичем Лаверовым — зам. Предсовмина и председателем Госкомитета по науке и технике. Он «допрашивался» не у нас, а в Комитете по науке, но мне доводилось с ним неоднократно встречаться впоследствии и у него в кабинете, и на сессии. В отличие от Г.И. Марчука, который свою академическую фундаментальность как-то не смог естественным образом проявить в отношении с депутатами, излишне подчеркивая свою как бы вторичность, Лаверов был проще и определеннее. Он предложил сотрудничество ГКНТ с комитетами ВС, активно поддержал идею создания управления по оценке новых технологий, с которой по его рекомендации мы познакомились в США. Как-то он обронил в разговоре, что если бы ему оставили только пост вице-премьера, но без руководства ГКНТ, то он немедленно бы подал в отставку дабы не быть только чиновником высокого ранга.

За все время своей правительственной деятельности он не порывал и с конкретной геологической наукой. Видимо, это и давало ему уверенность, не перерастающую в самоуверенность. Лаверов не был так уж зависим от своей чиновничьей карьеры, и это давало ему возможность оставаться самим собой.

Вращаясь в этой «высокой» среде, я понял, что и министры и те, кто повыше — такие же люди, волею судеб поднявшиеся до флагманского уровня. Нет, это были не случайные люди. Каждый из них до этого прошел много ступеней вверх. Кто-то сумел взять напором, кто-то искал сильных покровителей. Но у меня исчез пиетет перед ними, я стал воспринимать каждого не как мифического героя, а как конкретное живое лицо. Но что было у всех общее — удивительная память, особенно на тех, кто хоть в каком-то отношении мог повлиять на их судьбу.

В ту пору начались брожения в шахтерской среде, и мне казалось, что Михаил Иванович Щадов, предложенный на пост министра угольной промышленности, не получит поддержки депутатов. Внешне не выгладевший моложавым, с хриплым надорванным голосом, рубаха-парень, любивший целоваться даже с малознакомыми людьми, он не производил впечатление министра. Скорее это был вчерашний шахтер, только-только отмывший въевшуюся в складки лица угольную пыль. Именно таким запанибратством он, по-видимому, и умел находить общий язык со своими забастовщиками, в чем я впоследствии имел возможность убедиться на довольно-таки жарких встречах с шахтерами.

Перед своим «экзаменом на комиссии» он вручил каждому депутату краткую справку о работе и планах министерства, а во время выступления напирал на то, как он заботится о медицинской помощи шахтерам, об экологически чистых шахтах

будущего. Все это было так далеко от действительности, но... любезное обхождение понравилось депутатам, и они дали добро на его назначение. Михаил Иванович и впоследствии оставался таким же внимательным к депутатам. Он неоднократно приглашал их к себе, советовался, помогал в ответ на конкретные просьбы. При каждой встрече он и меня звал «на чай», но все как-то не получалось. Пару раз вечерами он подвозил меня домой, так что, по-человечески, он был мне понятен и приятен. Я не понимал только, как в новых условиях экономической самостоятельности трудовых коллективов он мог бы работать министром. Все-таки это был человек вчерашней школы.

Характерным представителем этой школы был и министр металлургии Серафим Васильевич Колпаков. Коренастый крепыш — типичный горновой с рукопожатием, которым можно было, по-моему, раздавить и металлический окатыш. Голос — чуть с хрипотцой, которая развивается при частом употреблении ледяной воды около раскаленного мартена. Когда его представлял Рыжков, то наиболее весомым (с его точки зрения) было:

— Когда я искал кандидатуру, товарищи мне подсказали: хочешь иметь чиновника — бери кого угодно, а хочешь иметь металл — бери Колпакова.

Может быть я и ошибся, но мне показалось, что у Серафима Васильевича главным стимулом было «кулаком по столу» и... давай, давай. По крайней мере, в его выступлении не прозвучало никаких новых моментов, связанных с экономическими стимулами управления и осознанием тяжелой вины отрасли перед окружающей средой. Я выступил против этой кандидатуры, но из 30 депутатов 16 проголосовали «за». Велика была лоббистская прослойка приехавших с мест депутатов — представителей отрасли.

Надо оказать честно, что Серафим Васильевич обиды не затаил (не думаю, что ему было наплевать на какого-то депутата), последующее общение было достаточно приятным. А когда стали распадаться союзные структуры, он одним из первых понял необходимость перемен (в отличие от Щадова и Семенова) и быстро организовал российскую металлургическую корпорацию.

Выступал я и по поводу двух «волейболистов» — министра электротехнической промышленности Олега Георгиевича Анфимова и тяжелого (бывшего энергетического) машиностроения Владимира Макаровича Величко. Оба, одного со мной возраста, они были двухметрового роста, стройные как будто только что вернулись со спортивной площадки. Первый залихватски наобещал наводнить страну уже через год малыми электродвигателями для холодильников, стиральных машин и прочих бытовых установок, с которыми уже начались перебои. А второй также лихо обещал уже в 1992 г. организовать отечественное производство парогазовых установок мощностью аж 800 МВт. Разумеется, ничего это сделано так и не было, зато докладывали они весьма самоуверенно. На нереальность их планов я и обратил внимание, но... всем (да и мне тоже) они понравились. Оба получили по 30 голосов —

«за» при одном (но не я) воздержавшимся. Частенько потом я напоминал им о данных обещаниях, на что как-то Величко добродушно взмолился:

— ну что прицепился как клещ — а потом, подумав, добавил:

— так и надо.

Конечно, со стороны наши с ними встречи выглядели уморительно. Я едва доставал каждому из них до сосков и, тем не менее, напирал, а они как-то отбрыкивались, пуская очередные слова поверх моей головы.

Потом, когда Величко стал у Павлова зампредом, он не раз приезжал к нам в комиссию, и мы беседовали с ним и один на один, и вместе с членами комиссии. Был и я у него в министерстве, он все звал меня в Ленинград в объединение «Энергомаш» — посмотреть своими глазами, как идет сборка больших турбин. Но так мы и не собрались. А последняя наша встреча — стычка состоялась по поводу кандидатуры министра нефтегазовой промышленности. Вообще, многие беды этой отрасли произошли не только по объективным причинам, но еще и потому, что там была настоящая чехарда с министрами. После ухода на пенсию Динкова — одного из ветеранов «административно-командной школы» кресло министра долго пустовало. По рекомендации ЦК предложен был Тюменский партийный голова — Геннадий Павлович Богомяков. Но он встретил мощнейшую оппозицию со стороны депутатов. Не последнюю роль в развенчании его персоны сыграл депутат-эколог из Оренбурга Владислав Александрович Шаповаленко. Он распространил среди депутатов коллективные письма-протесты с мест по поводу Богомякова и фотографии того беспредела, который творили на Тюменской земле нефтегазодобытчики. Я-то это видел воочию, но на многих депутатов эти свидетельства подействовали. Кампания протеста ширилась, о ней знали и Рыжков и сам Богомяков. И все же они решились на публичное «аутодафе». Депутаты, решительно настроенные «против», предлагали дебатов не открывать, но все же кто-то не удержался... и вопросы посыпались в одну лузу: почему Богомяков не занимался социальными и экологическими проблемами региона, а знал только одно — давать план. Без тени смущения тот отвечал, что такова была установка ЦК. На ехидный вопрос: а если бы была установка строить жилье — так же без тени смущения отвечал: строили бы жилье. Беспринципность, железное послушание, а не работа ума, полное отсутствие понимания необходимости иметь свою голову на плечах, какое-то при этом барское высокомерие убедили и еще колеблющихся, что этому человеку не место в правительстве. По-видимому, это была последняя попытка пересаживания из партийных в министерские кресла. И она с треском провалилась. Против кандидатуры Богомякова проголосовали 56 депутатов, и лишь 5 — «за».

Рыжков, Рябев (представлявший эту кандидатуру по должности зампредсовмина, ответственного за топливно-энергетический комплекс) приняли это решение как должное, и даже не пытались как-то убедить депутатов. Не стали вопрос, после такого заключения Комиссии (а писать его пришлось мне), выносить и на сессию. Месяца три после этого искали новую кандидатуру.

По-видимому, не самой лучшей оказалась и кандидатура Леонида Ивановича Филимонова — тюменца-производственника, бывшего одним из новых замов прежнего министра, но ничем себя еще не проявившего. Он был, что удивительно для пришедшего с нефтепромысла буровика, крайне корректен и вежлив. Так и не смог настоять в правительстве на особом внимании к агонизирующей отрасли. И хотя Рябев его всячески подталкивал, но этого оказалось мало. Уже Рыжков, а после и Павлов отмахивались от Филимонова как от мухи. Видя такое к нему отношение, Филимонов тоже сник, хотя у него были вполне здравые идеи по созданию в отрасли фирм полного технологического цикла — от поисковой геологоразведки до бензоколонки. Но для этого надо было сначала объединить нефтяников с нефтепереработчиками, а после — демонополизировать отрасли. Впоследствии так оно и пошло, но насколько бы это было быстрее и, главное, упорядоченнее. Такую работу сумели провести газовики, быстро-быстро создав вместо министерства концерн «Газпром».

И уже летом 1991 г. Филимонова освободили от обязанностей министра. Рябев сумел на какое-то время сохранить его своим замом по топливно-энергетической комиссии, но вскоре рухнула и комиссия. Последний раз мы встретились с Леонидом Ивановичем в министерстве топлива и энергии России, когда он получил назначение вернуться в Сибирь — управляющим Томским нефтедобывающим объединением. Блеска в его глазах не было.

А на место министра Павлов настоял взять руководителя одного из отделов той же топливно-энергетической комиссии тоже Льва Дмитриевича, но Чурилова. Рябев, как выяснилось, был против и не очень это скрывал. Тогда упрямый Павлов поручил провести эту кандидатуру через нас своему, теперь уже первому, заму — Величко. Никакой программы у Чурилова не было, и я стоял на том, чтобы отложить этот вопрос. На самой комиссии и я и В.И. Татарчук как зам. председателя выступили за отсрочку решения, но обаяние Величко взяло верх, и депутаты дали согласие. Более того, когда по договоренности с тем же Величко и Чуриловым я ждал последнего у себя в комиссии, оказалось, что вопрос неожиданно включен в повестку дня сессии Верховного Совета СССР, и Чурилов получил «добро» у ничего не ведающих депутатов. Но и ему довелось руководить министерством не более двух месяцев. После августовских событий все союзные структуры быстро «приказали долго жить», а А.Д. Чурилов, как и все министры правительства ГКЧП, получил отставку, правда, быстро сориентировался и создал нефтяную российскую корпорацию.

А вот наш Юрий Кузьмич Семенов — министр энергетики и электрификации до последнего стоял за сохранение единого союзного министерства. И так и сошел с арены ни с чем — получил комнату как «академик-секретарь» (беру в кавычки) отделения энергетики Инженерной академии.

Моя первая встреча с ним состоялась накануне обсуждения его кандидатуры в здании топливно-энергетической комиссии. Не помню, по какому поводу я зашел туда к моему давнему знакомому — бывшему главному инженеру института Энергосетьпроект Георгию Александровичу Илларионову. И он потащил меня к Ю.К.

(так его часто звали и потом). Накануне на заседании комитета по строительству у Б.Н. Ельцина, чуть не прокатили министра нефтегазового строительства Чирского, пришедшего к депутатам «для побеседки», а его выпроводили с требованием представить программу отрасли, переориентирующей со строительства газовых магистралей на распределительную сеть, в том числе и для газификации села. Об этом щелчке быстро стало известно всем, и Ю.К. просил меня заранее посмотреть текст его выступления и сделать замечания. Не скажу, что мне импонировала программа Семенова: ничего нового в ней не было, но уже появились слова о том, что министерство должно заняться не только энергопроизводством, но и работой с потребителями, заявлялось об уважении к экологическим требованиям общественности. Я уже из своего первого опыта сделал две-три поправки с акцентом на роль энергохозяйства не как отрасли, производящей киловатт-часы, а как инфраструктуры нашего быта и всей материальной сферы. Замечания были с благодарностью приняты, учтены в словах, но не на деле. Выступление Ю.К. Семенова на следующий день перед депутатами прошло достаточно гладко, хотя претензий к энергетикам, особенно по экологической части, у всех депутатов было немало. 64 проголосовало «за», двое — против и 11 воздержалось. Кандидат получил «добро».

Цифры голосовавших сильно отличаются по отношению к тому или иному кандидату. Дело в том, что часто они обсуждались либо на одной нашей комиссии, либо на совместном заседании с кем-то еще: с экологами, строителями, поэтому состав «суда» был непостоянным. После назначения на пост министра Ю.К. изменился: появилась осанка, голос задрезжал от того, что его слушали. С самого начала он повел себя на отторжение от своих новых соратников, да и с депутатами перестал считаться. Не приглашал на коллегии или иные мероприятия, как делали другие министры, поэтому приходилось чуть ли не напрашиваться. Как-то летом была встреча руководителей Минэнерго с представителями трудовых коллективов в Конаково. Почти случайно узнав об этом, мы с Васильевым Б.Г. — тоже зампредом нашей Комиссии по промышленности и энергетике, поехали в Конаково без приглашения, уведолив лишь замминистра Макухина Алексея Наумовича о том, что мы будем.

Нашему появлению Ю.К. несколько подивился. Он не знал кого звать в Президиум — меня как председателя подкомиссии по энергетике или Бориса Геннадьевича, который формально был выше меня по рангу, его попытки шутя решить этот вопрос «в мою пользу» вызвали нескрываемое раздражение Б.Г. Васильева, после чего растерявшийся министр пригласил обоих, а заодно и депутата В.В. Козлова — члена нашей комиссии, директора Приморской ГРЭС, что уж никак не соответствовало «табели о рангах», ибо его управляющий сидел в зале. Все это — не к тому, что мы претендовали на что-то особенное. Просто Ю.К. так и не сумел найти верного тона в отношениях с депутатами, к нам ездить не стал, к себе не звал. Почувствовав это, и так немногочисленные депутаты-энергетики перестали интересоваться проблемами отрасли и выступать в поддержку ее особого места в жизни общества.

Ю.К. попытался самоутвердиться в отрасли, пригрозив по итогам 1989 г. уволить с работы 93 руководителя, не обеспечивших выполнение плана. Хотя, реально, угроза была осуществлена лишь в отношении трех человек. Его «перлы» типа «моя беда в том, что я все знаю» (имелось в виду, что Семенов в отрасли в свое время прошел все ступени от управляющего Днепрэнерго до зам. министра) создали ему не лучшую репутацию. На первой большой встрече в министерстве, куда Семенов пригласил почти всех бывших министров и кураторов из ЦК КПСС, они по-старчески многословно начали сравнивать прошлое и настоящее явно в пользу не того, что есть, а того, что было. Речи были пустопорожними, и зал загудел, особенно во время выступления Фролышева из ЦК, которого откровенно не воспринимали и раньше, а теперь в условиях демократии ... В ответ на начавшееся захлопывание оратора (тут министерские чиновники переняли дурные депутатские приемы) Ю.К. вскочил и грозно-оскорбительно бросил в зал:

— Вы не на собрании. Сидите и слушайте. Я — министр.

Конечно, все попритихли, шокированные такой постановкой. По-видимому, Семенов слишком долго был заместителем у прежнего председателя ТЭК А.Е. Щербины, который один был генератором, а все подчиненные у него — лишь исполнителями. И Ю.К. пытался наверстать упущенное, стать первым, заявить о своем лидерстве хотя бы по должности. Но авторитета это ему не принесло. Зато аукнулось.

Недаром, два года спустя, когда уже было создано российское министерство топлива и энергетики во главе с Дьяковым А.Ф., негласным соперником Ю.К. во многом, в том числе и в борьбе за кресло союзного министра, во время учредительного собрания корпорации Росэнерго, пришедшей на смену прежнему Минэнерго СССР, кандидатура Семенова Ю.К. на пост президента корпорации хотя и была названа, но снята с голосования по предложению того же Дьякова. И лишь четверо из полутысячи присутствовавших проголосовали в поддержку Семенова. Со слезами в голосе Ю.К. воскликнул:

— Что же вы — мужики, предали своего министра, — и покинул зал.

Правда, не удержался и Дьяков, но тому были иные причины. Раз уж зашла речь о моих взаимоотношениях с руководством Минэнерго, то я должен прямо сказать:

— Не боги горшки обжигали.

В общем, неплохие люди, грамотные специалисты, но... не боги. Препные руководители были покоритнее... и оставили больший след в памяти отрасли.

Петр Степанович Непорожный — «академик в валенках» при всем его косноязычии умел видеть перспективу и... строил, строил.

То, что отрасль еще дышит в эти труднейшие времена, во многом его заслуга. Хоть он и гидростроитель, но заботился и о Единой энергосистеме и о научно-техническом прогрессе. Конечно, звание члена-корреспондента АН СССР было больше приложением к его должности министра, но для своего времени Непорожний был прогрессивно мыслящим министром, и мне только в депутатском качестве удалось общаться с ним, от чего остались достаточно хорошие впечатления. Термин «в валенках» прицепил к нему кто-то из шахтеров Кузбасса, когда министр — уже немолодой человек во время разъезда по объектам оделся потеплее, а вся его свита была, как положено, в ботиночках. Не зная, кто есть кто, один из встречающих попытался, было остановить Непорожного — «а ты куда, в валенках». Такое сочетание внешней гротескности с осознанием сути грядущего помогало ему не мельчить, и долгие годы оставаться у руля.

Но время неумолимо. Его преемником стал Анатолий Иванович Майорец, рассчитывая, что эта должность будет для него проходной — из министров электротехнической промышленности в кресло одного из зампредов Совмина. Он разумно не полез в технические «мелочи» отрасли, сосредоточив основное внимание на экономических стимулах использования внутренних резервов. Введя всего одну меру — премирование не за экономию топлива, а за коэффициент использования мощности, он мгновенно добился расконсервации прежних малоэкономичных энергоустановок, и частота — этот регулярно падающий в прежние годы показатель качества электроснабжения — стабильно замер на отметке 50,0 Гц. Разумеется, любая палка о двух концах. Потребители и руководители страны самоуспокоились, резко сократились инвестиции во вводы новых мощностей, и сегодня мы работаем почти без запаса, уповая на господа бога, дарующего нам из года в год теплые зимы.

Расстались с Майорцом А.И. бездушно. За две недели до 60-летия его молча отправили в отставку. Не пожелав ему ни здоровья, ни успехов, отпустили в отпуск с последующим невозвратом на прежнее место. Мы как-то возвращались с ним пешком из Кремля с заседания 1-го Съезда народных депутатов СССР: он — в министерство в Китайский проезд, а я — в гостиницу «Россия», и он, не сдержавшись, поведал мне о том, как с ним обошлись. Я потом послал ему в Крым, где он отдыхал, поздравительную телеграмму, но она вернулась, не дойдя до адресата. Никто из персонала не стал выяснять, в каком номере был экс-министр, а я, естественно, тоже этого не знал и не указал в своем послании.

Больше в здании министерства Майорца А.И. никто не видел.

А ведь трудно рассчитывать на внимание к себе, если сам этим не отличался по отношению к другим.

Пришел и ушел Майорец. Пришел и ушел Семенов. Придут и уйдут другие.

«Я» и «Мы». Как это непросто — суметь быть таким «Я», чтобы более аморфное «Мы» не поглотило тебя в своей равнодушной памяти. Надо быть Личностью дабы не остаться незамеченным не только в момент восседания в кресле,

но и после. Личность должна быть адекватна тому сообществу, над которым она поставлена волею случая. Нас ставит случай, а снимает время.

Из всех замов заметной Личностью являлся, пожалуй, один Дъяков А.Ф. Он был управляющим Ставропольэнерго, затем — начальником Главвостокэнерго, потом — зам. министра, отвечающим за новую технику. О нем есть разные мнения, но я уважаю в нем неординарного человека. Еще будучи начальником Главка он через третьих лиц просил меня быть его оппонентом на защите кандидатской диссертация. Я отказался, по крайней мере, от такого заочного предложения. Защита состоялась. А когда он стал замминистра, непосредственно курирующим науку, наши отношения не только не ухудшились, но, наоборот, укрепились. Хотя я и соблюдал приличествующую положению дистанцию: он был старше по возрасту, выше по комплекции, по рангу. Мало что изменилось и тогда, когда я стал депутатом и стал как бы курировать его министерство. Он достаточно приветливо принимал у себя, ездил по поручению министра отчитываться к нам на комиссию. Когда сам стал российским министром, встречи наши стали менее частыми и менее произвольными, но пренебрежительного отношения с его стороны я не испытывал. Чего не скажешь о Владимире Андреевиче Жангирове — его заместителе.

Когда Жангиров В.А. еще был начальником ОДУ в Хабаровске и пытался стать кандидатом экономических наук, он был «весь-внимание». И я, и наши ребята (особенно Хорошев М.И.) помогли ему. После защиты он стал быстро-быстро отдаляться, а после того, как Жангиров переехал в Москву и стал всего-то зам. начальника экономического Главка, вообще перестал нас замечать. После моего «воцарения» в комиссии Верховного Совета произошла чудесная метаморфоза. Жангиров по несколько раз в день звонил мне в гостиницу, на работу, предлагал свою помощь, содействие, вынюхивал у меня новости, пытался через меня повлиять на министра, чтобы стать начальником самостоятельного главка по перспективе. Почувствовав, что министр его держит на дистанции, а мои слабые потуги успеха не имеют, он стал «чистить ботинки» Дъякову А.Ф. Анатолий Федорович клюнул, поскольку Жангиров в действительности обладал дьявольской исполнительностью и работоспособностью. Он знал и умел многое. Его стараниями, в основном, и была сделана электроэнергетическая часть Энергетической программы.

К сожалению, этот адский труд не дал должного результата. Документ этот давал много цифр, но мало идей, направлений действий, а, главное, не предлагал механизма для реализации новой энергетической политики. Да и новой, судя по тексту, ее назвать трудно. И хотя этот материал был безусловно полезным, назвать его эпохальным, как хотелось автору, трудно.

Близость к Дъякову А.Ф. дала результат. Когда Анатолий Федорович стал российским министром, Жангиров стал одним из его замов, хотя и претендовал уже на первого. Но и так он стал ведать перспективой, наукой и внешнеэкономической деятельностью. Взялся за редакцию Энергетической хартии Европы. В этот момент Жангиров вознесся не только по должности, но и внешне. Разговаривал с явно нескрываемым осознанием того, что отрывает время от гораздо более важных

государственных дел, тем более, что положение союзных депутатов к тому времени стало не столь уж значащим.

Мне было смешно и даже несколько обидно за него: он терял мое уважение как Личность. После того, как и в российском правительстве произошла «смена караула», Дьяков вернулся в свой прежний кабинет. Джангиров стал дистанцироваться и от него, но в новую команду явно не вписался. Мы опять поменялись местами в административной системе «верх-низ», и взор Владимира Андреевича опять стал обращаться в мою сторону с уважительно-послушным вниманием. Дьяков же и здесь остался верен себе — чуть обиженным за то, что я по рангу, а не по возможностям сблизился с ним, и пытающимся сохранить за собой пальму лидерства. А я и не препятствовал, понимая, что он умеет многое из того, чего не умею я. Но Дьяков — это не Джангиров. Хотя каждый из нас может волею случая или судьбы переступить другого, но амплитуда отношений не должна быть слишком большой и так быстро меняющейся по знаку.

Дьяков и Семенов — «два медведя, которым трудно было ужиться в одной берлоге». Ю.К., став министром, хотел съесть Дьякова, но ему это оказалось не по зубам. А вот Дьяков, став главой российского ведомства, сумел отправить Семенова в «небытие». Может быть, и ко мне он будет не только ревнив, но и коварен, но пока хочется надеяться, что мы усидим «в одной лодке».

А по отношению к Семенову я не испытываю ни злорадства, ни жалости. Такая вот «се-ля-ви». Сколько раз пытался я убедить Ю.К., что в условиях развала союзных структур власти надо сохранить хотя бы межреспубликанскую акционерную корпорацию под названием «Единая энергосистема», с сохранением в ней ЦДУ, межсистемных электропередач 500—1150 кВ и крупных системообразующих станций мощностью свыше 1 ГВт. А все остальное надо было отдать в собственность и в распоряжение республик и местных советов, дабы поднять их роль и ответственность за энергоснабжение территорий. К сожалению, Семенов пытался сохранить все и потерял все. И сам и все мы.

Опыт законотворчества

Наша Комиссия (а впоследствии Комитет) по промышленности и энергетике вобрала в себя депутатов, пришедших с заводов и мало что умеющих, кроме как работать по заданной программе. Политиков-говорунов у нас не было, а здравый смысл у большинства в наличии имелся. Возглавил нашу Комиссию Владимир Егорович Курташин — генеральный директор НПО «Криогенмаш». Он был депутатом от профсоюзов, и это иногда сковывало его в отношениях с советами трудовых коллективов, которые некоторые депутаты представляли истинным народовластием. В первом составе комиссии значились и весьма солидные, по нашим понятиям, фигуры: Борис Хагуцирович Блаев — генеральный директор Тырнаузского вольфрамо-молибденового комбината; Иван Николаевич Дьяков — первый секретарь Обкома КПСС, а затем председатель Астраханского областного совета; М.М. Миркасымов — первый секретарь Ташкентского обкома, а затем, какое-то время, зам. предсовмина Узбекистана; Муртаза Губайдуллович Рахимов — директор Уфимского нефтеперерабатывающего завода, а затем председатель Верховного Совета Башкортостана; Богуслав Флорионович Сандурский — генеральный директор объединения «Башнефть»; Николай Федорович Хрипунов — генеральный директор Воскресенского объединения «Минудобрения»; и другие «генералы».

Разумеется, их опыт и должностной вес придал авторитет нашей комиссии; но, естественно, не порывая со своей основной работой, они выполняли лишь роль тяжелой артиллерии, а основная доля текущей законотворческой и контрольной деятельности легла на плечи тех, кто перешел в комиссию на постоянную работу.

Большинство таких «штатных законодателей» составили ребята с производства, которым нечего было терять на старом месте работы. Олег Марков — электросварщик из Барнаула, Нина Михайловна Пирязева — электромонтажница с Новосибирского «Сибсельмаша», Володя Тимченко — фрезеровщик «Азовского оптико-механического завода», Виктор Николаевич Фоминых — электросварщик с «Актюбинксельмаша» и другие. Все они — замечательные ребята, но ни жизненного опыта, ни необходимого кругозора у них не было. Их часто выручал природный ум, активность, здравый смысл, но... этого было мало. Поэтому основная работа пала на тех, кто уже что-то имел за плечами и рискнул расстаться с этим, чтобы целиком сосредоточиться на работе в Комиссии.

Курташин так и не ушел со своей Балашихи, поэтому организация работы комиссии была в значительной степени пущена на самотек. Его заместителями стали Виктор Иванович Кисин — начальник управления новой техники московского ЗИЛа и Борис Геннадьевич Васильев — управляющий Костромаэнерго, а председателями подкомиссий, кроме меня, Валентин Иванович Татарчук — директор Соликамского целлюлозно-бумажного комбината, Юрий Георгиевич Красильников — зам. директора Казанского моторостроительного объединения, Валерий Сергеевич Петропавловский — нач. отдела Ленинградского ПО «Позитрон». А секретарем комиссии, фактически взявшим на себя функции главного организатора — Анатолий

Васильевич Решетников — очень бойкий молодой зам. начальника цеха Калужского моторостроительного объединения. Если бы не он, комиссия так бы и не заработала. Затем один из подкомитетов по конверсии возглавил Евгений Александрович Кутепов — ведущий инженер Таганрогского завода Минавиапрома. Он тесно сотрудничал с институтом экономики МАИ, часто был посредником между депутатами и профессионалами-экономистами, занятыми проблемами экономической реформы.

Вначале мы ближе всего сошлись с Кисиним — и по возрасту и по интеллигентности. Правда, он довольно долго не уходил с завода и поэтому бывал у нас хоть и часто, но не постоянно. Его худощавость, ранняя седина даже в обличии выдавала в нем человека интеллигентного не по должности, а по натуре. Он был избран от общества «Знание», и это тоже как-то соединяло нас. На его примере также как и Курташинском было особенно заметно, что выполнять депутатские обязанности в комиссии от случая к случаю нельзя. А когда Кисин все-таки ушел с завода, а это случилось через год, то вскоре был назначен министром промышленности России, и наши пути разошлись. Хотя мы по-прежнему остались полны уважения друг к другу.

Васильев Б.Г. был человек другого типа: крупные черты лица, вальяжность, но не интеллектуальная, неповоротливость, труднообъяснимая его прежней должностью управляющего энергосистемой, замедленность реакций и в поведении, и в мыслях — все это никак не делало его фигурой №1. А через год у Васильева случился инсульт, и хотя он мужественно после больницы ходил на работу, это был уже не боец.

Вместе с Кисиним мы готовили в Комиссии обсуждение бюджета на 1990 год, установили контакт с Лаверовым и Абалкиным по поводу государственных научно-технических программ и по поводу пакета законодательных актов, обеспечивающих в новых условиях роль предприятия, как основного товаропроизводителя.

Сначала были поправки к прежнему Закону о госпредприятии. Пользуясь прежним опытом практической деятельности на местах, мы настояли на принятии ряда поправок, дополнительно расширяющих права предприятий, особенно в социальной сфере. Конечно, это были не бог весть какие изменения, но какой гордостью наполнилась душа, когда я увидел опубликованный Закон с моим текстом некоторых дополнений. Оппонентом от Правительства был Леонид Иванович Абалкин. По-моему, это была одна из самых удачных находок Рыжкова как главы правительства. В отличие от многих последующих пришедших в союзное и российское правительства экономистов он обладал тремя важнейшими достоинствами: понимал необходимость не частичных новаций, а пересмотра всей законодательной базы в области экономических отношений, достаточно хорошо с помощью своей команды представлял реалии сегодняшней хозяйственной жизни, отличался ясностью мышления и четкостью изложения, чего, например, не скажешь ни о Шаталине, ни о Аганбегяне и других. К тому же он был и в отношениях с людьми четок и корректен.

Осенью 1989 г. Абалкин провел очень большую конференцию по экономической реформе, где еще раз апробировал свои замыслы. Но... его «слопали». В декабре Абалкин отказался докладывать правительственную программу, по переходу к рынку (ее докладывал Маслюков — зам. Предсовмина и председатель Госплана). Абалкин промолчал, а ведь эта программа использовала лишь его словесный антураж по поводу экономической реформы, а на деле предлагала старый механизм «светлых наметок» и неясной дороги к ним. Н-й Съезд раскололся по поводу — принимать или не принимать такую программу. Многие, и я в том числе, склонялись к тому, чтобы не освящать именем Съезда этот вариант, потому что он был нереален и вел в никуда, а просто давал правительству свободу действий еще на некоторое время, поскольку в законченном виде никакого другого документа такой же степени полноты не было. Поэтому «агрессивно-послушное большинство» не решалось нарушить традицию и отклонить правительственную программу, следовательно, отправить в отставку только что с таким трудом собранный Кабинет. Легче всего было сказать «да», тем самым снимаешь с себя ответственность и остаешься вольным стрелком по правительственным мишеням.

Программа была принята. Следом был принят и печально известный «абалкинский» налог на ограничение прироста зарплаты по сравнению с предыдущим годом. У меня ощущение, что Леонид Иванович к этому непричастен, хотя и вынужден был, как зампредсовмина петть не своим голосом.

Опять-таки типичный случай сложности взаимоотношений человека и команды, в которой он играет. Коли каждый сам по себе — команды нет. Если все механически выполняют чью-то команду — нет игры.

По-моему, мы зря отказались от хозрасчета. Все-таки это был стимул к приросту производства. Пусть не лучший — но он работал. А попытки насильственно что-то ограничить, когда мы только-только вдохнули первый глоток свободы, привели к обратному эффекту. Усилия всех наших руководителей предприятий оказались направлены не на то, как расширять производство, а на то, как обойти закон. Который, конечно же, как и любой забор, имел щели и другие лазейки. В тот момент я опубликовал в «Известиях» маленькую заметку о групповом интересе, где пытался показать, что коллективный интерес достаточно компактной группы и есть один из главных стимулов производства. Разумеется, я сделал открытие больше для себя. Никто на эту заметку и не обратил внимания, потому что уже началась борьба имен, а не идей, а пресса имела и делала своих кумиров. Утверждалось, что групповщина на заводах привела Югославию к экономическому краху, но думаю, что мы сделали намного хуже.

Как бы то ни было, а уже через пару месяцев выяснилось, что без радикальных изменений в системе хозяйствования нам не обойтись. Тогда же и был предложен перечень законопроектов, необходимых как правовая основа этих изменений. Закон о собственности, об аренде (новый вариант), о кооперации, о предприятиях, о налогах и т.д. Накануне, уже в период обсуждения правительственной программы, возникли проекты законов о хозяйственной самостоятельности прибалтийских государств. Как

они настойчиво добивались принятия этих достаточно взвешенных и в то же время новаторских законов. Законы были приняты, но правительство, по сути дела, проигнорировало новые законодательные акты. Воспользовавшись тем, что некоторые вопросы их реализации были отданы на откуп исполнительной власти, Совмин практически заблокировал их действие. А ведь дай тогда отдушину для регионального хозрасчета, можно было на примере прибалтов в гораздо более компактном виде посмотреть, как и что работает, а что — нет, а уже затем переходить к свободе хозяйственной деятельности во всех отраслях во всей стране. Это — наша типичная беда: мы жалеем время и силы для проработки и экспериментов, начинаем сразу ломать и строить на глазок, на ощупь, без программы.

По сути дела, Закон о собственности стал первым актом новой экономической политики. Конечно, там было еще много лицемерно-психологического. Все старательно уходило от понятия «частная собственность». Еще действовало негласное табу на его использование, хотя, по сути такой вид собственности молча допускался. Ибо «разрешено все, что не запрещено законом». А закон этого уже не запрещал.

Основная дискуссия развернулась между нашей комиссией и правительством по поводу прав предприятий на использование прибыли. Мы настаивали, что вместо неопределенного понятия «часть прибыли может быть передана в собственность трудового коллектива» следовало предоставить всю прибыль (после уплаты налогов) в коллективную собственность работников предприятия. Оппоненты нам испуганно заявляли, что тогда через 5-6 лет, необходимые для того, чтобы переоснастить все основные фонды за счет прибыли, предприятие полностью уйдет из государственной в чью-то собственность. Ну и что. Мы по-прежнему оставили трудовые коллективы в положении наемных работников, ибо им ничего не дали, а спустя год стали мучиться проблемой разгосударствления. А ведь она уже была бы решена этой нормой. Помоему, никто на эту возможность так и не обратил внимания. Механизма реализации этой нормы ни депутаты, ни правительство так и не предусмотрели. В результате закон не заработал. Хотя я и сегодня уверен, что он был бы спусковым крючком для реформы. Однако прежние структуры не решились осуществить эти новации, принятые зачастую под давлением депутатов вопреки позиции правительственных чиновников, а радикалам и этого показалось мало — им нужны были «великие потрясения». Подыграл радикалам и Горбачев, затеявший не экономическую, а политическую перестройку государства введением поста Президента. Об экономических реалиях опять забыли.

После III-го внеочередного Съезда вернулись к Закону о предприятиях в СССР, головной по этому законопроекту была определена наша комиссия, а внутри нее — Васильев, Татарчук и я. Работали мы вместе с Комитетом по экономической реформе, который представлял Николай Григорьевич Бобрицкий — зам. генерального директора по экономике ПО «Бобруйскшина» из Беларуси. От Абалкинского комитета участвовали в работе его первый зам — Петр Макарович Кацура — бывший зам. генерального директора АвтоВАЗа; и постоянно был с нами Евгений

Порфирьевич Арефьев — очень толковый экономист — буквоед (в хорошем смысле слова) — зам. начальника одного из отделов. Разумеется, Кацура появлялся эпизодически и с ним обсуждали лишь принципиальные изменения, всех остальных по праву можно было назвать авторами этого законопроекта.

Долго дебатировали по неглавным моментам — писать Закон о социалистическом предприятии, как было предусмотрено Постановлением Съезда о пакете первоочередных законов, или обойтись без прилагательного. Сумели убедить сами себя, а затем и членов Верховного Совета, что незачем политизировать экономику, ибо порядок действия предприятия не так уж сильно должен зависеть от формы собственности и политических установок. Разумеется, были и противоположные веские аргументы. Например, только для социалистического предприятия характерна особая роль трудового коллектива, который еще и не собственник, раз ничего не выкупил, ну, а с другой стороны, совладелец принадлежащего всему народу, в том числе и работникам данного предприятия, общегосударственной собственности.

Уже тогда я убедился, что так называемая приватизация-акционирование, дающие номинально права собственника каждому работнику, отнюдь не станет стимулом для активизации производства, ибо на большом заводе любой акционер также отделен от реального управления, как и наемный работник.

Почему-то (не могу я до сих пор понять, почему) многие законодатели приняли в штыки саму необходимость иметь самостоятельный закон о предприятиях. Особенно усердно отстаивали эту отрицательную позицию юристы во главе с председателем Комитета по законодательству Юрием Хамзатовичем Калмыковым, пришедшим на смену Сергею Сергеевичу Алексееву, избранному на Съезде председателем Комитета Конституционного надзора СССР. (Этот Комитет принял клятву нового Президента, но так ничего и не успел сделать из своих достаточно важных функций). В Комитете по законодательству ярким оппонентом Закона выступил и Анатолий Александрович Собчак, с чьим мнением нельзя было не считаться. Хотя аргументация юристов, отрицающих такой Закон, и была малосостоятельна, на наш взгляд. Они считали, что нужен Закон о предпринимательстве, который бы давал «правила движения» на рыночном пространстве, а структуру управления на предприятиях не следовало бы канонизировать.

Нас активно поддержал, пусть и по формальным причинам (есть поручение Съезда подготовить такой закон) Леонид Иванович Абалкин. И все же правительство, опасаясь, что этот закон не будет принят, подготовило частный законопроект об отмене выборности руководителей на предприятиях. Но когда нам все же удалось принять Закон о предприятиях, правительственный проект оказался просто не нужен.

Коллективная работа над документом была тоже не очень простой. Пытались мы взять за основу то чешский вариант, то австрийский; но правительственный,

представленный нам тем же Кацурой П.П., мы отвергли сразу и даже гордились этим, заявляя и по радио и в газетах, какие мы радикалы. Этот вариант действительно был не только сырым, но даже и бессодержательным. Конечно, помощники Абалкина обиделись за такую кичливость и вначале не хотели с нами сотрудничать, но затем мы с Кисиным сумели убедить их, что неправы обе стороны, и надо работать. По сути дела, Законопроект содержал три части: порядок создания и регистрации предприятия, порядок управления им в условиях, когда непонятно — чья же собственность госимущества, и хозяйственно-экономическая деятельность предприятия.

Первая часть особых сложностей не вызвала, пришлось только многократно пользоваться помощью юристов, чтобы наши формулировки, понятные всем по сути, не вызывали неверных толкований на чисто юридическом языке. Третья часть действительно больше походила на закон о правилах взаимодействия предприятия с другими субъектами хозяйственного пространства, т.е. предопределяла будущий Закон о предпринимательстве. А вторая часть, инициатором которой был, в основном, я, так как, с одной стороны, нахлебался неясных взаимоотношений с Советом трудового коллектива, а с другой — видел в этом разделе шаг вперед к будущим акционерным обществам, эта часть в основном и подвергалась неоднократной ревизии: быть или не быть. Без этой части Закон действительно терял смысл, а расписать всю процедуру взаимоотношений собственника, руководителя и трудового коллектива, действительно, не просто, ибо излишняя регламентация была неуместна, а общие принципы могли быть слишком абстрактными. К тому же, у большинства оппонентов было мнение, что не может быть ничего общего в управлении для кооперативных, коллективных, арендных и государственных предприятий. Сейчас я все больше и больше убеждаюсь, что я был прав, настаивая на сохранении этой части и на ее содержании. Может быть, во мне говорит авторское самолюбие. Но все-таки я убежден, что если бы министерства с еще имеющимися у них возможностями принудили свои предприятия к исполнению этого закона, то мы бы избежали многих и по сей день существующих конфликтов между директорами, профсоюзами, стачками и министерствами.

Да, мы выступили против СТК и даже профсоюзов, как обязательного органа представительства трудового коллектива. Но в предусмотренном законом Совете предприятия — аналоге наблюдательного совета акционерного общества — трудовому коллективу действительно предоставлялись права, равные праву представителя государства как собственника. Это был отход от классической западной схемы, где все права принадлежат только собственникам, но и там (например, в Швеции) уже предусматривалась при управлении определенная роль представителей наемных работников. Мы же сделали трудовой коллектив действительно соуправляющим, поровну разделяя представительство в совете между собственниками и наемными работниками.

Многие защитники интересов трудовых коллективов, а на самом деле — новоявленные функционеры, выдающие себя за таких защитников, но пекущиеся

больше о своем статусе, не поняли или не захотели понять новаций, заложенных в законе. Особенно усердствовал председатель СТК АвтоВАЗа Л.А. Барышников. Он присутствовал на заседаниях комиссии, где шло рабочее обсуждение законопроекта, выступал и на сессии ВС, однако никаких аргументов в защиту СТК привести так и не смог. Зато после, опираясь на поддержку Объединенного Совета трудовых коллективов (был и такой, но почил в бозе), развернул в Тольятти с помощью прессы активное противодействие закону. На свое собрание он никого из нас не пригласил, ибо заочно легче было бороться с оппонентами.

Узнав об этом, я написал открытое письмо коллективу АвтоВАЗа. Оно было опубликовано в местной прессе, но не думаю, что кто-либо из сторонников самозахвата-приватизации собственности автогиганта склонен был к аргументированному разговору. В наших спорах было лишь два мнения: одно — собственное, другое — неправильное.

Было в этом законопроекте и еще одно новшество, реализовать которое удалось много позже.

Впервые для руководителей была предусмотрена контрактная система. Уверен, что я не сделал ошибки, настояв на своем варианте. Ошибка была допущена позднее, когда научно-промышленная группа депутатов предложила и добилась принятия Закона о предпринимательстве не как естественном продолжении Закона о предприятиях, а чуть ли не как его альтернативу. Владиславлев, Велихов, Кисин были адептами этого нового закона. И не реализовав один закон, мы умножили количество документов, так и оставшихся на бумаге. А затем началась «война законов». Россияне, уступая нажиму СТК, которые так и не поняли своей новой роли, ввели в своем варианте закона положение о СТК, чем окончательно свели на нет суть нашего детища. А ведь он прошел серьезную апробацию и в министерствах, и на «круглых столах» директоров и просто на предприятиях. По сути дела, не было серьезных замечаний, по крайней мере, по этой части и у депутатов на сессии. Но закон не заработал. Правда, формально не заработал. На самом же деле украинский, литовский, казахский, а может быть и другие республиканские законы о предприятиях во многом просто повторили наш закон. Да и российский тоже родился не на пустом месте. И это дает мне моральное удовлетворение. Я считаю, что моя законотворческая работа не была напрасной, а ее результат не пропал, а живет и жить будет.

Горбачев

Конечно, заманчиво одним росчерком пера раскрыть феномен этого человека, прошедшего путь от студента юридического факультета МГУ до Генерального секретаря ЦК КПСС, первого и последнего Президента СССР. Дело не просто в его восхождении к власти, главное в том, как эту власть он употребил; во благо или во зло почти трехсотмиллионному народу, всему человечеству и каждому из нас, себе и мне.

Любое однозначное мнение о нем, как и о любой Личности, а он таковой несомненно был, было бы не только поверхностно, но и примитивно. И все же попадая во время нескольких встреч в его биополе и дистанцируясь затем, хочется запечатлеть тот сгусток информации, который порождает некий образ этого далеко неординарного человека.

Телевизионный живой снимок дает возможность часто отчетливее, резче увидеть на его лице проявления внутренних эмоций, внутреннего мира человека, физически похожего на любого из нас, но сумевшего выделиться из многих миллионов и распорядившегося затем судьбой этих многих. А они — в свою очередь — распорядились его судьбой.

И все же, пусть и немногочисленные, встречи с Михаилом Сергеевичем позволяют лучше понять его феномен, проявляющийся не столько из собственной глубины, но во взаимоотношениях с другими людьми. «Короля делает свита», так и Горбачев становился понятнее как отражение своего Я в зеркале, где были и Мы.

Впервые я увидел его живьем, как говорится, накануне Съезда народных депутатов СССР, на встрече с российской делегацией в зале заседаний «Белого дома» — здания Совмина СССР. Поразило его облученное южным загаром лицо цвета легкого кофе со сливками. И цвет напитка в его стакане был таким же. Видимо, это было взаимосвязано. В нем не было хрестоматийной портретной чопорности, глаз-локаторы были с живинкой, но чувствовалось, что взгляд его не просто подвижен, он не просто останавливался на том или ином человеке, он что-то вытягивал изнутри своего секундного визави и сбрасывал это что-то в свой внутренний накопитель, чтобы потом отсортировать и либо выпустить как ненужный шум, либо использовать как дополнительный аргумент в поддержку собственных мыслей. Нет, я не могу сказать, что он охотно дискутировал со своим собеседником, внимая его доводам. Он не старался вас понять, а, как правило, на все уже имел свой ответ.

Мнение других интересовало его как еще один довод в свою пользу, либо не интересовало вовсе. Его широко известное и любимое пародистами «давайте рассуждать» означало, что рассуждает лишь он, апробируя на вас свои аргументы и суждения. И все же, находясь в поле его мыслительной деятельности вслух, вы как бы становились соучастником этого процесса, и оппонировать ему было непросто. Для этого надо было также иметь свое твердое мнение, но тогда диалог напоминал разговор каждого о своем. Молодые депутаты, отличающиеся хорошим логическим построением своих доводов, почему-то особенно ленинградцы, частенько вступали с

ним в спор, но, как правило, каждый оставался при своем мнении, и А.А. Собчак, и С.В. Белозерцев, и Ю.Ю. Болдырев, и С.А. Цыпляев. «Злым гением» М.С. Горбачева был Сергей Борисович Станкевич. Один из немногих профессионалов-политологов в депутатском корпусе он частенько оппонировал Михаилу Сергеевичу во время публичных диспутов и частных встреч. Станкевич своей четкостью мысли и логичностью ее изложения, доводил Горбачева, не привыкшего, естественно, к возражениям, до молчаливого скрежета зубов.

Несмотря на многочисленные разговоры о стремлении строить правовое государство, частенько Горбачев принимал решения с позиций «здравого смысла», а отнюдь не исходя из буквы закона. Например, уже после августовских событий 1991 года, на самом верхнем уровне, было принято решение о создании Комитета по оперативному управлению народным хозяйством во главе Л.С. Силаевым. Когда я в перерыве между заседаниями сессии Верховного Совета спросил у Михаила Сергеевича, как понимать это решение — как замену Кабинета Министров, что является неконституционным актом, или как оргкомитет по формированию нового Кабинета, он согласился с тем, что это — новый орган, не предусмотренный действующим законодательством. И в то же время, пожав плечами, равнодушно заметил:

— Ну и что, надо же было что-то делать.

Я уже не говорю о многочисленных нарушениях процедуры и регламента, допускаемых им на Съезде и в то время, когда он председательствовал на сессии Верховного Совета. Для него функции спикера парламента, ведущего заседания в условиях жаркой полемики выступающих, настаивающих на своем мнении и своей трактовке результатов голосования, были обременительны.

Тем более что, начиная со Съезда и на сессии депутаты, распаленные сознанием своего могущества, были зачастую не только некорректны по отношению к главе парламента, но даже нередко демонстрировали еще и элементарную невоспитанность.

Как контрастировали с прежними почтенными сессиями, когда появление президиума встречалось долгими аплодисментами, нынешние заседания, похожие на плохо организованные посиделки. Нередко Горбачеву, а затем и Лукьянову, приходилось, водружась на место, долго призывать разгоряченных разговорами депутатов занять свои места в зале. А те, продолжая стоять спиной к ведущим, отнюдь не спешили последовать их призыву. Разумеется, дело не во внешних рамках приличия, но невысокая внутренняя культура многих из нас дискредитировала не только депутатов, но и верховную власть.

Каким контрастом по отношению к нашему разнузданному поведению на сессиях была восторженная встреча с Горбачевым участников состоявшегося в Москве международного глобального экологического форума. Все стоя

приветствовали главу нашего парламента, проявляя искреннее уважение не только к самому Горбачеву, но и, в его лице, к руководству нашей страны, к самой стране.

Горбачев явно тяготился ролью спикера такого шумного парламента. И это было вполне естественным. Проводить многие часы за председательским микрофоном трудно вообще, а ему — столь деятельному и живому политику — тем более. Он не мог удержаться и вступал в полемику с депутатами, за что ими же неоднократно был порицаем. Бывало, он не мог сдержать себя и начинал обличать своих оппонентов в том, что они «раскачивают лодку», заявлять о том, что он знает истинные намерения МДГ — межрегиональной депутатской группы — стремление к власти. Тогда лицо его каменело, глаза становились стальными, а пальцы на руке — указующим перстом. В ответ, ему язвительно замечали, что руководитель не имеет право на эмоции, однако сдержать себя любому на его месте было бы сложно, тем более, что Горбачева по характеру можно отнести скорее к холерическому, чем меланхолическому типу.

И все же Михаил Сергеевич держался довольно долго той роли, которую выбрал сам. По-видимому, в этом почти ежедневном общении с депутатами он не только терял время, но и приобретал для себя немало нового — умения быть оппонируемым, держать удары, умения вести диалог.

В сложнейших ситуациях, особенно на Съезде, Горбачев показал себя непревзойденным мастером компромиссов. Когда прибалты покинули зал заседаний 1-го Съезда в знак протеста против непринятия их предложения о том, что делегации республик самостоятельно выбирают своих представителей в состав Верховного Совета, казалось, что трудно будет найти компромисс. И все же Горбачев нашел доводы, вернул литовцев в зад. Неоднократно я замечал, или так мне казалось, что Горбачев будто нарочно провоцирует полемику между армянами и азербайджанцами, уподобляясь тореадору, чтобы в самый критический момент всадить пику в разгоряченное животное, повергнув его к своим стопам. Как бы из чисто спортивного интереса. Было притягательно наблюдать за его мнимым неучастием в разгорающемся конфликте. Мне часто казалось, что дело при его попустительстве принимает необратимый характер. Я с интересом и настороженностью думал, что же он медлит. И не успевал заметить, когда он вдруг брал инициативу и склонял обе стороны к некоему компромиссу. Но, по-крупному, Горбачев на этом и сторел. Если первое время его вмешательство еще приводило к мнимому примирению в силу высокого авторитета арбитра для обеих спорящих сторон, то впоследствии весомость его слов уже не была столь довлеющей, и противоречия между спорящими сторонами не разрешались, а лишь загонялись вглубь. И пожар тлел внутри, сжигая души. Когда конфликт в 1990 г. дошел до железнодорожной блокады, чувствовалось, что никакими доводами разума уже не погасить этот межнациональный конфликт. Горбачев, не справляясь уже с ролью миротворца, начинал переваливать ответственность за эти распри на других — на Вольского, на Рыжкова. Обычно невозмутимый Николай Иванович Рыжков неожиданно резко возмутился:

— мы (правительство) можем снять блокаду, но вопрос нужно решать политическими методами, а это уже Ваша задача.

Стремление к компромиссам хорошо, когда решения устраняют противоречия. А когда компромисс как временная мера лишь прячет суть разногласий, не устраняя их по существу, то это — большой вред. Горбачев не заметал сам границу между сиюминутным и стратегическим результатом компромисса.

Карикатура в «Коммерсанте», где он изображен стоящим ногами на двух разбегающихся льдинах, отражает суть его феномена: льдины разбегаются, а эквилибристу грозит участь рухнуть посередине. Что потом и случилось.

Горбачеву, по-видимому, самому нравился имидж человека «нового мышления», особенно в общении с западными партнерами. Там он был почитаем и уважаем. Поэтому немало времени Михаил Сергеевич уделял приемам западных политиков, бизнесменов, журналистов, часто в ущерб решению внутренних проблем. Как-то в одном из выступлений на сессии, говоря о больных и тревожных проблемах энергетики, я в присутствии Горбачева посетовал, что он не жалеет времени для обсуждения международных проблем, а для встречи с энергетиками — представителями трудовых коллективов времени у него не находится. Конечно, я не мог видеть его реакции, т.к. он сидел сзади, но, как утверждают очевидцы, глаза его сверкнули если не злостью, то холодной остротой. Но все же в перерыве мне удалось вырвать у него согласие на такую встречу.

Конечно, мои уколы для него особого значения не имели, ибо Горбачеву приходилось терпеть от других депутатов гораздо более серьезные обвинения. Когда генерал Макашов А.М. на одном из Съездов, упрекая главу государства в незнании воинской службы, порекомендовал ему пройти, как и всем запасникам, хотя бы двухмесячные сборы, это было оскорбительно. Я полагал, что после этого генералу придется расстаться если не с погонями, то с должностью командующего Уральско-Поволжского военного округа, но этого не произошло. Попытка и в таких вопросах оставаться выше, никак не реагируя действиями, привела к тому, что бездействие, а может быть и недееспособность стало его второй натурой.

Конечно, легко понуждать к действиям другого, пеняя на его нерешительность, но действовать глава государства был обязан. Если бы в том же армяно-азербайджанском конфликте с самого начала были предприняты действия по наведению порядка в Карабахе, по наказанию виновных в Сумгаитской бойне, по выведению, наконец, Карабаха в прямое подчинение Москвы (а не то мнимое, когда Вольский был отряжен туда неизвестно в каком качестве), не пришлось бы потом вводить войска в Баку и присутствовать при зарождении гражданской войны на Кавказе. Его боязнь запачкать руки в малой крови привели к крови большой.

Горбачев как миротворец в Союзе не состоялся.

По большому счету не состоялся он таковым и в международных делах. Имидж миротворца, который создали ему на Западе, был в значительной степени не

результатом, а причиной его отступления по всем позициям. Робкие попытки в Рейкьявике удержаться на каких-то заранее выбранных рубежах потерпели полное фиаско, и все последующие встречи проходили под полную диктовку американской стороны. Разумеется, они это делали весьма тонко, как бы вкладывая инициативу в его руки, а на самом деле манипулируя им. Это была в высочайшей степени умная политика с их стороны, принеся им стопроцентный успех. По-видимому, советологи и спецслужбы на Западе — классные профессионалы, сделавшие ставку в свое время на людей типа Горбачева, Яковлева, Шеварнадзе и других представителей либерального движения. Я отнюдь не хочу опорочить саму либерализацию общественной жизни, которая была проведена благодаря приходу к власти команды Горбачева. Но я столь же не согласен с тем, что он «пришел, увидел, победил». Он был реформатором поневоле. Наша внутренняя жизнь однозначно подвела нас к этой необходимости, поэтому реформы, предложенные им, отразили общественную потребность в них. Но выпустить застоявшийся табун из загона — это полдела. Чтобы он не понесся очертя голову куда попало, надо делать ставку на вожака, быть рядом с ним, опережая его на круп и направляя бег разнузданных особей в нужном направлении. Горбачев, сам ошеломленный успехами своих первых решительных действий, не удержал темпа, и табун смял его в своем стихийном беге в неизвестность. Не помогли и «успехи» на международном поприще. Более того, поспешный вывод воинских частей из Германии в необустроенные места — создал проблемы и в самой армии, и в ее взаимоотношениях с населением регионов, получившим дополнительных партнеров за, и без того, пустым столом.

По большому счету, как это ни прискорбно говорить, Горбачев привел страну к краху, ибо начав движение, не нашел в себе силы быть лидером до конца.

И этот конец стал выявляться не в послеавгустовских событиях 1991 года, а гораздо раньше — весной 1990 года, когда вдруг Горбачев решительно потребовал себе новых полномочий, введя систему Президентства.

Как и многие другие руководители, выросшие в недрах нашей партийно-государственной системы, Горбачев привык работать в мире всеобщего послушания. В ЦК КПСС роль Генерального секретаря была верховной властью. Ему, по сути, не имевшему большинства в этом органе, удалось на весеннем пленуме 1989 г. вывести из состава ЦК более ста великовозрастных представителей «старой гвардии». И позже, несмотря на всю обструкцию, прибегая порой к угрозе самоотставки, ему удавалось провести на высшем партийном форуме все необходимые решения.

С депутатами было труднее. Вообще им была задумана грандиозная идея — не разваливая сложившуюся структуру партийного руководства, пронизывающего все общество, перевести ее в структуру государственную, рекомендуя партийных секретарей в руководители советов всех уровней. Но, выросшая на почве гласности, молодая динамичная поросль «демократов» вмешалась и на волне критики «заевшегося партаппарата» потеснила многих прежних лидеров. Партия оказалась поражена не застоём мысли, а неумением работать с массами.

Все-таки не нашел общего языка с депутатами Горбачев. Представители МДГ на одной из встреч с Михаилом Сергеевичем убеждали его в необходимости сделать выбор: либо он с партаппаратом, пытающимся сохранить свое прежнее лидирующее положение, либо с «демократами», которые поддерживают его в реформировании общества, и сами пользуются его поддержкой. От выбора генсек отказался, пытаясь все время лавировать между радикалами и консерваторами. Пытаясь усидеть на двух стульях, Горбачев, в конце концов, лишился обоих. К сожалению, ему не удалось создать действенной силы и среди так называемых центристов, и он остался без той опоры, которая бы проводила в жизнь его идеи. Центризм нужен не сам по себе, а как разумное средство проведения политики, избегая крайностей. К сожалению, у Горбачева центристская позиция стала самоцелью. И как равнодействующая двух полярных и примерно равных сил она оставляла общество без целенаправленного движения. Застой в действиях власти привел к хаосу и дал простор разрушительному действию оппозиции, стремящейся все сломать до основания, чтобы расчистить поле для строительства нового мира. В крушении всего и вся мы в истории поднаторели, а в строительстве — не очень.

При всей хлопотности работы с депутатами, как созидателями нового общества, Горбачев решил вернуться (ибо по-иному не умел) к прежним методам аппаратного руководства. Именно этим и было продиктовано неожиданное устремление к срочному введению поста Президента СССР. По сути дела это был первый из серии начавшихся государственных конституционных и неконституционных переворотов, приведших в итоге к развалу Советского Союза.

Объективно СССР как страна с сильной центральной властью был подготовлен к переходу от несостоявшегося парламентского правления к введению поста Главы государства. В нас всегда жила тяга к чьей-то властной руке, осуществляющей единоличное правление. Это было в крови у большинства народов нашей страны. Но только через парламентаризм мы могли бы научиться методам демократического правления, когда персонифицированное «Мы» стало бы выше волюнтаристического — «Я». Горбачев боялся волюнтаризма как средства действия, он полагал, что титул президента сам по себе приведет к исполнению его замыслов и решений. Не вышло. Не взрастили мы уважения к законодательной власти и коллективному правлению, а в условиях усиления охлократических начал в экономике и в общественной жизни бездейственное президентство тоже ничего не дало.

Сильные мира сего старой и новой волны

Как-то весной 1990 г. в зале пленумов ЦК КПСС в Кремле состоялось собрание членов партии — депутатов Верховного Совета СССР. Надо сказать, что сам зал, в который многие из нас попали впервые в жизни, порастил каждого своим великолепием. Кресла золотистого цвета, в которые ты погружаешься как в благодатную нирвану, мраморные статуи современных богов — рабочих и колхозников, громадная люстра, испускающая сверху на тебя не столько свет, сколько ощущение верховного света — все это подавляет человека, трудно отделаться от осознания своей малости перед хозяевами этого помещения. Но когда вышли они — члены нового Политбюро и секретари ЦК, то храмовое ощущение уступило место разочарованию — люди, которых физиономисты ни за что не отнесли бы к гениям. Лишь значимость занимаемых ими постов давало им какое-то преимущество перед участниками встречи, но отнюдь не их личные заслуги. Вел собрание Олег Семенович Шенин — бывший красноярец и будущий ГКЧПист, а тогда — секретарь ЦК КПСС по оргвопросам. Хотя он и старался соблюдать тактичность по отношению к присутствующим, но металлический руководящий тон его голоса сразу создал полосу отчуждения. И так как депутаты уже привыкли к тому времени не стесняться авторитетов, то Шенину и досталось из зала немало, в общем-то справедливых, упреков. По традиции Шенин «взял быка за рога» и сразу не предложил создать партийную группу в Верховном Совете. Энтузиазма это не вызвало, ибо очень уж напоминало старый рапорт партийного ответработника:

колхоз организован — шлите колхозников.

Первым делом кто-то из женщин, по-моему, Анна Матвеевна Канаровская — маленькая, но с резким гортанным голосом и молдавско-украинской экспрессией, перебила монолог ведущего возгласом:

— А вам бы надо первым делом представиться. Раньше мы знали всех членов Политбюро по портретам на демонстрациях, а теперь — не то...

О.С. Шенин произнес нечто вроде извинения, и представил сидевших за столом президиума человек восемь лидеров КПСС. Среди них были: Галина Владимировна Семенова, курировавшая партийную работу с женсоветами — симпатичная, хорошо сохранившаяся блондинка без божьей отметины на челе; Юрий Анатольевич Прокофьев — первый секретарь МГК КПСС, вся трудовая деятельность которого прошла в партаппарате, но не вытравила из него проблесков самостоятельного мнения; Егор Семенович Строев — секретарь-аграрий, так и не привнесший в высшие эшелоны партийной власти ничего существенно нового, хотя по-человечески весьма демократичный также как и Юрий Алексеевич Манаенков, с которым мы соседствовали на Съезде, но не читал и не слышал никаких его суждений, хотя он и член Союза журналистов. Более широко был известен Валентин Александрович Купцов — секретарь ЦК по работе с общественно политическими организациями, преемник, хотя и на короткое время, небезызвестного Ивана Кузьмича Полозкова на посту 1-го секретаря Российской компартии. Если бы с самого начала, ставка была

сделана на Купцова, может быть, российское партруководство не было бы столь одиозным в глазах общественности.

К сожалению, ни среди депутатов, ни среди основной массы коммунистов эти люди не проявили себя ничем особо примечательным — все они были в тени первых лиц.

Идею немедленного создания партийной группы не восприняли и депутаты-коммунисты. По сути дела большинство склонилось к идее, высказанной, в частности, и мной — для начала следовало бы объединиться депутатам, избранным от КПСС, а затем можно было бы говорить и о других. Разговор больше шел о модном в то время вопросе — привилегиях КПСС.

Саламбек Хаджиев — генеральный директор ПО «Грознефтехим», один из самых умных людей Верховного Совета, впоследствии министр нефтеперерабатывающей промышленности в недолговечном правительстве В.С. Павлова, очень жестко и со знанием дела критиковал те привилегии, которые отдаляли партийную верхушку от основной массы коммунистов, которые дискредитировали всю партию в глазах населения. В частности, он привел факт, что за телефонную вертушку он, как директор объединения, должен был платить в 100 раз больше, чем местный секретарь обкома. Тот же Саламбек Наирович очень логично, жестко со знанием дела, выступал и в защиту национальных автономий, против нерешительных и непоследовательных действий правительства в вопросах перехода к рынку. Если бы большинство депутатов могло стать вровень с ним, это был бы могучий авторитетнейший и динамичный авангард общества. Но таких были единицы.

Конечно, на слуху у всех были имена сподвижников Горбачева — Лукьянова и Рыжкова, Шеварнадзе и Яковлева А.Н. Александр Николаевич сделал блестящий доклад на II Съезде народных депутатов СССР от имени комиссии по анализу германо-советского пакта Молотова-Риббентропа 1939 г. Он назвал многие вещи своими именами. Слышать это было горько, но необходимо. Разумеется, многие так и не смогли понять, что горькая правда очищает, возвышает человека и страну больше, чем стыдливое умолчание.

И все же, Александр Николаевич, в силу того, что будучи секретарем ЦК КПСС по идеологии, еще совсем недавно внушал партработникам одни мысли, а вскоре изменил свою позицию по отношению к марксистскому учению чуть ли не на 180°, не мог быть стопроцентно понят и принят. Нет, никто не мог упрекнуть его в хамелеонстве, но и поверить в это быстрое прозрение было невозможно. Так и осталось к нему уважительно-настороженное отношение у многих, даже у меня.

Эдуард Амвросиевич Шеварнадзе тоже остался большой загадкой. С одной стороны — его подвижничество на посту министра иностранных дел, где он сумел почистить «авгиевы конюшни» прежнего коррумпированного чиновничества, навести новые мосты с руководителями многих стран мира с помощью идей «нового

мышления». А с другой — его неумение владеть русскоязычной аудиторией, не только в силу явного грузинского акцента, но и в связи с монотонностью выступлений, его явное нежелание идти на контакт с депутатами, перед которыми он не знал как себя вести: то ли как перед высшими по рангу, но не по интеллекту, то ли отбывая на сессиях обязательный церемониал. Шумное заявление об отставке, прозвучавшее на IV Съезде, отразило его внутреннюю неустойчивость, нежелание оставаться пешкой в руках Горбачева, метавшегося в то время между сторонниками жесткого порядка в стране и необходимостью поддерживать реформы. Шеварнадзе был личностью, а личность не может долго флюгерить.

Николай Иванович Рыжков был «мужчиной приятным во всех отношениях». Демократ не по должности, а по душевному складу, приученный за долгие годы к подчинению и послушанию, он так и не смог как Предсовмина взять ситуацию в стране в свои руки. Когда мы — трое энергетиков-народных депутатов СССР (я, Борис Геннадьевич Васильев и Георгий Иванович Тихонов) пришли к нему на встречу, он нам долго и достаточно слезливо рассказывал, что он прекрасно понимает опасность развала отрасли в течение ближайших 2—3-х лет из-за существенного сокращения инвестиций, но ничего сделать не может, потому что и сверху и снизу на него давят популисты, требуя немедленно решать все социальные программы. После этого ожидать от него каких-либо решительных действия не приходилось. А когда стали показывать по телевидению прямые репортажи с заседаний Правительства, все зрители, все население увидело беспомощность нашего руководства. Поэтому и отставка его (а ради этого и придумана была затея с реорганизацией высшей исполнительной власти и введением вместо Предсовмина поста Премьер-министра) оставила народ достаточно равнодушным.

Во многом противоположностью Рыжкову стал его сменщик — Валентин Сергеевич Павлов. Бывший минфиновец он лучше других понимал необходимость экономических преобразований, был достаточно определен в своих поступках, что поначалу вызвало некоторые симпатии к нему. Особенно Павлов запомнился мне во время переговоров с шахтерами в начале 1991 г. Съехавшиеся представители забастовщиков требовали встречи с Горбачевым, но Павлов довольно жестко заявил, что все экономические вопросы все равно будет решать он, а не Горбачев, а политические требования правительство обсуждать не намерено. Более того, когда кто-то из присутствующих в первых рядах попытался мешать ему вести встречу, он цыкнул на него полуматом, что в этой суровой аудитории возымело благоприятное впечатление. В то же время, Павлов производил впечатление буйвола, идущего напролом. Какие-либо дискуссии с ним были невозможны. Свои операции по замене денежных купюр, он не обосновал ничем, только заявлениями, о том, что иначе запад купит нас на корню. Павлов не достиг популярности в стране и полностью отворотил от себя потенциальных кредиторов на западе. В результате, Горбачев на встречу с «семеркой» руководителей западных стран стал брать с собой уже не Павлова, а В.И. Щербакова — его первого зама по экономической реформе. Это был более политик, грамотный экономист, человек, умеющий общаться с народом (в частности, с

депутатами) и в то же время принимающий решения. Если бы не августовские события 1991 г., думаю, что именно он возглавил бы новое правительство Союза.

Не премину еще раз сказать и добрые слова в адрес его предшественника — академика Абалкина Леонида Ивановича на посту заместителя Предсовмина по экономической реформе. Главное — у него была четкая, хотя и неторопливая, но комплексная концепция перехода к новым рыночным отношениям. Его программа была поддержана пусть и не на «ура», но большинством — и руководителями госпредприятий, и экономистами-реформаторами. Против выступил, пожалуй, лишь один достаточно одиозный профессор Сергеев. Но явно централистские силы в Правительстве возобладали, и на II Съезд народных депутатов СССР был внесен какой-то эклектический вариант: популистские заявления о социальной направленности экономики и полное отсутствие каких-либо новых механизмов реорганизации экономических отношений. В результате эта программа по сути дела была с треском провалена. В поведении и некоторых высказываниях Леонида Ивановича чувствовалось, что это — не его программа, но как послушный член правительства он принял огонь критики на себя. А видя его незащищенность, оппоненты как кровожадные звери распались все больше и больше. Почеловечески мне было очень жаль его терять. А познакомились мы с ним впервые, когда в фойе здания Верховного Совета обсуждали первые поправки к закону о госпредприятиях, он был четок, быстр в решениях, хотя и внимателен к аргументам. Позднее, когда наша Комиссия публично в пух и прах раскритиковала законопроект «О социалистическом предприятии», подготовленный его командой, лишь его вмешательство позволило устранить конфронтацию между нами — начинающими законодателями и его помощниками — П.М. Кацурой и, особенно, Ассекритовым.

Встречаясь с Абалкиным и позже, на различных экономических форумах, я неизменно испытывал к нему искреннюю приязнь и уважение.

Сложные и противоречивые чувства вызывал «серый кардинал» в команде Горбачева — Анатолий Иванович Лукьянов. Наблюдая за ним из 32-го ряда зала Съезда, я воспринимал его лишь как вышколенного аппаратчика, слепо преданного своему начальнику. И потому голосовал против него при избрании Заместителем Председателя, а позднее и Председателем Верховного Совета СССР. Его путанные объяснения по поводу Тбилисских событий 9 апреля 1989 г. явно давали понять, что он знает гораздо больше, чем говорит. А говорит он только то, чего от него ждут «боссы», а не то, как он лично относится ко всему случившемуся. При альтернативных выборах я голосовал за Лубенченко К.Д., однако следует признать, что и по профессиональным и по человеческим качествам Анатолий Иванович оказался намного выше своего конкурента. Как спикер, Лукьянов был непревзойденным мастером своего дела. По сути дела, он ни разу не вступил в серьезный конфликт с парламентом, был достаточно демократичен и в то же время неизменно проводил заданную им или для него линию. Поражала его исключительная память на имена и фамилии. Он знал практически всех депутатов, с которыми ему довелось хоть раз встретиться.

Впервые я испытал это, когда вдруг совершенно неожиданно для меня он бросил реплику в адрес моего соседа по задней скамейке Верховного Совета СССР Владимира Дмитриевича Юдина, что тот якобы выступает по поручению Бушуева. Вообще за нами, представителями Комиссии по промышленности и энергетике, мной, В.Л. Татарчуком, В.Е. Курташиным в устах Лукьянова закрепилось прозвище «промышленные танки». Валентина Ивановича Татарчука он откровенно не любил за его часто ненужную настырность, а ко мне относился с достаточным уважением. Он высоко оценил мои предложения по правовым основам энергетической политики, по своей инициативе передал эти материалы Президенту. Пару раз я был в его кабинете. Мои вопросы, в частности, о поездке делегации во Францию, и создании совместного с ГКНТ экспертно-аналитического отдела по оценке новых технологий получили поддержку и необходимые решения. Дополнительно мне, конечно, импонировало его стихотворчество. Мне кажется, что человек, пишущий стихи, не может иметь черную душу. И когда его обвинили в поддержке и соучастии в ГКЧП, мне было его искренне жаль. Конечно, его причастность к этим событиям оспаривать было негоже. Вполне допускаю, что Лукьянов, хотя и стоял в стороне от активных действий, был негласным катализатором событий. Но в то же время мне трудно обвинять его в предательстве. Кого? Горбачева — своего наставника? Так ведь Горбачев «вытирал об него ноги». Обсуждение Союзного Договора шло без участия Главного парламентария страны. Лукьянов, может быть, даже лучше Михаила Сергеевича понимал, что уступки центра сепаратизму республик теряют позитивное начало, ибо являются уступками в деле развала Союза, а не инициативами по урегулированию отношений между объектами иерархической системы.

Нет, Анатолий Иванович был далеко не так прост, как могло показаться по его внешнему поведению. Он был себе на уме. Но в августовских событиях он переиграл сам себя.

И все же Лукьянов-Осенев останется в памяти как незаурядное явление в моей жизни и жизни всей страны.

О многих хотелось бы сказать что-то из личного к ним отношения. Пусть это субъективно, поверхностно, но, многие люди остались у меня в памяти своими яркими кусочками в мозаике нашей бурной жизни.

Владимир Викторович Бакатин — человек, своей открытостью и честностью пришедшейся не ко двору и Горбачеву, и Ельцину. Аркадий Иванович Вольский, ставший из несильных помощников Генсека Андропова Ю.В. лидером предпринимательского Научно-промышленного Союза. Несколько раз мы разговаривали с ним по проблемам энергетике, которую он курировал еще будучи зав. отделом ЦК КПСС. Это — люди, могущие повести общество в новых условиях, понимающие и принимающие необходимость реформаторства в обществе, но не делающие из этих реформ самоцельного фетиша.

К таким за можно отнести и Ивана Дмитриевича Лаптева, проявившего себя на посту Председателя Совета Союза незаурядным спикером и человеком, осторожно, но определенно откликающимся на зов нового.

В отличие от него Рафик Нишанович Нишанов был откровенно человеком вчерашнего дня. На первом Съезде он подкупил всех своей обходительностью и неизменным присловием:

— Спокойно, дорогие товарищи. Все идет как надо (или: Все будет хорошо).

Его умение гасить страсти подкупило многих, и он был дружно избран Председателем Совета Национальностей. Но не он делал Время. Время диктовало ему, как вести себя.

Разумеется, анализируя этот трехлетний период в моей жизни и жизни общества, нельзя обойти молчанием ту группу людей, которые пришли к власти в августе 1991 года. Конечно, история рассудит лучше, чем я по горячим следам, какова их роль в развале Союза и в так называемом возврате России в мировую цивилизацию. Это — еще впереди.

А если о личностях, то главная фигура — Бориса Николаевича Ельцина, если и вызывает у меня временами несомненное уважение своей решительностью, своей четкостью выступлений (особенно после их редактирования Бурбулисом и другими), то симпатий к нему я не испытывал с момента первой личной встречи (хотя и в толпе).

И Горбачев, и Ельцин — оба виновны в том, что объективный процесс реформирования общества в немалой степени перерос в тривиальную борьбу за власть. Ельцин был самой крупной ошибкой все время лавировавшего Горбачева. Воскликнув сгоряча после отставки Ельцина с поста 1-го секретаря Московского ГК КПСС

— Я тебя в политику больше не пущу!

Горбачев решил, что достаточно лишь немного отдалить Б.Н. от Верховного руководства, сохранив ему пост министра в Госстрое СССР и местопребывание в Москве.

Горбачев не учел, что на Руси очень любят опальных князей, полагая, будто они-то как раз и могли сделать жизнь народа лучше и краше, да вот злые придворные хотят извести народного заступника. Тем более что, Ельцин импонировал многим своей решительностью на фоне бездействующего окружения Горбачева. Хотя решительность эта во многом ограничивалась перетасовкой кадров. Импонировал Ельцин и своим показным демократизмом: ездой на трамвае, на частном «Москвиче» без охраны, что было превознесено падкой на сенсации прессой чуть ли не как «единение с народом», хотя в этом было немало показного. Наиболее характерно отношение многих простых людей к Ельцину высказала как-то в блиц-интервью

случайная из опрошенных корреспондентами «Литературной газеты» секретарь-машинистка из Нижнего Новгорода:

— Ельцин — мужчина видный, высокий, симпатичный, голос громкий. А что выпивает и женщин любит, так на то он и русский мужик.

Наши социологи не обращают внимания, что психология обывателя дает свои координаты для оценки политических лидеров. Обывателю хочется, чтобы лидер был наделен узнаваемыми и почитаемыми чертами. Это — как в религии.

Но был еще один фактор, не учтенный Горбачевым. Ельцин — не из тех, кто умеет проигрывать. Нанесенное ему оскорбление Ельцин никому не простил. Его воля, энергия, ум, организаторские качества сконцентрировалась на том, чтобы доказать свое «Я». Он, после не принятой XXVIII съездом КПСС просьбы о политической реабилитации, понял, что в команде Горбачева ему уже не играть. И стал создавать свою команду. Естественно, учитывая тогдашнюю популярность Горбачева и принимая, в принципе, направление объявленных реформ, Ельцин стал играть не против самого М.С. а против «топтания на месте».

Беспрецедентная кампания, развернувшаяся в Москве в связи с его избранием народным депутатом СССР по национально-территориальному округу №1, была подхвачена и умело сорганизована не столько им самим, сколько неолибералами, использовавшими его как наиболее значимую фигуру для своего продвижения к власти взамен тогдашнего партгосаппарата. Московский клуб избирателей и другие объединения действовали по всем канонам науки социологии, основываясь на освоенном ими современном опыте американских и других школ по обработке общественного мнения. Печать, слухи, митинги, интервью, выступления Б.Н. перед самыми различными аудиториями — все было организовано по всем правилам. И сработало. На самом же Съезде «агрессивно-послушное большинство» едва не спутало все карты, не избрав его с первого захода в Верховный Совет. Выручил Казанник, добровольно уступивший Б.Н. свое место.

Разумеется, Ельцин не смог удовлетвориться скромным для него местом председателя Комитета ВС СССР по вопросам строительства и архитектуры. Ни одного его выступления на сессии, касающегося этих вопросов, так и не прозвучало. А довольно путаные вначале выступления на общие темы демократии лишь понижали его рейтинг.

Признав, что на I Съезде демократы не сумели добиться победы, они повели борьбу за избрание своих людей в местные советы и на съезд России. Ельцин, а точнее его окружение, уже тогда избрали линию борьбы не за власть в прежнем центре, а за создание нового российского центра и его завоевание. Все это было «и ежу понятно», но и тут Горбачев отдал инициативу в руки своего будущего ниспровергателя.

Конечно, не предпринимая ничего в тот момент против Ельцина, М.С. на деле проявил свое стремление к плюрализму мнений, к демократичности выборов. Но и

действовать так же как и Б.Н., Горбачев попросту не умел. Поэтому выборы Президента СССР прошли не всенародно, а на собраниях еще послушных ему депутатов-выборщиков. Победа Горбачева на III Съезде была довольно скромной — всего 59,2 процента от списочного состава Съезда, в то время как на первом за него проголосовало более 95% депутатов. Среди тех, кто не поддержал М.С, был и я, так как негативно относился не к самому Горбачеву, а вообще, по крайней мере, тогда, к введению поста Президента и такому келейному способу его избрания. Ельцин же освоился в перипетиях избирательных кампаний и наращивал свои успехи, в том числе, оказался сильнее Горбачева, и в борьбе за избрание в состав депутатского корпуса России, избрание Председателем Верховного Совета РСФСР, Президентом России — выборы, выборы, выборы, в которых он преуспел. На это ушло 2 года изнурительной работы, хотя уже имевшиеся властные полномочия, для дела были использованы далеко не в полной мере. Как верно заметил один из социологов, Ельцин был сильнее Горбачева не в конкретной работе, а в борьбе. Причем этой борьбе были отданы не только собственные силы, но и судьба страны, судьба народов России и Союза.

Ельцин понимал, что имея Горбачева на верху союзной власти, ему снизу было бы трудно «спихнуть» его. Поэтому он не стал домогаться первенства «на старом татами», а начал создавать новую арену, новый плацдарм — Российский «престол». И вознося в общественном сознании эту вершину выше союзной, Ельцин добился желаемого — стал первым. Российская карта в этой игре была лишь козырем в его колоде. А все разговоры в защиту российского суверенитета, российской государственности были не более чем демагогией. Но сколько людей искренне поверили в эти лозунги, сколько национал-патриотизма и откровенного великодержавного шовинизма они породили. Уничтожив Союз, вместо того, чтобы реформировать его в Федерацию или даже Конфедерацию, Ельцин посеял семена национализма и среди других народов самой России. Слава богу, что местные лидеры оказались не столь могущественны. Но и малочисленная Чечня во главе с генералом Дудаевым, и Татарстан во главе с Шаймиевым и далекая Саха-Якутия, где пока нет соответствующего лидера — все пошли по его стопам самостийности своих национальных анклавов.

В Кремле для двух престолов места оказалось мало. Для того, чтобы свалить Горбачева и стать первым, Ельцину потребовалось развалить Союз и ликвидировать союзный престол. А когда вся власть оказалась в руках Ельцина, он сразу сник, и если бы не молодые ребята-экономисты, возглавившие вместе с Гайдаром Е.Т. Правительство России и начавшие эти самые реформы, о которых столько было говорено до того, культ Ельцина быстро бы увял.

Но я и по сей день считаю, что лучшим уделом для всех нас было бы иметь Ельцина не в виде самодержца, а в виде оппонента, который бы не давал дремать союзному руководству во главе с Горбачевым, принимающему определенные, но более взвешенные решения. Но конструктивная оппозиция — это не в характере Бориса Николаевича, и на его примере еще раз видно, сколь значима в нашей

истории роль властной личности. Личности толкают историю, остановившуюся на перепутье, в ту или иную сторону. Союз как государство в прежнем централистском качестве был обречен, он был обречен и как административно-командная экономическая система. Но для блага народов, уже привыкших жить вместе, привыкших к гипертрофированной социальной уравниловке, было бы гораздо историчнее (на мой взгляд) повышение, самостоятельности и ответственности за самих себя граждан и регионов, а не полное разрушение прежнего «Мы».

Достаточно противоречивы и фигуры двух первых мэров — Гавриила Харитоновича Попова и Анатолия Александровича Собчака. Как бы к ним не относились их оппоненты, это — незаурядные личности — лидеры новой волны, личности-антиподы, но одинаково хорошо умеющие сочетать гражданские и свои собственные интересы. Неторопливый пришаркивающий Попов и аристократично холеный Собчак. Первый — в его обычном профессорском свитере, доверительно беседующий по телевидению с москвичами по извечным житейским проблемам предстал в глазах людей демократом до мозга костей. Он был больше по душе россиянам. Его боготворили пенсионеры, ведь он ввел для них бесплатный проезд по Москве; его уважала либеральная интеллигенция, потому что он был типичным выходцем из ее среды; его поддерживали предприниматели, потому что он был одним из них. По сути дела Гавриил Харитонович был главным экономистом теневого кабинета, перешедшим от оппозиции к власти. Он не выглядел менторски ни на трибуне, ни перед экраном телевизора. Мне импонировала манера Попова вести заседания межрегиональной депутатской группы: четкое лаконичное вступление с перечнем вопросов для дискуссии, жесткое соблюдение регламента и умение резюмировать все мнения не в ущерб своему. Все это свидетельствовало о том, что у него была позиция.

Полной противоположностью ему, по внешней манере, был Собчак. Элегантный, яркий, громкий резонер поражал слушателей логичностью речи, убедительностью аргументов, своевременностью и категоричностью выступлений, граничащей порой с элементарной невежливостью.

Впервые Собчак заявил о себе на I Съезде, когда пытался, как юрист, разъяснить невозможность простой передачи полномочий депутата Верховного Совета СССР от Казанника в пользу Ельцина. Своими юридическими познаниями он произвел впечатление на всех присутствующих и на Горбачева. Тот, хотя и сам «юрист» по образованию, стал часто обращаться к Собчаку за разъяснениями. Анатолий Александрович, оказавшись в центре внимания, воспарил, иногда переходя рамки приличия.

Как-то на сессии Верховного Совета Собчак, со свойственным ему высокомерием, обвинил Бурлацкого Ф.М., оказывается, тоже имевшего какое-то отношение к юриспруденции и получившего степень не только доктора философских наук, но и кандидата юридических наук, в элементарном юридическом невежестве. Позже выяснилось, что неправ-то был как раз сам Собчак. И по настоянию

депутатской комиссии по этике ему пришлось приносить извинения. Правда, сделал он это уже в отсутствии Федора Михайловича.

А его, по существу, не лишённое основания, но сделанное с таким высокомерием заявление на Съезде о так называемых «якуте Власове» и «адыгейце Воротникове», избранных российскими депутатами от этих автономий. Это было оскорбительным не только для самих поименованных лиц, но и для всех представителей этих национальностей. Поэтому выступление Собчака и вызвало с их стороны такой резкий протест.

И даже Рыжков не преминул попенять Горбачеву за то, что он как ведущий позволял Собчаку так бесцеремонно выступать в адрес правительства.

Самозабвенно Анатолий Александрович занимался расследованием Тбилисских событий, ведь это давало ему возможность в прокурорском тоне разговаривать со многими высшими должностными лицами, в том числе и с Лигачевым.

По-моему, он, как ворон, яростно кидался на поверженную дичь, не зная ни жалости, ни приличия.

Но за это Собчака капитально прокатили на альтернативных выборах Председателя Верховного Совета СССР после ухода с этого поста Горбачева. Несмотря на его талант блестящего оратора, на его организованность, активность, нацеленность на реформизм, несмотря на массу других внешних достоинств, депутаты не простили Собчаку его высокомерия, жажды быть на виду, жажды славы. Все-таки порядочность и человечность у нас ценятся достаточно высоко, даже выше деловитости и профессионализма.

Будучи по натуре рационалистом, я не обращал особого внимания на ранжирование этих качеств. Думаю, что в стремлении реализовать свои честолюбивые намерения Собчак принес бы немало и полезного. По крайней мере, в Верховном Совете Союза он, на мой взгляд, преуспел бы больше, нежели в управлении хозяйством Ленинграда, и, может быть, эти личные устремления к верхним ступеням власти в Союзе не дали бы так бесславно парламенту страны закончить свое существование. И даже после августовского путча Собчак — один из немногих лидеров-демократов пытался сохранить союзный парламент, хотя бы для себя. Но и он оказался лишь щепкой в бурной реке истории. Завтра его забудут.

Ибо в отличие от Попова, Собчак был феноменом новой политики, ее внешним проявлением, а Гавриил Харитонович во многом сам был конструктором этой политики. По крайней мере, на этапе борьбы за власть в Москве и России. А что делать дальше, став самому к капитанскому штурвалу, это было или неясно, или не по силам и ему. Работать — гораздо труднее, чем бороться.

Энергетическая политика

Конечно, легко, как бы со стороны, разглядывать окружающих и давать им свои субъективные оценки. Но ведь и я был не сторонним наблюдателем, а субъектом депутатского корпуса. И я что-то пытался делать, тем более, будучи облечен полномочиями председателя энергетической подкомиссии парламента. В сводной Комиссии по промышленности и энергетике я имел достаточно самостоятельный участок деятельности — правовое обеспечение новой энергетической политики.

Политики — потому, что задача парламента не оперативное руководство деятельностью топливно-энергетического комплекса, а формирование направлений и механизмов этой деятельности. Новой политики, потому, что все понимали — энергетика не может существовать и развиваться в старых отношениях с обществом. После Чернобыля и расцвета «зеленого» движения энергетика, как жизнеобеспечивающая отрасль должна была исходить не из представлений технократов и экономистов, а из представлений обывателя, человека, гражданина. Энергетика должна была стать одним из элементов экологии, ведь, в первоначальном смысле, «экология» — это наука о взаимодействии человека со средой его обитания. А энергообеспечение — один из важнейших факторов жизнедеятельности человека и общества, один из важнейших элементов среды обитания. Эту трансформацию взаимоотношений общества и профессионалов-энергетиков я воспринимал как свою личную позицию и старался пропагандировать этот подход как среди депутатов, так и среди самих энергетиков. Разумеется, ко мне относились со вниманием и те и другие. Особенно характерным признанием моей позиции было отношение корреспондента «Известий» Е. Манучаровой, которая призналась, что впервые видит в депутате-профессионале не лоббиста своей отрасли, и не ее яркого противника, что бывает, а человека, рассуждающего по-человечески.

Не без моего вмешательства и II Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР принимал решения о необходимости разработки новой Энергетической программы — программы социально ориентированной, обеспечивающей не плановую директиву, а механизмы сочетания интересов государства, регионов и предприятий, интересы населения и энергетиков, интересы нынешних и будущих поколений. Именно эти цели были сформулированы мной в задании на разработку новой энергопрограммы. К сожалению, свои замыслы мне реализовать полностью не удалось. Где-то в силу моей недостаточной настойчивости, где-то в силу непонимания исполнителями, чего от них хотят, где-то в силу объективной неготовности правительства к новой трактовке роли энергетики в жизни общества.

Ближе всех к моему пониманию основного содержания такой программы был Лев Дмитриевич Рябев — зам. Предсовмина Союза и Александр Семенович Некрасов — зам. директора института народнохозяйственного прогнозирования АН, с которыми мы, в конце концов, и согласовали содержание новой программы. Но где-то оказались несогласованными вопросы финансирования, где-то исполнители не сдержали свои обещания. И новая энергопрограмма пока так и не увидела свет.

Летом 1990 г. была обсуждена Программа, подготовленная институтом Госплана СССР — Всесоюзным научно-исследовательским институтом комплексных топливно-энергетических проблем (ВНИ-ИКТЭП). Профессионалы-экономисты, хорошо владеющие-энергобалансами в целом по Союзу, по республикам и регионам, подготовили документ, новый по цифрам, но не по духу и смыслу задания. И хотя этот документ был бы полезен для обсуждения среди всех, занятых прогнозированием и планированием энергопроизводства, общественно-политическим документом этот вариант энергопрограммы не стал. И хотя он официально был внесен в нашу парламентскую комиссию заместителем Рябева — Владимиром Васильевичем Марьиным, на заседании, где рассматривался этот документ, Лев Дмитриевич дезавуировал решение своего зама, публично заявив, что это — старый подход, и он такой программы не подпишет. Пришлось мне публично предъявить претензия к обоим руководителям топливно-энергетической комиссии правительства за несогласованность действий, и вся разработка программы началась заново, но уже под руководством Некрасова.

Спустя год, на рабочем обсуждении документа у Рябева Л.Д., Некрасов по сути дела изложил тот вариант, который и был наиболее близок к заданной постановке. Но в письменном виде этот документ так и не появился. Тем более, что вскоре последовали августовские события, и всем стало не до энергетических программ. Хотя к тому времени, по аналогии с американским вариантом, мы уже говорили не о программе, а о Концепции энергетической политики Союза в условиях подготовки общеевропейской Энергетической хартии.

Старт процессу согласования подходов к строительству общеевропейского энергетического дома был дан уже в начале 1990 г. и не без моего участия. По крайней мере, в мае 1990 г., в Брюсселе состоялась одна из первых международных конференций по энергетическому сотрудничеству. Нашу делегацию в составе директора института энергетических исследований члена-корреспондента АН СССР Алексея Александровича Макарова и меня, как представителя парламента, возглавил вице-министр (по европейским понятиям), а по-нашему, начальник отдела перспективного развития топливно-энергетической комиссии Совета Министров СССР Вадим Васильевич Таскаев. Представительный мужчина, он достойно смотрелся на банкете и на торжественном открытии конференции, но его выступление было настолько шаблонным, что не оставило никакого впечатления. Последующие неоднократные встречи с Вадимом Васильевичем убедили меня в том, что это — высокопорядочный, грамотный угольщик, неплохо разбирающийся в целом в делах ТЭК, но... без сияния вокруг головы.

Макаров был как всегда на высоте. Он рискнул даже доклад произнести на английском языке. Вопросов он опасался, но их не последовало. Впервые участвуя за рубежом в столь представительном собрании, я был восхищен, как легко его участники переходили с французского на английский, признанные официальными языками конференции. Председательствующий непринужденно общался с выступающими и с залом на любом из языков. Моя провинциальность была явно

заметна. Когда нашу делегацию на обеде рассадили за разные столы, я оказался в языковом вакууме. На вопрос соседа, предпочитаю я говорить по-французски или по-английски, я самонадеянно ответил: по-немецки. Ко мне тут же посадили симпатичного лет на 40 с чернобурой бородкой господина, который оказался вице-министром по энергетике датского правительства. Мои познания в области немецкого разговорного языка были ничтожны. Поэтому «беседа» велась (с моей стороны) в виде коротких бытовых фраз о погоде в Сибири, о моей семье и о линиях высокого напряжения. Разумеется, я чувствовал себя препоганом. Но это было все же лучше, чем сидеть молчащим истуканом. А через год мы с м-ром Кох встретились в Копенгагене уже как старые добрые знакомые и приглашали друг друга в гости: он меня — в Исландию, я его — в Сибирь.

Но содержательная часть моего выступления на конференции, где я представлял союзный парламент, была, в отличие от протокольной речи Таскаева, встречена с большой заинтересованностью. По крайней мере, после выступления я стал пользоваться гораздо большим вниманием присутствующих.

А говорил я о том, что мы все заинтересованы в сотрудничестве, ибо наш общий энергетический дом должен быть не только теплым, но и экологически чистым и рационально устроенным. Энергетика должна стать тем мостом, который соединит нашу экономику с мировой системой.

Эти мысли рефреном звучали затем в моих выступлениях и на других международных встречах по проблемам энергетического сотрудничества: в Москве и Вашингтоне, Мюнхене и Стокгольме, Париже и Пекине. Все-таки я был представителем парламента, и мои слова воспринимались как наша официальная позиция, которая позднее была зафиксирована в Европейской энергетической хартии. Ее готовила с нашей стороны группа Таскаева В.В., а подписывали в декабре 1991 г. уже представители республик.

То ли время говорило моими устами, то ли и я влиял на формирование нашей официальной энергетической политики, но я ощущал и до сих пор ощущаю удовлетворенность тем, что произнесенные мной в то время слова и тезисы совпадают с реальными действиями в области энергетики, осуществляемыми ныне. О роли ТЭКа в экономике страны, о либерализации цен на энергоресурсы, об акционировании энергетических предприятий и соучастии смежников в этих акционерных обществах, о необходимости государственной поддержки как тех, кто обеспечивает (добывает, перерабатывает и поставляет) энергией всех потребителей, так и тех, кто рационально ее использует.

И хотя на Съездах и сессиях я выступал по энергетическим проблемам, но отнюдь не как лоббист отрасли, а как человек, понимающий ее роль в жизни общества.

Я считаю себя более системным «экологом», чем «зеленые» и даже такие известные как Юрий Николаевич Щербак из Киева и Алексей Владимирович

Яблоков из Москвы — руководители экологического комитета союзного парламента. Если вернуться к первоначальному смыслу понятия «экос» — среда обитания, то оно включает в себя не только заботу об охране природы, а подразумевает все жизнеобеспечение человеческого бытия, все компоненты, необходимые для его физического существования и цивилизованного развития: воду и воздух, тепло и свет, пищу физическую и духовную, нравственный климат окружающего социума.

Любой продукт человеческого бытия есть результат осознанного применения энергии (труда) к природным ресурсам. Чем больше знаний мы используем для дела, тем меньшим ресурсом и меньшими затратами энергии мы можем обойтись для достижения того же конечного результата. Попытка противопоставить энергетику вопросам охраны природы — это значит, заботиться не о человеке, нуждающемся в органичном единении того и другого для своего «экоса», а о собственном служебном положении.

«Специалист подобен флюсу — однокбок» — говорил Козьма Прутков. Конец XX века — время интеграции знаний и действий. Лишь поняв это, мы можем употребить свою энергию не на противостояние частностей, а на полноценную комплексную жизнь.

К сожалению, наше общественное мнение чаще всего подвержено крайностям. То все мы вдохновлялись «великими стройками коммунизма» — крупномасштабными ГЭС и другими энергогигантами, то под влиянием «зеленых» бросились отрицать любые энергообъекты за исключением ветряков и микроГЭС, которые, конечно же, никакой энергопогоды не сделают, хотя и могут быть применены для диверсификации видов используемой человеком энергии.

С другой стороны, все наши прежние энергопрограммы исходили из общественной потребности в энергии, оставляя за кадром личную заинтересованность конкретного гражданина в собственном энергообеспечении или соучастии в энергообеспечении большого дома, района, города, региона и государства. Социальная направленность новой энергетической политики, определяемая потребностью человека в жилой площади, продуктах питания, бытовой технике, моторном топливе, чистом воздухе и необходимых для этого прямых затратах энергоресурсов, а также потребностью материального производства и необходимых для этого материалов, техники и других средств — это главное, за что я ратовал при формировании заказа на новую энергетическую программу.

Разумеется, действие равно противодействию. Чем более активно «зеленые» выступали против энергетики вообще, тем больше приходилось защищать ее.

Действительно, по требованию «зеленых» были прекращены работы по 60 энергообъектам. Резервы мощности сократились до 3—5 процентов вместо необходимых по условиям надежности 9—13 процентов. Если бы не сиротские (теплые) зимы, то даже теплоснабжение населения обеспечить бы не удалось. К тому же во всех сферах материального производства цены стали свободными, а в

топливно-энергетическом комплексе по-прежнему правил бал почти 100%-ный госзаказ без централизованного материально-технического обеспечения. Снижение централизованных капиталовложений в ТЭК приводило к спаду производства. Так, инвестиции в нефтяную промышленность в 1991 г. сократились на 11%, ровно настолько же упала добыча нефти. В свое время в Новосибирске, просматривая данные о деятельности треста «Сибэнергострой», я заметил четкую корреляцию между плановым объемом инвестиций и объемом выполненных работ. План выполнялся все годы на уровне 85%. Давали план на уровне выполненных объемов предыдущего года, а он опять не выполнялся на 15%. Задирали план в 1,5 раза выше, и фактический объем рос, превышая предыдущий уровень в 1,5 раза, но ниже запланированного на те же 15%. Объяснялось все достаточно просто. Материальные ресурсы давались сверху сообразно плану, но не на весь объем капвложений, а на те же 85%. Считалось, что остальное строители добудут где-то сами. А выполненный объем стопроцентно определялся выделяемыми ресурсами. Отсутствие горизонтальных связей между предприятиями привело к тому, что отказ от централизованного распределения фондов поставил всех строителей в положение безногих бегунов. Обвал в производстве и развал самих коллективов не замедлил сказаться.

Энергетики, работая по фиксированным тарифам, оказались на грани банкротства. Народ стал «голосовать ногами». Стали уходить с электростанций высококвалифицированные ремонтники, монтажники, электрики. Уходили в кооперативы, в малые предприятия. Они находили себя там, но уже не как высококлассные специалисты своих профессий, а как высокоорганизованные, технически разносторонние, грамотные люди.

Отнюдь не способствовало стабилизации работы ТЭК отсутствие перспектив развития базовых отраслей промышленности. Попытки правительства сократить расходы на эти отрасли в пользу легкой и перерабатывающей промышленности, из лучших побуждений, дать больше товаров для населения, привели к тому, что запасов базовых отраслей не хватило. Ткани перестали выпускаться, т.к. начались перебои с красителями из-за остановки, по экологическим требованиям и в связи с отсутствием средств на их реконструкцию, у химиков и нефтепереработчиков. Железные дороги залихорадило из-за отсутствия шпал, выпуск которых сократился по вине металлургов и лесников. А те стали кивать, и не без оснований, на отсутствие угля. Спад добычи нефти привел к обвальному сокращению экспорта. Не стало валюты для закупки лекарств, ширпотреба и многих экспортируемых материалов для химии. Я до сих пор удивляюсь тому, насколько наше правительство оказалось не готовым к такому повороту событий и позволило за считанные месяцы развалить базовые отрасли. А ведь они и называются базовыми, ибо с них, с сырья все и начинается.

Но возвращаться назад было поздно. Хотя многие и предлагали сохранить энергетиков как «государевых служащих», перевести их «на казенный кошт». В условиях рушившейся централизованной системы это было невозможным. Казна не

позволяла содержать эти отрасли за счет государства. А попытка удержать цены на энергоносители директивным путем усугубляла их экономический кризис. К тому же популистские решения типа установления тарифа на электроэнергию для села в 1 коп. за кВт-ч., противоречили не только декларируемым рыночным отношениям, но и здравому смыслу. Вместо того чтобы стимулировать развитие собственных энергоисточников на селе, попытались решить проблемы одной части граждан за счет другой. Энергетики перестали вкладывать средства в развитие сельских линий, ибо кто же будет способствовать своему собственному разорению.

Уступая нажиму «зеленых», правительство одну за другой сдавало позиции и в области атомной энергетики. Я несколько раз говорил Рябеву Л.Д., что нужно самим определиться и выступить с инициативой закрыть некоторые атомные стройки, а за другие — драться зубами. К сожалению, вначале пытались противостоять всем нападкам «зеленых», защищая и те проекты, которые не являлись для энергетики жизненно необходимыми. По крайней мере, в ближайшие годы. Например, Костромская, Татарская, Крымская АЭС. Соппротивление властей лишь умножало натиск «зеленых». В конечном итоге отказались не только от этих проектов, но и от Ростовской АЭС, которая была на стадии эксплуатационной готовности и соответствовала основным требованиям безопасности. Я всегда приводил в пример шведов. После аварии на американской АЭС «Тримайл-Айленд» еще в 1978 г. (кстати, второй ее блок успешно работает и по сей день) шведские энергетики сами инициировали принятие моратория на развитие атомной энергетики. Они отказались от проектирования и строительства всех новых АЭС, за исключением тех, которые уже была начаты. Тем самым во главе общественного движения за безопасность нации встали сами энергетики. Разумеется, вложив немало дополнительных сил и средств в совершенствование всех строящихся АЭС, они довели их «до ума», ввели все намеченные блоки. А теперь подвели общественное мнение к необходимости отказаться от дальнейшего моратория на развитие атомной энергетики. Мы же — все наоборот. Сохраняем в действии «плохие» первые блоки на Курской АЭС и прекращаем строительство 6-го блока, а пятый, находящийся с ним в одной сцепке, достраиваем. Логика на уровне несмышленишей. Когда посла возвращения с Курской АЭС, где и население и власти выступали за продолжение этого строительства (не самоубийцы же они), я попросил Рябева Л.Д. еще раз вернуться к этому вопросу, он заявил курянам:

— Коли ваши власти дадут письменную гарантию, что они потом не выступят против, а если выступят, то вернут государству все вложенные средства, правительство готово финансировать строительство 5-го блока.

Разумеется, гарантии никто давать не стал. И многомиллионные строительные заделы оказались заброшенными.

И Юрий Дмитриевич Маслюков, как председатель Госплана и Лев Алексеевич Воронин, как первый зам. Предсовмина и сам Н.И. Рыжков понимали важность энергетики для народного хозяйства.

Как я уже рассказывал, Николай Иванович, на нашей первой встрече откровенно посетовал, что ничего не может сделать, так как на него давят и сверху (имелось в виду руководство ЦК КПСС) и снизу (депутаты), требуя снять деньги с энергетики и бросить их на другие социальные объекты.

А когда на I Съезде энергетиков, проходившем в Колонном зале Дома Союзов тот же Н.И. Рыжков распинался перед аудиторией в понимании важности этой отрасли, я в комнате президиума не удержался и съязвил:

— Таковую речь лучше было бы произнести не здесь перед энергетиками, а перед депутатами при обосновании бюджета на новый 1991 г.

К тому времени уже начались разговоры о национализации республиками энергообъектов Единой энергетической системы СССР. Упреждая эти события, я неоднократно убеждал Министра энергетики и электрификации СССР Юрия Кузьмича Семенова, что пора начать встречное движение — создать общую акционерную энергокомпанию, передав в ее ведение межсистемные линии электропередачи 500—1150 кВ и системообразующие ГРЭС, АЭС и ГЭС мощностью свыше 2 ГВт, а все остальное отдать в ведение республиканских и региональных энергокомпаний. Укрепив топливно-энергетическую комиссию Совета Министров СССР (Бюро по ТЭК), за ней нужно было сохранить функции чисто государственного регулирования, а отнюдь не хозяйственного управления. Минэнерго СССР при этом становилось излишним или сводилось к промежуточному органу научно-технологического и экономического регулирования. Разумеется, Юрий Кузьмич как министр не хотел быть разрушителем того «царства, на троне которого восседал». Он, а особенно его глашатаи типа Джангирова З.А., обвиняли меня в стремлении, развалить энергетику на части (разумеется, речь шла о министерстве, а не о технологически связанной системе). Под Единой энергосистемой, которую все (и я в том числе) призывали сохранить, он-то видел полный набор всех строительных, ремонтных, проектных предприятий, то есть все возглавляемое им министерство. Я же говорил о сохранении технологического единства иерархически организованной системы. Разумеется, моих доводов и моей настойчивости оказалось явно недостаточно. В результате, до самого конца, Ю.К. Семенов пытался сохранить общесоюзное министерство нетронутым. Борясь за все, он потерял все.

Необходимость реорганизации Министерства и ТЭК в целом выявилась уже в начале 1990 года после того, как правительственный доклад на II Съезде НД СССР, хотя и не дал ясной программы предстоящей экономической реформы, тем не менее заявил о поиске новых форм хозяйствования в экономике. Еще в то время мы с Георгием Ивановичем Тихоновым — тогда народным депутатом СССР от Таджикистана, работавшим заместителем Л.Д. Рябева в Бюро СМ по ТЭК, обсуждали возможность создания на месте Минэнерго крупной энергетической компании с сохранением функций государственного регулирования ТЭК в целом на уровне вышеупомянутого Бюро. Разумеется, деятели Минэнерго были от этого не в восторге. Надо откровенно сказать, что прочных контактов с руководством Минэнерго у нас не сложилось.

В отличие от угольщиков, железнодорожников, где министры и их заместители регулярно встречались с депутатами-работниками своих отраслей, мне приходилось чуть ли не напрашиваться на коллегии, совещания и другие массовые мероприятия Минэнерго. Я уже рассказывал о проведении совещания энергетиков весной 1990 г. в Конаково, когда мы в комиссии узнали об этой встрече практически случайно — от предзабастовочной группы энергетиков. Сорвались и сами поехали в Конаково, по дороге обогнав кортеж министерских машин. Министр при виде нас растерялся и долго соображал, кого приглашать в Президиум совещания. Кончилось тем, что все мы оказались на сцене.

На этом совещании родилась мысль о созыве специального Съезда энергетиков СССР Ю.Х. Семенов перехватил инициативу у представителей с мест и дал задание готовить такой Съезд. Состоялся он в декабре 1990 г. в Колонном зале Дома Союзов. Мы — депутаты оказались не в президиуме, а в гостевой ложе, И выступал я не в официальной программе, а в прениях — по собственной инициативе. Но, по отзывам некоторых делегатов Съезда, мне удалось сформулировать достаточно четко необходимость и суть новых задач отрасли с переходом на экономические методы управления и соотношение центрального и местного руководства ею. К сожалению, Съезд не стал переломным моментом в жизни энергетиков.

Примерно в это же время состоялась и встреча энергетиков с М.С. Горбачевым. Инициатором такой встречи выступили все те же представители предзабастовочного комитета энергетиков, а непосредственные хлопоты по ее проведению выпали мне. Я дважды на сессиях прорывался к Президенту и настаивал на такой встрече. Наконец, принципиальное согласие было получено. Через день мне передали, что звонил Владимир Павлович Луциков и просил связаться с ним по телефону. В.П. Луциков выполнял в общем отделе ЦК КПСС непонятную мне роль, похожую на функции помощника Генерального секретаря, хотя официально таковым не значился. Я передал Луцикову список представителей трудовых коллективов, настаивавших на встрече с Горбачевым, и перечень основных вопросов, всех нас беспокоящих. Разумеется, далеко не последними были вопросы зарплаты и социального обеспечения работников отрасли, но главное — нужна была ясность (или хотя бы общие суждения на эту тему) о будущем энергетики.

Наконец, встреча была назначена. До самого последнего момента я не был уверен, что она все же состоится, т.к. в тот день у Михаила Сергеевича была тяжелейшая встреча с командирами-директорами крупнейших государственных предприятий в Кремлевском Дворце Съездов. Вел встречу Тизяков — председатель Всесоюзной ассоциации руководителей госпредприятий — будущий член ГКЧП. Собрались в основном представители ВПК, которые в глаза чехвостили Президента СССР за его потуги сломать административно-хозяйственную систему. Горбачев начал огрызаться, и встреча закончилась полнейшим «раздраем». Я думал, что после такой тяжелой перебранки у Михаила Сергеевича не будет сил вести переговоры еще и с энергетиками. Однако, перезвонив Луцикову, получил подтверждение, что встреча состоится в тот же вечер в здании ЦК КПСС на Старой площади.

Это был мой первый визит в партийную цитадель. Собралось неожиданно много народу, человек около сотни: министры смежных отраслей — Величко, Щадов, Анфимов, Щербаков, Коновалов, работники центральных органов, так что протежируемые мной представители трудовых коллективов поначалу потерялись в этой массе.

Ровно в 17:00 вышел Горбачев. Выглядел он достаточно свежим, подтянутым, решительным, как будто и не было за плечами закончившегося всего пару часов назад труднейшего разговора в Кремле. Улыбчиво оглядев присутствующих, пригласил к нему за стол президиума меня (назвав по памяти, не заглядывая в бумажку, мою фамилию), министра энергетики (он так его и назвал, не упомянув фамилию), и Льва Дмитриевича Рябева. Затем, увидав только что вошедшую Э.Д. Памфилову (тоже депутата от профсоюзной организации строительного треста Мосэнерго), он пригласил и ее «дабы скрасить официальный президиум женским присутствием». Никакого вступительного слова никто не произносил, и первым напросился на трибуну генеральный директор Мосэнерго Нестор Иванович Серебряников. Он довольно долго говорил о запчастях, капстроительстве и других злободневных оперативных вопросах, так что Горбачев вынужден был его остановить и дать слово Ю.К. Семенову. Но и он выступил не лучше. Встреча явно превращалась в обычную аппаратную разборку, пока не попросили слова представители с мест, в том числе и представители трудовых коллективов. Они как-то значимее руководителей отрасли сформулировали круг острейших проблем в энергетике. Горбачев задавал выступающим вопросы, что-то записывал, но не увлекался собственными комментариями. Я подошел к нему и спросил, каким временем он располагает для встречи, поскольку тоже хотел бы выступить. Он предоставил слово и мне, а встреча продолжалась уже более 2-х часов. Я снова выступил за сохранение Единой электроэнергетической системы как целостной технологической системы с предоставлением большей организационно-экономической самостоятельности регионам.

Заключил встречу Горбачев довольно-таки лаконично. Он дал поручение готовить Указ Президента «О неотложных мерах по стабилизации работы энергетики», упомянув в нем и перспективы отрасли, и социальные проблемы коллективов. И призвал прессу, а присутствовал лишь главный редактор «Рабочей трибуны» Юрлов, поднять голос в пропаганде значимости энергетических проблем. При этом он поручил мне, как представителю парламентской комиссии, взять под контроль выполнение подготовки Указа.

К сожалению, Указ этот так и не вышел. Сначала Семенов и Марьин, взявшиеся за его подготовку, протянули время. А когда я по своей инициативе подготовил свой вариант проекта Указа, они выступили его оппонентами. В результате прошел месяц, потом этот проект где-то затерялся в аппарате Президента. Я два раза дозванивался до В.И. Болдина: один раз он ответил мне, что указ передан на подпись Горбачеву, другой — что он передан на рассмотрение Павлову В.С., назначенному незадолго до того Премьер-министром.

Какие-то фрагменты из этого Указа нашли отражение в общих Постановлениях нового Правительства, а сам Указ в целом оказался похороненным.

Вообще, декабрь 1990 г. был отмечен вниманием руководства страны к проблемам энергетики. Кроме Съезда энергетиков и встречи у Президента, на IV-м Съезде народных депутатов СССР об этом тоже шла речь, и снова не без моего участия. Одно из заседаний Съезда совпало с 22 декабря — днем энергетика. Я накануне написал от руки двухстраничную записку о срочной необходимости решать вопрос с перспективой развития отрасли, потому, что в бюджете на 1991 г. финансирования ТЭК предусмотрено не было, а внебюджетный фонд стабилизации, на который энергетики возлагали немало надежд, так и не был собран, уже началась «война законов», в том числе и саботаж республик по переводу средств в этот общесоюзный фонд. Эту записку я передал А.И. Лукьянову для Горбачева М.С. Утром следующего дня заместитель руководителя Секретариата Съезда Г. К. Крючков в обзоре обращений к Съезду достаточно подробно (по поручению М.С.) изложил ее суть. Но этого было мало.

Я еще раз написал записку с просьбой дать мне слово для выступления именно сегодня, когда исполняется 70 лет со дня принятия плана ГОЭЛРО. В конце заседания, когда перешли к разделу «разное», я сел в первом ряду и стал пальцами показывать Горбачеву, что прошу две минуты для выступления. Он понял меня, но кивком головы показал в сторону Секретариата. Я немедленно ринулся туда, перебивая других, стал доказывать, что М.С. готов предоставить мне слово, если будет официальное (как положено по регламенту) решение Секретариата. Моя настойчивость подействовала, и через одного ведущий объявил, что вне очереди — в связи с Днем энергетика слово предоставляется Бушуеву. Конечно, мой по сути дела выкрик в зал о необходимости предотвратить грозящую энергетическую катастрофу и принять срочные меры имел лишь эмоциональный характер. Предложения, которые я внес в проект решения Съезда, так и остались «вещью в себе». Как остались «вещью в себе» многие принятые, но не исполненные решения Съезда о подготовке новой энергетической программы, Верховного Совета — о подготовке к зиме, о положении в стране и другие. Прежние бумажные методы руководства перестали играть какую-либо роль, а жизнь катилась своим чередом.

Конечно, хочется надеяться, что и мои «толкания»: мои статьи, выступления не были абсолютно напрасными. Ведь то, что я говорил тогда, в большинстве своем начинает сегодня приобретать права не только юридических, но и директивных решений — об акционировании предприятий ТЭК, о либерализации цен на энергоносители, о государственной системе управления энергосбережением.

К Союзному Договору и... далее

Насколько все это осуществлялось бы скорее, если бы наше общество не раздиралось противоречиями субъективного характера — борьбой за власть между Горбачевым и Ельциным. Конечно, позиция каждого отражала не только его личное мнение, она была отражением объективно существовавших разногласий даже не о направлениях экономической и политической реформы в обществе, а о методах и темпах ее проведения.

Я был и остаюсь во мнении, что Горбачев, подталкиваемый Ельциным, во главе единого государства быстрее и безболезненнее привел бы нас к цивилизованной интеграции с мировым сообществом, чем импульсивный Борис Николаевич, который часто вначале принимал решения, а уже потом, осмысливая их, давал возможность своему окружению интерпретировать их в более удобоваримом виде.

Разумеется, главная беда и вина Горбачева в том, что он все время опаздывал. Выпустив «джина из бутылки», начав процесс реконструкции общества в пользу большей свободы человеку, предприятию, региону, он перестал попевать за событиями. «Процесс пошел» (любимое присловие Горбачева) уже вне его воли и желания. А он вместо того, чтобы вести его за собой, пытался удержать события в русле неспешной эволюции. Тем самым сам попал под копыта разбегающегося табуна.

Уже на 1-м Съезде распространялись различные проекты новой Конституция СССР либо Евразийской ассоциации народов. В одном случае речь шла о перекройке внутреннего содержания Союза, деля его на территориально вычлняемые части (Урал, Большая Волга, Кавказ, Сибирь, Дальний Восток и т.д.), не связывая их ни с республиками, ни с национальностями. Разумеется, попытка, перенести на нашу землю американский принцип деления страны на штаты, была хотя и заманчивой, но мало приемлемой.

Мне представляется, что в конце XX века возвращаться к чисто национально-государственному устройству — не лучший способ организовывать сообщество граждан. Нация — это все же в первую очередь культурно-этническое сообщество. А пытаться в век высокоразвитой коммуникабельности, экономической интеграции обособляться по национальному признаку — это громадный шаг назад. Все-таки у нас уже вызрела новая общность — единый советский народ. Ассимиляция народов — это объективный процесс, от которого выиграли и многочисленная русская и малочисленные нации на территории страны. Разумеется, сохранение этносов с их самобытными культурными традициями необходимо, но не как самоцель, а как средство для более полноценного развития человеческого сообщества. Национализм и интернационализм — два процесса, которые должны уживаться вместе, не противопоставляясь и уж, тем более, не уничтожая друг друга. Я — русский, литовец, чукча, татарин, но мы — советский народ.

Республики и регионы начали борьбу за экономическую самостоятельность, за расширение своих, в первую очередь, хозяйственных прав. И именно об этом шла вначале речь у прибалтов и грузин, у жителей Нагорного Карабаха и Татарии. А уже потом, когда центральное правительство попыталось, несмотря на принятые парламентом законы об экономической самостоятельности Литвы и Эстонии, не дать им этих прав, народные фронты повели борьбу с центром под флагом национализма. И сколько сил приложили умнейший экономист из Эстонии Михаил Лазаревич Бронштейн и грузин Валериан Сергеевич Адвадзе для того, чтобы сохранить в первую очередь экономический Союз республик. Но их усилия результатов не дали, ибо чем сильнее центр пытался скрепить всех своею властью, там сильнее становилось противодействие на местах. И тон стали задавать националисты типа Звиада Гамсахурдия, Витаутаса Ландсбергиса. А за ними потянулись и остальные. Но там, где речь шла о мононациональной республике, национализм укоренялся безболезненно. А когда стали, на якобы национальной почве, обособляться многонациональные республики, это уже вызвало противостояния и столкновения чисто межнационального характера, умело подогреваемые сепаратистами. В Латвии — половина населения — не латыши, в Молдавии целые районы населены преимущественно русскими и украинцами, например, правое Приднестровье. Абхазцы и осетины — в Грузии, карабахские армяне — в Азербайджане, узбеки — в Ошской долине Киргизии. Сколько конфликтов, унесших тысячи человеческих жизней, возникло на почве национализма в самые последние годы.

К сожалению, процессы дезинтеграции не удалось погасить в самом начале, и запыхали по всей стране пожары и военные действия. Центр ничего не мог противопоставить с самого начала армяно-азербайджанскому конфликту, заняв созерцательную позицию, в результате этот, по сути дела, частный конфликт перерос в настоящую кровопролитную войну.

Еще в мае 1989 г. на Съезде начались разговоры о новом Союзном договоре и была образована специальная Конституционная комиссия, но лишь в декабре 1990 г., спустя полтора года, на IV Съезде Председатель Совета Национальностей Рафик Нишанович Нишанов выступил с докладом об общей концепции нового Союзного Договора и порядке его заключения. Затянулась несообразно со стремительно развивающимися событиями не только подготовка, но и процедура согласования этого Договора.

Совершенно невероятным предположением, вызвавшим смех в зале, звучали слова писателя Валентина Распутина на I Съезде о том, что будет, если не прибалтийские республики, а Россия заявит о своем выходе из Союза, ведь Россия в составе СССР находится в менее привилегированном положении, чем остальные республики. Трудно было даже подумать, что всего через полгода летом 1990 г. на первом Съезде народных депутатов РСФСР по инициативе Б.Н. Ельцина будет заявлено о возрождении Российской государственности. И тогда мало кто подумал, что этот шаг уже однозначно определил скорый развал СССР как единого государства.

В свое время в 20-х годах был сделан единственно верный шаг на пути к созданию Советского Союза, когда за счет внешнего принижения роли атрибутики РСФСР как самостоятельного государства она стала центром СССР, вокруг нее объединились все остальные республики.

А с 1990 г. Москва стала столицей двух государств — РСФСР и СССР. Абсурд. Ясно, что этот юридический нонсенс не мог продолжаться долго. И вместо того, чтобы открыто признать, что СССР должен стать не государством, а конфедерацией, Горбачев и иже с ним пытались придумать схему сосуществования на одной территории двух самостоятельных стран. Отсюда — и «война законов», «война банков» и, слава богу, не война людей с оружием, подчиняющихся разным президентам и правительствам.

Разумеется, такую перспективу не мог не предвидеть Б.Н. Ельцин. И все его заявления, что Россия — за сохранение Союза, были не больше чем уловкой, чтобы раньше времени не проявить свои намерения. А они были достаточно понятны — разрушить центр дабы стать его заменителем, пусть и в несколько меньших размерах — «всего лишь» на территории России, И Б.Н. этого достиг. Но что изменилось. Конфликт России с Украиной по поводу Крыма и Черноморского флота, маленькая, но воинственная Чечня, Приднестровская республика, убоявшаяся весьма реальной опасности объединения Молдавии с Румынией. Перестрелки, беженцы, экономический хаос. Уравновешивает ли это естественную тягу отдельных наций к самостоятельности. Нет. А ведь об этом предупреждал Горбачев, когда стали все более активно проявляться сепаратистские настроения республиканских лидеров. Но... убеждения с призывом к здравомыслию становятся недейственными, когда внутри зажжена или заражена национальной исключительностью человеческая кровь.

Разве трудно было предвидеть представителям армянской интеллигенции, что их призывы к возрождению Великой Армении с вхождением в ее состав Нагорного Карабаха приведут к тому, что уязвленные покушением на целостность их территории азербайджанцы начнут блокаду и геноцид.

Ельцин своим внешне простодушным заявлением в Татарии «берите себе суверенитета сколько унесете» сделал для сохранения России больше, чем Горбачев увещеваниями не разбегаться.

И Союзный парламент, пытаясь сделать Договор лучший, в интересах всего сообщества СССР, оказал медвежью услугу, дав повод республикам опять упрекать центр в попытке возрождения империи.

Об этом достаточно резко говорили на сессии и Левон Петросян, и Р.И. Хасбулатов. При всей моей настороженности к представителям Армении Левон Петросян вызывал у меня чувство искреннего уважения из-за его внутренней интеллигентности. Не могу даже сказать, в чем конкретно это выразалось, но исходила от него какая-то ясность, уверенность, жесткость, но и уважительность.

Не в пример Руслану Имрановичу, который бывал часто просто хамоват, диктуя слушателям и собеседникам свои мысли настолько безапелляционным тоном, что те переставали верить в их истинность. Когда В.Д. Юдин на одной из встреч в парламенте РСФСР попробовал высказать некоторые сомнения в правильности действий российских лидеров в отношении союзных депутатов, Р.И. Хасбулатов вслух обозвал его многими нехорошими словами, а затем, запомнив, всячески вычеркивал его из списка кандидатур в новый состав Верховного Совета СССР.

Может быть, похожие возражения, но совсем другим тоном, высказывал и Назарбаев по поводу попыток ВС Союза ревизовать проект Союзного Договора.

Поэтому как ни прискорбно, но следует признать, что Президент СССР правильно сделал, по сути отстранив Верховный Совет от подготовки Союзного Договора. Но и Ново-Огаревский процесс, когда собирались за закрытыми дверями главы республик, был для некоторых из них лишь ширмой, прикрывающей их сепаратистские намерения. Разумеется, главным подрывником Союза был Ельцин, компаньоном которому по этому «мокрому делу» стал Кравчук.

Ведь еще задолго до августовских событий 1991 года у них были намерения и попытки взорвать Союз и стать «удельными князьями», тем более, что удел у каждого был немалый — поболее многих европейских стран вместе взятых. Пожалуй, лишь один Назарбаев при всех подозрениях в его восточной хитрости до конца оставался приверженцем единого союзного государства с широкими республиканскими полномочиями. Недаром его и не пригласили на Беловежский сговор в декабре 1991г.

И совершенно удивительным представляется августовский «путч». По-моему С. Маршак очень тонко заметил:

— Путч не может кончиться удачей, в противном случае он звался бы иначе.

В канун этих событий никто кроме, пожалуй, Горбачева не ратовал за скорейшее подписание Союзного Договора. Союзное руководство, воспитанное на центристских началах, понимало, что Договор — это ликвидация Союза как единого унитарного государства, а по-другому руководить они просто не умели. Хотя в их стремлении сохранить единую армию, единство хозяйственных связей, единство бюджетной системы, единство законодательного пространства, безусловно, был свой резон. Лидеры республик двурушничали. Не решаясь открыто призвать к ликвидации Союза, тем более, что референдум 17 марта при всех его условностях показал всеобщую тягу к сохранению СССР, они выхлостили текст Договора так, что он уже ровным счетом ничего не значил, не влиял на их потаенные дела.

До какой же степени весь путч был топорно скроен и сшит белыми нитками. Форосский пленник предпочел остаться в самоизоляции — не проявил ни малейшей попытки воспрепятствовать «заговорщикам». Недаром их аргументом стала «недееспособность Президента». Тут они не кривили душой, ведь Конституция не расшифровывала понятие «недееспособность», и не увязывала его лишь с физической немощью Главы государства.

Как убийство Кеннеди осталось тайной в анналах американской истории, так и обстоятельства «политической смерти» Горбачева в августе 1991 г. канут во мрак истории отечественной.

А уж кому больше всех был выгоден этот опереточный путч, так это Ельцину, который не преминул воспользоваться этим историческим шансом для достижения, в первую очередь, своей заветной цели — взять реванш за уязвленное самолюбие.

Как метко заметил лидер общества «Щит» Уражцев: когда он узнал, что во главе ГКЧП стоит Янаев Г.И., то успокоился, ибо у того никогда ничего не получалось. Не получилось и в этот раз. Так бездарно вести дело: то вводить танки на улицы Москвы, то оставить в покое защитников Белого дома. Ах, как хотелось тем быть победителями или мучениками. И такую возможность ГКЧПисты им предоставили. Вот уж воистину царский подарок преподнесли они Б.Н. Ельцину, помогли занять российский трон.

Конечно, не в пример старым служакам, которые привыкли все делать по команде Генерального и растерялись, оставшись без его прикрытия, Борис Николаевич проявил решительность и даже личный, героизм. Это на партийном форуме он просил политической реабилитации и не получил ее, а здесь он твердо стал на броню танка. Это был поступок, а нам так не хватало последнее время действующих, а не только рассуждающих лидеров. Конечно, никакой реальной физической опасности для него и его сподвижников не было. И все эти разговоры, «документы» о возможном аресте и т.д. были раздуты и размножены в его интересах. Как тонко он сыграл свою роль — страдальца и победителя. Можно только восхищаться его Личностью. Объективно его «Я» в тот момент совпадало с общественной потребностью в вожде. Демократичный и решительный царь был «нужен» россиянам, и он стал им.

Конечно, субъективное отношение отдельных людей и мое, в частности, к августовским событиям неоднозначно, известие об отстранении от власти Горбачева и о введении чрезвычайного положения застало меня на сочинском пляже. Понежился я всего неделю до этого. Лететь или не лететь в Москву? Нас депутатов было немало, и собрались мы по инициативе З.Д. Юдина немедленно. Сразу же дали телеграмму в Москву Лукьянову с настойчивым предложением немедленно собрать сессию Верховного Совета. Пришел успокаивающий ответ от Лаптева И.Д. о том, что вопрос о созыве сессии обсуждался и намечено ее проведение на 26.08.90 г.

В разговоре по телефону Лаптев тоже призывал не паниковать и не спешить, т.к. неясна ситуация с Президентом. Кто-то не успокоился и улетел в Москву, кто-то, в том числе и я, остался. Разумеется, излишний рационализм, понимание того, что твое присутствие там, вблизи Кремля или Белого дома, ровным счетом ничего не изменит, не делает мне чести. Ибо бывают случаи, когда нужно принимать то или иное решение, становиться по ту или иную сторону баррикад. Моя же позиция определенной не была. Я осознавал всю неправомерность действий ГКЧП, но не мог однозначно и поддержать «белодомовцев».

Присутствие в рядах ГКЧП Тизякова и Стародубцева сразу показывало истинные намерения новоявленных «путчистов» и воспринимать события с их участием можно было только как возврат к административно-командной системе, хотя общество уже явно ушло от раболепства перед этой системой.

В то же время и Ельцин, и Хасбулатов, и Бурбулис доверия у меня тоже не вызывали.

Все эти разговоры о демократии, с их призывами к законности были не более чем разговорами. На самом деле шла и идет борьба за власть, в которой «хороши» любые популистские лозунги. Не хочу принизить поведение тех, кто искренне и убежденно встали под трехцветные российские знамена: Ростропович и Соломин, Н. Михалков, Т. Корякина и многие другие. Кто-то из них сказал тележурналисту, что чувствовал бы себя подлецом, отсидевшись в этот момент дома. Я — «отсиделся», хотя подлецом себя не считаю, но воспринимаю свою неуверенность отнюдь не как достоинство.

Наблюдая за событиями по телевидению, я завидовал тем, кто не струхнул от вида танков, хотя отнюдь не восторгаюсь и нанятыми «охранниками» из группы «Алекс», подвыпившими молодцами, швырявшими в танки бутылки с зажигательной смесью.

Но если их хоть и можно понять, ведь они действовали в пылу, в азарте противостояния, а вот как умело срежиссировали победители похороны жертв, митинг и вовремя собранную сессию, говорит о том, что новые лидеры России овладели различными методами воздействия на толпу, в том числе и демагогическими.

Надо отдать должное решительности Ельцина и Руцкого, произведших молниеносные аресты ГКЧПистов. Я до сих пор не могу понять, как это позволили сделать с собой и министр обороны Язов, и председатель КГБ Крючков.

Говорить о том, что у них не было достаточного количества верных лично им и подчиняющихся им командующих высочайшего ранга вооруженных частей, не приходится. Даже если не все из их окружения разделяли взгляды ГКЧП, привычка выполнять команды у многих сохранилась.

И все же руководители ГКЧП сдали оружие «без боя». Не раскаяние руководило ими, а какая-то растерянность, вера в то, что все происходящее — какой-то нонсенс. Их поведение напоминало покорность кролика, самостоятельно лезущего в пасть удаву. А тот добычу не упустил.

Мало того, что сами августовские события были какими-то двусмысленными, особенно «дикими» показались скоротечные последствия этих дней.

Ельцин выручил Горбачева из Форосского «заточения», но тут же подвергнул его такой унижительной процедуре «допроса» в российском парламенте, что я не

уверен, стала ли желанной для М.С. такая свобода. А когда Б.Н., несмотря на робкие возражения Горбачева, торжественно (в явном самодовольстве) объявил о запрете КПСС, то выглядело это эпохальное событие как личное глумление над поверженным соперником. Похороны трех жертв августовских событий, которым М.С. Горбачев подобострастно присвоил звание «Героя Советского Союза», были похожи не на ритуальное прискорбное событие, а на восславление нового российского царя-батюшки. Президент Союза выступал среди других ораторов на общем митинге, а затем состоялось грандиозное шествие народа «пред светлые очи» хозяина Белого дома и Руси великой.

«Раскачивая» толпу на очередном митинге возгласами «Ро-о-с-с-и-я, Ель-цин», Бурбулис наэлектризовал ее настолько, что стоило Глебу Якунину — этому рыжеволосому смутьяну кликнуть клич, как многотысячная толпа ринулась крушить памятник Дзержинскому и бить стекла в здании ЦК на Старой площади. Вот тебе и демократия, вот тебе и демократы.

Просто непорядочным была записка-донос Николая Николаевича Воронцова — Министра экологии у Рыжкова и Павлова по поводу того, кто и как вел себя на последнем заседании Совмина СССР. Некоторые факты были просто перевернаны, а ведь это привело к публичному поношению людей, в частности С. Хаджиева — недолгосрочного Министра нефтеперерабатывающей промышленности, которого вообще не было на этом заседании. Конечно, решение Горбачева отправить в отставку все Правительство в связи с арестом Павлова было вполне обоснованным, но на этом месте ничего не возникло. Поспешно созданный Силаевский Кабинет оказался пустой затеей. А отсутствие центрального правительства Союза быстро-быстро привело и к ликвидации самой государственной структуры — СССР.

В этих условиях V-й (внеочередной) Съезд НД СССР, собравшийся в первых числах сентября, шел под диктовку руководителей республик. Подготовленное ими решение фактически означало, что Съезд как высший представительный орган перестает существовать, а вместо прежнего состава Верховного Совета СССР формируется новый двухпалатный орган с персональным назначением его членов республиканскими парламентами. С таким предложением от имени глав республик выступил Назарбаев. Почувствовав для себя угрозу разгона, Съезд начал «огрызаться» и на ультимативные требования руководителей республик не поддался. Надо отдать должное Татарчуку В.И., который был председателем редакционной комиссии Съезда. В отличие от прошлых форумов, когда эту почетную и ответственную роль выполняли Яковлев А.Н., Назарбаев Н.А., на последнем инициативная группа по подготовке Съезда взяла кадровые вопросы в свои руки.

Руководить Съездом было некому — Лукьянов уже находился под арестом. Кстати, этот арест, а точнее согласие на него, было молниеносно получено у депутатов на сессии в конце августа, я бы сказал, «на испуг».

Когда стали распространяться в прессе сообщения, что Генеральный прокурор СССР Н.С. Трубин на Кубе якобы поддержал ГКЧП, он решил быть «святое папы

римского». Неожиданно (в отсутствие Лукьянова) попросил слова и предложил депутатам снять с Председателя Верховного Совета СССР иммунитет неприкосновенности, мотивируя это якобы достаточным количеством имеющих улики, избличающих Анатолия Ивановича в причастности к попытке «государственного переворота». Депутаты как-то уж очень быстро «сдали» своего Председателя. И сессию и Съезд вел Лаптев Л.Д.

Редакционная комиссия Съезда все-таки отстояла некоторые права депутатского корпуса. По крайней мере, в тексте Постановления остались двусмысленные положения, которые отменяли лишь очередные Съезды, но ничего не говорили (следовательно, и не запрещали) о внеочередных. Формирование Совета Союза предполагалось силами депутатских делегаций республик, но с согласия своих парламентов. На деле же для России это привело к тому, что сама по себе делегация НД СССР из числа россиян, имея свыше 1000 человек, собраться не могла. А Президиум Российского парламента сам сформировал республиканскую депутацию, в нее не вошли и Татарчук В.И. как депутат, избранный от КПСС, и Юдин В.Д. — как человек, посмеявшийся в чем-то не согласиться с Хасбулатовым и я. Как выяснилось, тот же Татарчук В. И. на инициативной группе, готовившей предварительный список, забаллотировал свою кандидатуру.

Украина так и не сформировала свою депутацию, поэтому новый Верховный Совет, по сути дела, оказался импотентом. Этому содействовал и К. Лубенченко, избранный Председателем Совета Союза, он больше всего боялся, чтобы российское руководство не упрекнуло его в какой-либо самодеятельности. А. Алимжанов из Казахстана, избранный Председателем Совета Республик (верхняя палата — вместо Совета Национальностей), более достойно выполнял свою миссию. Очень тактично, но без какого-либо раболепия перед местной властью он вел линию на сохранение союзного парламента как органа, где представители всех республик могли хотя бы ставить проблемы.

И когда после 8 декабря 1991 г., после Беловежского решения «трех китов» о роспуске СССР, Россия отозвала депутатов-россиян из союзного парламента, он мужественно провел последнее «похоронное» заседание.

Было предположение, что Горбачев именно в парламенте заявит о своей отставке с поста первого и последнего Президента СССР. Это хоть как-то бы легитимировало передачу власти от центра — к республикам (ибо СНГ — Содружество Независимых Государств — это лишь «платье голого короля»). Но Горбачев «убоялся» ответить перед депутатами за свои действия или бездействие.

И ликвидация СССР состоялась де-факто, но не де-юре. Именно это обстоятельство и послужило потом основанием для проведения группой депутатов «подпольного» Съезда народных депутатов СССР — но это уже был съезд призрачных иллюзий.

Подводя итоги

Когда меня спрашивают, не жалею ли я о том, что три года моей жизни были отданы депутатству, закончившемуся таким финалом, я пусть несколько фривольно, но отвечаю:

— Мужчина тем и отличается от слабого пола, что никогда не жалеет о случившемся.

Нет, не жалею. Я увидел мир, себя и людей «с другой кочки», дающей возможность заглянуть за прежний горизонт.

Не могу сказать, что я остался прежним, но думаю, что остался самым собой, обогащенный и новым видением окружающей жизни и новым мироощущением. Все это я получил от общения с новыми людьми. Пусть это будет бахвальством, но я очень быстро избавился от раболепствующего трепета в общении с сильными мира сего, тем более, что большинство из них оказались отнюдь не кичливыми персонами. «Не боги горшки обжигают» — по отношению к некоторым из них можно было переиначить: «Горшки обжигают, и не боги». Не могу сказать, что я мог бы стать вровень с ними, но не хочу заниматься и самоуничижением. По системности мышления, по динамичности мышления я бы не уступил многим. Перед чем я пасовал, так это перед напористостью и упрямством тех, кто был при власти и даже без оной. Надо сказать, что старшее поколение наших лидеров, с кем мне довелось общаться: Горбачев, Рыжков, Лукьянов, Нишанов, Лаптев, Рябев, Абалкин, Лаверов, Силаев, Вольский были гораздо более интеллигентными людьми, чем следующая плеяда — Павлов, Щербаков, Догужиев, Травкин, Бочаров, которые отличались зато большим динамизмом, большей решительностью. Я уже не говорю о новых российских лидерах, с которыми мне довелось общаться лишь на расстоянии, не считая Бурбулиса, с которым ездили вместе в Швецию в феврале 1990 г.

Каждому сезону — свой темперамент. Наверное, я все же ближе к тем, бывшим. По крайней мере, к большинству из них я сохранил искреннее уважение.

И все же — «Я» и «Мы».

Две тенденции явно преобладают в мировом процессе: эгоцентризм, когда все — лишь мое окружение, и синэнергетика — коллективное поведение. Равнодействующая этих сил и управляет миром.

1989-1991 гг.